

**ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

**в 1868-1870 годах.
БАРОНА ГЕРГАРДА МАЙДЕЛЯ**

ТОМ ВТОРОЙ

С АТЛАСОМ, СОДЕРЖАЩИМ 4 КАРТЫ И СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ СПИСОК РЕК.

ПЕРЕВЁЛ С НЕМЕЦКОГО ПО ПОРУЧЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК

В.Л. Бианки

УЧЁНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Представлено на заседании Физико-Математического Отделения
27-го марта 1891 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1896

Настоящие две статьи составляют том второй вышедшего в «Записках Императорской Академии Наук» за 1894 год (т. LXXIV) «Путешествия по северо-восточной части Якутской Области в 1868-1870 гг.» барона Гергарда Майделя.

В виде приложений к этому тому следуют:

- 1) Систематический список рек Якутской области.
- 2) Общая карта Якутской области на двух листах.
- 3) Карта астрономических пунктов.
- 4) Карта тарынов по рекам Кыра и Ньехаран и
- 5) Сравнение маршрутов топографа Афонасьева и И.Д. Черского.

СОДЕРЖАНИЕ

I. О тарынах Якутской области	2
II. Объяснительная записка к карте Якутской области	26
Прибавление к объяснительной записке к карте	206
Приложение первое: Список астрономических пунктов	219
Приложение второе: Список некоторых высот	226
Примечания	229

I. О ТАРЫНАХ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Часто уже в тёплое время года, даже в июле месяце, под палящими лучами сибирского солнца, среди пышно распусившейся растительности и рядом с пёстрым разнообразием цветов, встречаешь в Якутской области более или менее обширные скопления льда. Иногда последних простираются всего на несколько сот квадратных саженей, но не редко занимают целые вёрсты в длину и ширину, смотря по тому, благоприятные или неблагоприятные условия представляют для их образования рельеф почвы и большее или меньшее количество воды. Подобные, при благоприятных условиях сохраняющиеся даже в течение всего лета, следы зимнего времени якут называет тарыном. По общепринятому мнению, название это произошло от слова тар, т.е. творог, составляющий главную пищу этого народа; и действительно, нельзя отрицать, чтобы такое блестяще-белое ледяное поле среди ярко-зелёного растительного покрова не имело издали сходства с блюдом творога, поставленным на зелёный ковёр.

Вполне понятно, что путешественнику, сталкивающемуся с подобным ледяным полем, приходит мысль, что он имеет дело с маленьким глетчером, с глетчером в зародыше, как выражается Миддендорф (1). Но уже самое поверхностное исследование, как самого тарына, так и окружающих его условий, заставляет отказаться от подобного предположения. Тотчас же убеждаешься, что имеешь перед собою слоистый лёд, совершенно правильное горизонтальное напластование которого указывает на то, что происхождение его зависит только от замерзания воды, а не явилось результатом оседания снега. Далее, нельзя не заметить, что тарын есть образование, свойственное равнине, что он не

имеет никакого питающего его источника в расположенной над ним области и что он прежде всего не ползёт, почему и не может быть глетчером. На самом деле он крепко лежит на своём основании, которым большею частью является плоское, почти горизонтальное дно долины, да притом так плотно, что может растаять только на месте своего происхождения. Это последнее обстоятельство и является главной причиной того, что лёд тарына сохраняется так долго: весь он до последнего куска должен растаять на месте и ни одна его частица не уносится прочь. Таким образом солнце, ветер и дождь должны сами справиться со всею работою, тогда как в других случаях бóльшую часть последней они могут предоставить волнам и течению, которые разбивают или уносят в море лёд озёр и рек, часто имеющий до семи футов толщины.

Теперь спрашивается, откуда происходит лёд, который такими толстыми слоями покрывает почву в области тайги и отчего он встречается только в Якутской области и совершенно отсутствует в Забайкалье, в Иркутской губернии и на Амуре.

Миддендорф и Дитмар (2) исследовали тарыны в Становом хребте и оба смотрят на них как на производное рек, хотя не вполне согласны между собою во всём, что их касается. Миддендорф высказывает даже мнение, что тарыны представляют такие же наледи, какие мы каждую зиму можем наблюдать на реках и ручьях наших Прибалтийских губерний (3).

Нельзя отрицать, что легко прийти к такому взгляду, если наблюдать тарыны только в тёплое время года и только те, которые образуются на реках, а именно при таких условиях и приходилось их наблюдать двум упоминаемым тут естествоиспытателям. Они находили плоское, довольно горизонтальное дно долины, по которому бежала река, разветвляясь на многочисленные неглубокие протоки и рукава. От зимней стужи вода много раз замерзала, вновь прибывавшая не находила уже достаточно места в плоских руслах, почему, выступив из берегов, снова замерзала. Таким образом река, если она имела достаточный приток воды и не промерзала до дна, должна была мало-помалу заполнять плоскую долину льдом, который ложился тонкими слоями и образовывал постепенно нарастающее напластование. Могло пройти много времени, прежде чем подобное, часто тянувшееся на несколько вёрст в

длину, нередко более, чем на версту в ширину и от десяти до пятнадцати футов в толщину накопление льда, плотно сидящее на почве, растаивало на месте; этим и объяснялась в достаточной степени стойкость тарынов. Такому толкованию этого явления помогало кроме того и то, что даже в Якутской области существуют в достаточном количестве налёдные образования, которые пропадают одновременно с исчезновением зимы. Это наледи, ежегодно образуемые более значительными реками и ручьями и часто обуславливающие необыкновенно сильное развитие в толщину ледяного их покрова, но регулярно исчезающие с весенним ледоходом: таким образом кажется, что только маловодию мелких речек, на которых обыкновенно и образуются тарыны, следует приписать то обстоятельство, что лёд их не уносится. Все эти соображения, по-видимому, очень убедительны, но тем не менее не могут быть согласованы с фактами и, по всей вероятности, они вовсе не были бы высказаны выше названными исследователями, если бы им приходилось наблюдать наледи рек и речек Сибири в продолжении целой зимы столь же часто, как это случалось мне в моих многочисленных поездках по той же стране. От их внимания, по всей вероятности, не ускользнуло бы тогда, что наледь в Якутской области начинает показываться с первыми сильными холодами, тогда как в более южных губерниях она появляется только к концу зимы, совершенно так же, как это мы наблюдаем у нас в Прибалтийских губерниях. Нельзя отрицать, что появление воды поверх льда в наших широтах указывает на первое проявление борьбы начинающейся весны с исчезающей зимой. Время от времени наступающие оттепели и влияние уже более сильно нагревающих солнечных лучей действуют на снежный покров и доставляют новый приток водоёмам в то время, когда ещё плотно их сковывающий лёд препятствует им расти и вздуться. Вследствие этого ледяной покров на реке трескается, вода выступает поверх льда, часто вновь замерзает, и в свою очередь покрывается новым слоем воды. То же самое наблюдается и на южно-сибирских реках, каковы, например, Селенга, Ингода, Шилка и другие; но только большая продолжительность зимней стужи крайне усиливает тут эти явления, так что, благодаря массе выступающей, замерзающей и вновь появляющейся воды, которая разливается от берега до берега, езда по этим рекам в феврале и марте превращается в страш-

ную пытку. В южной Сибири мне известна только одна Ангара, составляющая исключение из правила и начинающая вспучиваться и образовывать наледи одновременно с наступлением сильных холодов. Но эта река и находится под влиянием аномальных условий. Как известно, она вытекает из Байкала и представляет единственный сток этого озера, которое имеет до двухсот притоков, большей частью, правда, незначительных, но между прочим и такие могучие, как Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара, не говоря уже о реках вроде Снежной и других. В тёплое время года количество воды, теряемой путём испарения тянувшимся на протяжении более шестисот вёрст Байкалом настолько велико, что Нижняя Ангара вполне справляется со своей задачей и не даёт подниматься уровню воды в озере; но к зиме, особенно же ко времени покрытия Байкала льдом, первый фактор совершенно выпадает и результатом является очень сильное вспучивание Ангара к декабрю и январю; высокий уровень воды в ней держится до тех пор, пока убыль воды в реках не уравновесит приток с оттоком. Наивысшее поднятие обыкновенно бывает около Рождества или Нового Года, и в это время Ангара так сильно выступает из берегов, что заливает водою поверх льда всё пространство между Боковской, последней станцией на большом тракте из Москвы, и Иркутском; тогда приходится тут ехать по самой реке или по крайней мере по её льду (4).

Если, следовательно, с одной стороны Ангара и отличается от других южно-сибирских рек по времени выступления её вод поверх льда, то с другой — причина этого явления у неё совершенно та же, как и у последних. Но если реки Якутской области начинают образовывать свои наледи уже в самом начале зимы, то дело на них должно обстоять, по видимому, совершенно иначе. Мне приходилось, как было сказано, часто наблюдать процесс образования наледей на очень различных реках, и я постараюсь прежде всего представить, как он происходит. В наисильнейшей степени это явление наблюдается на могучей Лене. С началом сильных холодов названная река изливает поверх своего льда большое количество воды, чем не только крайне затрудняет езду по ней, но иногда делает путешествие в высшей степени опасным для неопытных. В этом явлении обращают на себя внимание два обстоятельства: с одной стороны, то, что вода выступает поверх льда, и, следовательно, образует наледь, всегда на совершенно определённых местах, а

с другой — то, что она появляется первоначально всегда со стороны берега. Обе эти особенности при образовании реками наледей очень хорошо известны прибрежным жителям, особенно тем, которые живут по Лене: на обязанности последних лежит содержание в исправности пути, зимою пролегающего, конечно, исключительно по льду реки. Лена имеет несколько вёрст в ширину и покрывается на главном своём фарватере очень неровным, бугристым льдом, проехать по которому можно только тогда, когда его энергично обработают топором и киркой. Вследствие этого люди прокладывают дорогу возможно ближе к берегу, где лёд большей частью всегда гладок. Но на некоторых, совершенно определённых участках пути прибрежные обитатели с самого уже начала ведут дорогу ближе к середине реки и при этом наталкиваются часто на такие трудности, что правительство обязало помогать им и жителей соседних деревень. Отодвигание пути к середине на таких местах обуславливается тем, что тут с берега изливается большое количество воды, не дающее возможности ни проложить дороги, ни поддерживать её. К участкам заведомо ежегодно невыгодным для этой цели присоединяются временами другие, где в нормальные, не очень холодные и не особенно малоснежные зимы вода обыкновенно вовсе не выступает. Но если холода из ряда вон выходящие, очень сильные, продолжительные, да при этом нет достаточно защищающего снежного покрова, то и на этих местах появляется вода. Таким образом последняя попадает на лёд всегда со стороны берега и постоянно с одного и того же места его, середина же реки, если она только достаточно широка, остаётся обыкновенно сухою. На могущественной Лене вода эта, по всей вероятности, никогда не достигает самой середины; но более узкие реки могут быть совершенно заняты ею, особенно в тех случаях, когда вода выступает с обоих берегов одновременно. Причиной этих наводнений, однако, всегда является берег, а не сама река.

Если же наблюдать подобные явления на южно-сибирских реках, то, как и на водоёмах наших Прибалтийских губерний, находишь нечто совершенно иное. Вода выступает к концу зимы, когда стужа слабеет, когда солнце днём достаточно уже нагревает. Тут это явление находится, далее, в прямой зависимости от снежного богатства данного года: много снегу на полях и в лесах — вода появляется раньше и выступает её больше, чем в холодные, малоснежные зимы. Наконец, не подлежит

никакому сомнению то обстоятельство, что вода в данных случаях происходит из самой реки и. так сказать, выдавливается из-под льда. Впрочем, мы и здесь находим часто середину реки сухою, а воду, и притом нередко очень глубокую, только по берегам. Перебираясь весною, например, через большие реки Сибири, каковы Обь и Енисей, приходится сначала переезжать некоторое пространство водою на лодке, затем долго идёшь пешком, а потом снова садишься в лодку, которая уже и доставляет путешественника через канал, часто в сажень и более глубиною, на противоположный берег. Но при этом нетрудно заметить, что лёд на реке не представляет ровной плоскости, а образует сильную выпуклость. В это время вода в реке уже сильно поднялась, а ледяной покров ещё крепко примёрз к берегу, но, вспучившись посередине, он заливается по более низким бокам водою, выходящею из трещин и размытых мест берега и стремящеюся принять один горизонтальный уровень со льдом посередине реки. Точно так же замечаешь, что появление воды не связано непременно с определёнными местами; в один год она выступает тут, в другой там и в конце концов разливается по всей реке, пока лёд не треснет от давления снизу.

Таким образом причиною, обуславливающею выступание воды и образование наледей в южной Сибири, является вспучивание реки в связи с препятствием, представляемым ему ледяным её покровом. Но на Лене мы не могли наблюдать ничего подобного, а на других реках севера можно прямо доказать, что такого рода причины никак не могут влиять. Так, например, Малый Анюй, берущий своё начало на востоке, в земле Чукчей, и впадающий в Колыму у Нижнеколымска, пользуется, благодаря своим наледям, крайне дурною репутацией, и, по всей вероятности, немного есть людей, которые могли бы похвастаться, что проехали по нему сухими. Вода на нём выступает то у левого, то у правого берега, так что приходится лавировать, но в некоторых местах она разливается от берега до берега и ставит путешественника в высшей степени неприятное положение, потому что почти всегда высокие берега не допускают спасительного обхода. В придачу ко всему этому река отличается тою особенностью, что часто образует в своём ледяном покрове трещины, которые всегда остаются открытыми в течении всей зимы, и только изредка затыкаются инеем, образующимся из выходящих отсюда водяных паров. В высшей степени вероятно, что эти трещины есть

результат более тёплых источников, впадающих в реку; они встречаются постоянно на одних и тех же местах и хорошо знакомы туземцам, пользующимся ими для того, чтобы обновлять слой льда, так называемый войд, на полозьях своих саней. Деревянные полозья нарт скользят много легче по плотному снегу, если они покрыты тонким слоем льда; поэтому, пускаясь в путь, нарту кладут на бок и мокрой тряпкой несколько раз проводят по полозьям; в сильный холод образуется при этом очень скоро слой льда в две или три линии толщиной. Последний выдерживает часто очень долго, но иногда быстро портится; тогда раскладывают огонь, топят снег и снова наводят на нарту войд. Но подобная процедура всегда хлопотлива и обременительна, а потому люди никогда не упускают случая воспользоваться трещиной во льду, доставляющей необходимую им воду безо всяких хлопот. Мне не редко случалось с большим трудом пробираться по участку реки, покрытому поверх льда водою, затем проезжать мимо естественной, не окружённой водой трещины, а потом скоро снова попадать в воду слоем до одного фута. Я приказывал в этих случаях останавливаться, шёл к трещине, чтобы убедиться, как высоко стоит в ней вода, и находил, что лёд был очень толст и достичь текущей воды удавалось только при помощи палки, да и то лишь с большим трудом. Таким образом не оставалось никакого сомнения в том, что вода, стоявшая поверх льда, не находилась ни в каком сообщении с водою реки, тёкшею подо льдом.

Другой, столь же убедительный пример могу я привести с реки Догдо, спускающегося с Тас-Хаяхтаха, текущего с востока на запад и впадающего в Тостах, большой правый приток Адычи. Я поднимался вверх по реке в конце декабря месяца и мне приходилось проезжать по льду, покрытому на большом пространстве водою, так что я приехал на ночлег сильно промокшим. Следующий день я ехал сначала по сухому льду, но скоро добрался до места, где река текла непокрытая льдом; тут, на протяжении многих вёрст, она вообще не замерзает в течении всей зимы, или покрывается льдом в очень холодные зимы на самое короткое время лишь к концу февраля. Если бы причиною появления воды на льду день перед тем было вздутие реки, то последняя затопила бы в открытом месте как ледяную кайму вдоль своих берегов, так и край льда

в дальнейшем своём течении. Но этого не было: края льда повсюду возвышались на несколько дюймов над уровнем воды, а снег, лежащий на них, не носил ни малейших следов смачивания водою.

Итак, если наледи рек Якутской области не идентичны с соответственным явлением на южно-сибирских реках, то Дитмар и Миддендорф ошиблись также и в своём предположении, что тарын может образоваться вообще лишь исключительно на реке. Конечно, тарыны, которые они наблюдали, были несомненными производными рек, да и громадное большинство такого рода накоплений льда действительно обязано своим происхождением именно мелким рекам; можно даже сказать, что почти все истоки рек, кроме выходящих из узких ущелий, образуют тарыны. Да и самое название тарын-ырях, т.е. тарынная речка, является у якутов почти синонимом бага-ыряху, что значит исток реки; я сам в течении многих лет придерживался мнения, что существование тарына без реки немыслимо. Но однажды, когда я проезжал левым берегом Лены по дороге от Якутска на Олёкминск через густой лиственничный лес, мне показалось, что я наткнулся на тарын в таком месте, где поблизости не было видно реки, да и летом я не мог припомнить никаких следов существования тут воды. На следующее лето мне вновь пришлось проезжать верхом по этому пути и, приблизившись к месту, я старался разглядеть, где находился тарын. Но несмотря на все внимание, я проехал это место и, чтобы найти его, должен был обратиться к проводнику. Лиственничный лес был здесь, правда, несколько реже обыкновенного насаждения этой породы, а именно, тут вовсе отсутствовал невероятно густой подсед, большею частью не дающий никакой возможности проезжать по лиственничному лесу иначе, как по проложенным тропам; зелень, покрывавшая лесную почву, была также несколько светлее, но помимо этого не было никакого намёка на большее богатство места водою. Не было тут ни речки, ни мочеженки, а просто заурядная лесная почва, какую находишь во всяком лиственничном насаждении, п тем не менее зимою был здесь тарын, если и не обширный, то во всяком случае такой, который — по рассказам проводников — состоял каждую зиму из льда в два или три фута толщиной.

Этого явления я никак не мог себе объяснить; точно так же я не был в состоянии согласовать с фактами ни котловинную теорию Дитмара,

ни теорию наледей Миддендорфа, которая допускала постоянное появление трещин в плотно прилегающих к почве и непрерывно нарастающих слоях льда. Но прежде всего такого рода допущениями никак нельзя было объяснить появление тарына среди частого леса и вдали от всякого водоёма. С другой стороны, я был вполне убеждён, что посещение тарына летом, когда разрушение его находится в полном ходу, не поведёт к разъяснению явления и что для этого безусловно необходимо наблюдать его возникновение в холодное время года. Подобные случаи, однако, представляются довольно редко: вблизи населённых мест напрасно станешь искать наледей, зимой же тщательно избегают пролагать дороги по этим неприятным местностям; потому-то так редко и удаётся наблюдать развитие тарына во всей его силе. Более мелкие тарыны мне случалось видеть много раз, но только зимою 1868 года пришлось иметь дело с одним из самых больших, какие только известны в Якутской области. Я говорю о большом тарыне реки Кыры, берущей начало с Тас-Хаяхтаха, текущей на восток и впадающей в Селегнях. Его приходится волей-неволей переезжать на пути из Верхоянска в Колымск, потому что его никак нельзя обойти. Я познакомился с ним уже ранее, в июне месяце 1866 года, во время моего путешествия из Колымска в Верхоянск, и тогда ещё мог заметить его громадные размеры, несмотря на то, что он уже находился в сильном таянии. Собственно говоря, он состоит из накопления ледяных масс двух рек — Кыры и Нехарана, впадающего в Селегнях ниже Кыры; но образование наледей столь обширно, что Кыра с несколькими из её притоков и Нехаран образуют зимою одно непрерывное ледяное поле. Я не могу привести полных размеров этого поля, потому что проводники не знали насколько оно распространяется в обе стороны, обнять же его глазом не было возможности; но нам приходилось идти через него на протяжении двадцати вёрст. Летом от него оставалось немного; берега Нехарана были уже свободны ото льда, и он был отделён от Кыры полосой земли в несколько вёрст длины. Последняя, протекая по плоской долине и образуя настоящий лабиринт протоков и низменных островов, также уже в значительной степени освободилась ото льда, но его оставалось ещё достаточно, чтобы составить себе представление о толщине отлагавшихся тут наслоений. Кое-где река текла уже в своём настоящем русле, но во многих местах ещё пенилась в желобах, промытых ею во льду. Многие

острова были скрыты подо льдом, но те, которые освободились и содержали хотя бы тонкий слой гумуса на своей галечной подпочве, были покрыты роскошнейшими цветами; лиственницы же, возвышавшиеся на более высоких островах, щеголяли своей прекрасной зеленью, несмотря на то, что их стволы сидели ещё во льду. То была своеобразная картина: сочетание зимы, весны и лета под раскалёнными солнечными лучами, которые день и ночь распространяли свет и теплоту.

В декабре 1868 года всё это имело совершенно другой вид. Лишь только вышли мы из неширокого ущелья Тас-Хаяхта, как нашим взорам представилось бесконечное ледяное поле, непрерывно тянувшееся до Нехарана и даже ещё несколько далее. Долина Кыры совершенно ровная и только справа и слева тянутся к реке несколько низких увалов, отделённых друг от друга тоже плоскими долинками, по которым стремятся в Кыру её притоки. Тарын распространялся и в эти боковые долины, но как далеко — я не могу сказать: на сколько же можно было видеть, расстилалось беспредельное ледяное поле, из которого поднимались отдельными группами только стволы лиственниц. По оценке проводников, нам предстояло пройти по льду около двадцати вёрст и этот переход был одним из труднейших и утомительнейших, какие мне только приходилось преодолевать в Якутской области. Человек в состоянии ещё кое-как помочь себе: ему легче, чем животному, выбрать сухое или по крайней мере менее мокрое место, он может прикрепить к подошвам острые шипы, в достаточной степени защищающие его от падения на зеркально-гладкой поверхности. Но для животных, как для оленей, так и для лошадей, переход этот крайне тягостен и опасен. Олень не куют, но он и не несёт вьюка; он тянет только не очень тяжёлую нарту, почему и находится в сравнительно более выгодном положении, чем тяжело нагруженная вьючная лошадь, для которой каждое падение может быть роковым. В сильную зимнюю стужу лошадей тоже нельзя подковывать, потому что копыта в это время легко трескаются; они должны идти без подков и при этом не редко убиваются до смерти или по крайней мере терпят такие повреждения, что их всё равно приходится убивать. Одним словом, это тяжёлый, продолжительный и поэтому пользующийся крайне плохой репутацией переход, обойти который, однако, нет, к сожалению, никакой возможности. Если теперь

угрюмо бредёшь по этой дороге, то резко бросается в глаза то обстоятельство, что расстилающееся впереди пространство не представляет собою однообразной зеркально-гладкой ледяной поверхности, но что оно всё прорезано массой плоских возвышений, поднятых на два, на три фута над льдом, покрытых сверху снегом и, следовательно, сухих, тогда как самый лёд почти повсюду залит слоем воды толщиной от одной линии до одного дюйма. Конечно, выискиваешь места, где вода уже подмёрзла, но таких не много, потому что замёрзший слой скоро вновь заливаётся и в свою очередь становится мокрым и скользким. Новичку, незнакомому с тарыном, непременно должна прийти мысль, что много рациональнее направиться по вышеуказанным возвышениям: если они друг от друга и отделены и на некоторые из них не легко взобраться животному, то человеку, кажется, не трудно перебраться с одного на другое и он может избавиться благодаря им от многих неприятностей. Но проводник этого не допускает и предостерегает каждого от такой попытки, заявляя, что под снегом находится вода. Как ни странно звучат эти слова, но в справедливости их легко убедиться, — стоит только тронуть любое, покрытое совершенно рыхлым снегом возвышение: оказывается, что сухой снег занимает не более двух-трёх дюймов, под ним же лежит кашицеобразная масса, состоящая из смеси снега с водою.

Так оно в действительности и есть: мокрый и покрыт водою гладкий лёд тарына и из пропитанного водою снега состоят рассеянные на нём пригорки. Среди последних встречаются, правда, и такие, которые имеют несколько другой вид: на них не замечаешь рыхлого снега, последний как бы тоже пропитан водою; но в этом случае снег плотно замёрз и по таким возвышеньям можно спокойно идти, — они вполне надёжны. Число их зимою, однако, очень незначительно и увеличивается только к концу её, но к тому же времени прекращается и деятельность тарына вообще: вода на поверхность льда уже более не изливается, последняя скоро покрывается слоем снега, а потому ею можно пользоваться без затруднения.

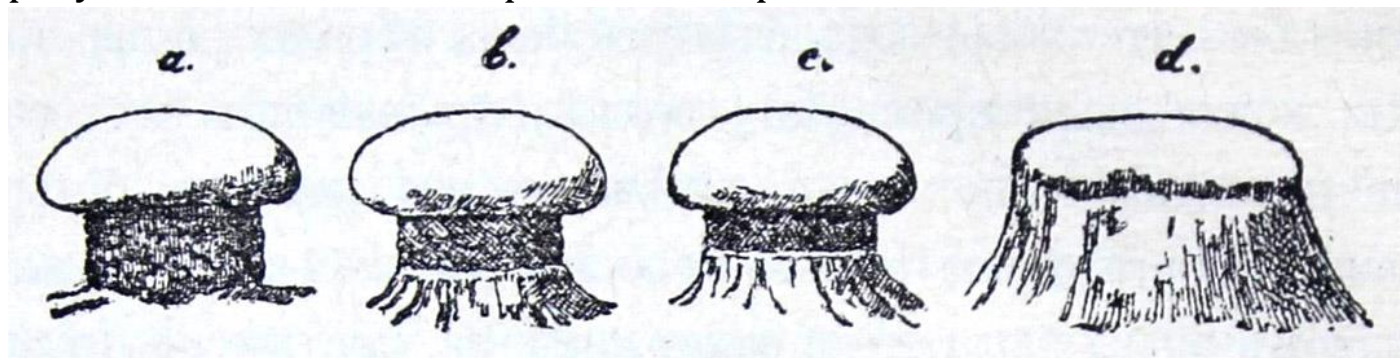
В третий раз я посетил этот тарын 20 октября 1870 года, следовательно, в начале зимы и именно в то время, когда тарын только начинал возникать (5). Я ехал тогда из Колымска и прежде, чем добрался до Кыры, имел случай наблюдать другой, представлявший много интерес-

ного, тарын тоже в период его первоначального образования. Путь пролегал по правому берегу Селегняха и вёл по кочковатому болоту, по так называемому калтусу. Болото это было из тех, которые высыхают, вероятно, осенью ещё до наступления морозов, потому что под снегом нельзя было заметить никаких следов льда. Кочки стояли то близко, то далеко друг от друга, и на всех их были довольно высокие снежные колпаки; на самом болоте лежал тоже снежный покров слоем до полуфута. В одном месте, невдалеке от нашего пути, я заметил, что снег был покрыт водою, а потому подъехал ближе, чтобы лучше понаблюдать это явление. Сначала я добрался до воды, которая проникла под снег, оставшийся сверху ещё совершенно ею не тронутым: вода, по всей вероятности, проникла туда очень недавно, потому что она не успела ни замёрзнуть, ни пропитать снежный покров. Далее следовал снег, смоченный водою до самого верха, и наконец в самой середине находился совершенно гладкий лёд тарына. Таким образом можно было вполне уяснить себе, откуда шло образование тарына, как оно распространялось и расширялось. Тут не было ни речки, ни другого какого-либо водоёма, это был тарын без видимого притока, точь-в-точь такой, как вышеописанный и находившийся в лесу левого берега Лены.

В виду того, что весь процесс находился тут в самом начале своего развития — вся смоченная площадь была немного более нескольких сот квадратных сажень — можно было рассчитывать уяснить себе причину появления воды и образования льда. Боковые части тарына не давали ничего в этом отношении; можно было лишь установить, что здесь под снегом находился тонкий слой только-что образовавшейся снежной кашицы, постепенно переходивший в совершенно нетронутый ещё водою снег окрестностей. Но некоторые из кочек обнаруживали очень интересные изменения. Наблюдая почву вокруг тарына, я заметил, что земля под снегом была мёрзлая; точно также мелкие кочки были промёрзшие под покрывавшими их снежными колпачками; но не то замечалось на кочках большего объёма. На этих последних непосредственно под снежным колпаком видна была тоже замёрзшая на протяжении нескольких дюймов земля, но глубже мороз не мог ещё оказать своего действия: внутренность защищалась как густой моховой покрывкой, так и снегом, закрывавшим кочку не только сверху, но и образовавшим ещё

широкую складку вокруг кочки. Затем я перешёл к кочкам, расположенным среди тарына и почти на всех более крупных из них нашёл у основания возвышенную закраину из обледенелого снега; через этот край сочилась очень тонкими струйками вода и изливалась со всех сторон на лёд тарына. У кочек, расположенных ближе к границе тарына и не окружённых ещё плотным ледяным покровом, закраинка эта была очень низка, так что почти вся кочка была свободна; у других, стоявших ближе к середине тарына, закраинка поднялась на кочку уже выше, но выдавалась из льда тарына не сильнее, чем более низкие края сначала упомянутых кочек; было, следовательно, очевидно, что лёд тарына нарастал одновременно с закраинами на кочках. В самом центре тарына, откуда он, по всей вероятности, начался, обледенелый край занял уже всю высоту некоторых из широких, но низких кочек; на этих снежные колпачки уже исчезли и заменились покрывшей из рыхлого снега, такою же, какую наблюдают на возвышенностях, рассеянных зимою на тарынных полях. Исследуя этот рыхлый снег, я находил хорошо известную всем знакомым с тарынами снеговую кашу, а так как процесс тут только возникал, то через пропитанный водою снег можно было прощупать на кочке покрывавшие её мох и траву.

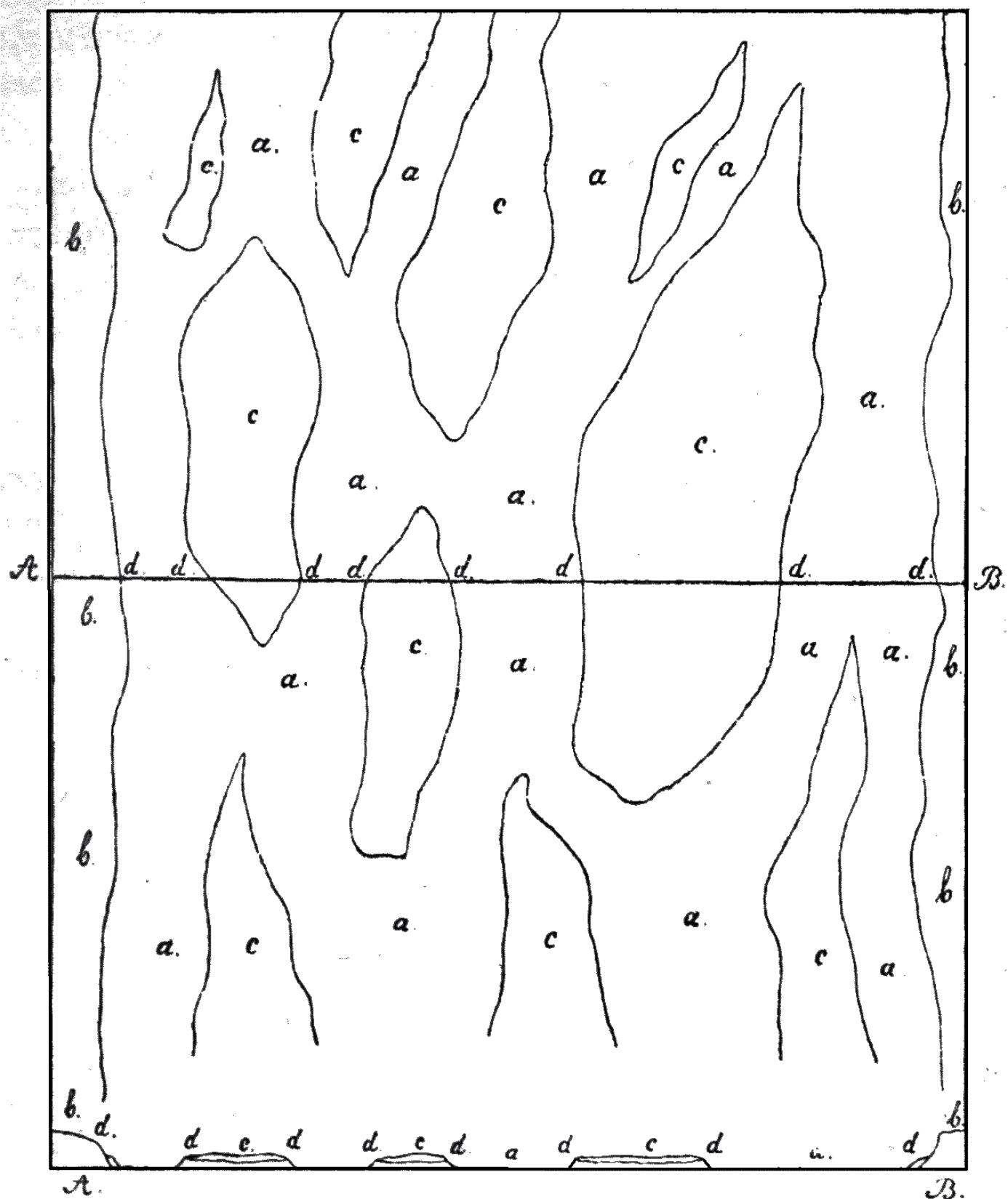
Для лучшего уразумения хода процесса прилагаю тут схематические рисунки постепенного нарастания закраинки на кочках.



Фигура а представляет кочку, не начавшую ещё своей деятельности; снег вокруг неё ещё совершенно свеж и на ней нет ещё обледенелой закраинки. Кочка б начала уже выпускать воду у своего основания и на ней образовалась закраинка из обледенелого снега, через которую и изливается вода. На рисунке с процесс этот пошёл далее вперёд и между закраинкой из обледенелого снега и снежною вершушкою остался лишь узкий промежуток; тут же видно насколько сильно выросла и окружающая кочку ледяная поверхность тарына. Наконец на фигуре d закраина

соединилась уже с верхушкой, возвышение закончило своё образование, просуществует в таком виде в течение всей зимы и станет непрерывно снабжать тарын водою. Не могло оставаться в данном случае никакого сомнения в том, что этот тарын возник из одной срединной точки или, вернее, линии и отсюда уже распространился в разные стороны. Болото было совершенно плоское, линия высот кочек тянулась в среднем тоже параллельно поверхности болота, а ледяное поле между тем имело наклон от средней линии к бокам, что и было явственно заметно на кочках.

Вскоре после осмотра этого тарына пришли мы на Кыру. Тут образование тарына тоже началось, но шло вперёд, по-видимому, уже очень энергично. Долина представляла опять совершению другую картину. Резко вырисованной расстилалась передо мною Кыра с её бесчисленными протоками и низменными галечными островами. Лёд реки едва успел подняться до берегов, так что самая долина была покрыта ещё совершенно свежим снегом, одевавшим также и галечные острова; лёд же протоков был лишён снежного покрова, а потому они резко выделялись на фоне суши.



На прилагаемом рисунке я пытался дать схему части речной долины. Литерой *b* обозначен возвышенный берег, на который не успел ещё взобраться лёд; буквой *a* помечены протоки реки, — с низменные острова из крупного песку или гальки. Внизу на разрезе по линии А - В видно,

что края ледяного покрова d уже достигли поверхности песчаных островов, но не взобрались ещё на берег.

Действительно, я нашёл большую часть галечных островов покрытой уже знакомым рыхлым снегом, который легко отличить от обыкновенного, находящегося на суше, своею рыхлостью и своими красиво построенными кристаллами. Под ним лежал пропитанный водою кашицеобразный снег слоем до четырёх дюймов толщиною, а проникая через последний, можно было добраться до гальки, которая вовсе не успела ещё замёрзнуть, и легко давала себя взрыть. Лёд реки был чист и прозрачен, но я не мог его пробить; он был местами толщиною от одного до двух футов и, по-видимому, плотно примёрз ко дну реки.

Если теперь сравнить явления, наблюдавшиеся на обоих тарынах, то легко убедиться, что и тут, и там мы имеем дело с тем же самым процессом; только на Кыре он идёт много энергичнее с одной стороны потому, что приток воды тут много значительнее, а с другой и оттого, что тут играет роль река. Обоим тарынам обще прежде всего то, что образование льда обуславливается подземною водою, потому что и Кыра работает водою, выдавленной из земли, несмотря на то, что лишь на небольшом расстоянии кверху от тарына она течёт не покрытая льдом и остаётся в таком виде обыкновенно всю зиму. Но там, подкреплённая, как увидим далее, значительным подземным притоком, она стремится по сильно наклонному руслу и имеет значительную силу падения, благодаря чему, вероятно, и не образует ледяного покрова. Тотчас же по выходе из горной области, Кыра вступает в широкую плоскую долину, где сила её течения распределяется по бесчисленным рукавам, а потому река прокладывает свой дальнейший путь много медленнее и уровень воды в ней колеблется от нескольких дюймов до одного фута. Таким образом она подвергается здесь полному влиянию холода, а потому скоро и промерзает до самого дна. Притекающая сверху вода находит, следовательно, свой путь закрытым, должна искать другого и выступает через ещё не замёрзшую подпочву дна в галечные отмели, которые, будучи защищены лежащим на них снегом, тоже не успели ещё замёрзнуть. Сначала смачивается самый низший слой снежного покрова отелей, а по краям последних выступает на ледяной покров реки излишняя вода после того, как уровень её под снегом настолько поднялся, что она может стекать. Изливаясь при этом крайне тонким слоем, вода тем

легче замерзает при очень низкой температуре воздуха и обуславливает непрерывное нарастание обледенелых краёв отмелей, вследствие чего уровень воды в галечных отмелях соответственно возвышается, пока наконец не пропитает весь лежащий на ней снег. Раз это случилось, дальнейший ход процесса будет зависеть от количества притекающей воды и от температуры воздуха. Если приток слаб, то слой воды не может долго противиться действию холода и тогда такая отмель совершенно замерзает и приходит в спокойное состояние. Если же приток воды непрерывен и силен, то вода не замерзает, а образует на поверхности отмели толстый слой инея, который ставит предел дальнейшему проникновению холода, и галечная отмель в состоянии продолжать свою работу. Дальнейший процесс идёт тогда уже в высшей степени правильно: края отмелей непрерывно изливают воду тонкими слоями на лёд тарына, чем и обуславливают как своё собственное нарастание, так и поднятие тарына. В образованной таким способом ванне уровень воды непрерывно поднимается, постоянно пропитывает лежащий сверху, обыкновенно от двух до трёх дюймов толщиной, рыхлый слой кристаллов инея и в то же время непрерывно образует новые кристаллы из пара, поднимающегося в холодный воздух. Потому-то тарын, находящийся в полной деятельности, почти без исключения всегда мокрый на своей поверхности, а его возвышения все испускают воду. Но сравнительно немногие, очень мощные, имеющие в своём распоряжении большое количество воды, тарыны, как, например, на реке Кыре, деятельны в течении всей зимы и на всём своём протяжении. Большинство же сильно суживает свою деятельность к середине или к концу зимы: многие из возвышений, благодаря недостатку воды, замерзают и, в конце концов, лишь некоторые продолжают испускать воду до наступления весны. По первым из них можно идти без затруднений; по тонкому снежному покрову, лежащему поверх их льда, тотчас же узнаёшь, что там сухо и избегаешь тогда сырых и гладких мест.

На тарыне, образовавшемся на кочковатом болоте, не подлежит сомнению, что причиною его является подземный ток воды. В тёплое время года вода просачивалась под дерновой покрывкой в Селегнях, потому что количество её было недостаточно, чтобы образовать открытый ручеёк. Когда же холод настолько усилился, что мог проникнуть глубже в землю и преградил тем самым дорогу воде, последняя должна

была избрать себе иной путь и стала сочиться через дёрн. Но пробраться она имела возможность лишь через кочки, потому что только они оставались ещё не замёрзшими в середине, так как были защищены снежной верхушкой. Вследствие этого вода проникала в кочку, образовывала вокруг неё сначала возвышенную закраину для стока на лёд тарына, а в конце концов и вышеуказанные проводящие воду возвышения, которые встречаешь почти на всех тарынах.

Совершенно такой же процесс лежит в основании образования наледей на реках Якутской области, потому что эти последние отличаются от только что рассмотренного тарына лишь одним обстоятельством. Именно, вода на них течёт не на землю и не на лежащий на суше лёд, а на ледяной покров реки, вследствие чего наледь и уносится весною вместе с последним. Но река в своём течении получает, ведь, не только поверхностный приток посредством побочных речек и ручьёв, а в неё впадает также очень много ключей и подземных водяных протоков. Когда река осенью замерзает, то вначале многие, даже большинство из этих подземных жилок, продолжают свою деятельность под водою до тех пор, пока её допускает незначительная толщина ледяного покрова на берегу. При крутых берегах момент этот наступает позже, на пологих же раньше. Это потому, что вода в медленнее текущих боковых рукавах обыкновенно быстро облекается в мощный ледяной покров, примерзающий к низменному берегу. Тогда подпочвенные воды должны подняться, прорвать в каком-нибудь месте береговой откос и таким образом излиться на речной лёд. Так оно и бывает, притом всегда на одном и том же месте, потому что вода необыкновенно упорно придерживается раз ею проложенного пути, как это в достаточной мере доказано исследованиями над ключами. То обстоятельство, что в снежные и более тёплые зимы образуется много менее наледей, чем в холодные и особенно малоснежные, имеет своё основание, очевидно, в том, что в первом случае речной лёд не так толст, реки же вообще богаче водою, а потому лёд менее прилегает к берегу. Таким образом очень многим ключам дана возможность сообщаться с рекою подо льдом. Если же, вследствие низкого уровня воды, речной лёд приляжет плотнее к берегу, то он примерзает к последнему; благодаря этому примерзанию, берег становится на значительном протяжении не способным пропускать воду и заставляет ключи прорываться надо льдом. Вполне естественно,

что таким образом просачивающаяся вода не находится ни в каком сообщении с водою в реке, и что последняя, получая значительное количество воды поверх льда, тем не менее не в состоянии выпустить такую из своих открытых трещин. Точно также вполне понятно, что эта изливающаяся поверх льда вода может занять всю ширину лишь маленьких речек, на таких же могучих, как Лена, замечается только у берегов.

Просачиванием воды, наблюдаемым на тарынах и наледях более крупных рек, объясняется и появление мелкого ила, который находишь на большинстве тарынов и который Миддендорф сравнивал с ледниковым илом. Зимой, во время полной деятельности тарынов его замечает редко и только на таких местах, где он собирается в большом количестве. Весною же и летом, когда разрушение наледей подвинулось уже сильно вперёд, его наблюдаешь очень часто в виде неправильных, но образующих почти всегда замкнутые фигуры, линий, расположенных на льду. Эти фигуры изображают тогда с большою точностью форму существовавших зимою и проводивших воду возвышений; поэтому они окружают галечные отмели, острова и другие места, где эти возвышения возникали зимою. Фигуры эти образуются из тех мелких частичек ила, которые вода выносила с собою из земли и отложила по краям мест, из которых она просачивалась.

Теперь возникает вопрос, отчего в более южных местностях Сибири, в которых зимняя стужа тоже, ведь, ежегодно доходит до тридцати градусов мороза, не встречается тарынов и не наблюдалось наледей из речного снега. На это можно ответить, что подобные тарынам образования несомненно встречаются в богатом ключами Забайкалье; можно сказать, что почти каждый ключ образует вокруг себя тарын, благодаря бьющей из него в холодное время года воде, но такие скопления льда занимают лишь незначительное пространство и очень быстро исчезают тёплой и сухой весною, свойственною этой области. В более высоких поясах гор находят, далее, накопления льда, доставляющие часто путешественникам много хлопот и имеющие подобное же происхождение. Они встречаются на источниках, пробивающихся в крутых или по крайней мере сильно покатых склонах гор. Источники эти зимою обыкновенно не иссякают, но образуют в это время мощные ледяные скопления, которые, покуда держатся холода, не причиняют никакого другого

вреда кроме того, что суживают проходящую мимо них дорогу. Весною же они могут причинить большие неприятности. В виду того, что горный склон, особенно в том случае, если он обращён на юг, быстро нагревается, колоссальная масса льду отделяется часто от него под влиянием этой теплоты и постоянно просачивающейся ключевой воды и начинает скользить. Она развивает при этом громадную силу и может погубить как раз проходящий мимо обоз. Это единственные, если угодно, тарынообразные явления, известные мне в Забайкальской области; но в южных частях Енисейской губернии и в Иркутской губернии я не мог узнать ни о чём подобном и такие образования тут вовсе неизвестны. По моему убеждению, тарыны имеют связь с тем обстоятельством, что Якутская область относится к области вечномёрзлой почвы: последняя, если она остаётся только сухой, находится на известной глубине в постоянно замёрзшем состоянии. Как известно, во время своего Сибирского путешествия Миддендорф уделял особенное внимание этому состоянию почвы Якутской области и первый доказал мёрзлое её состояние на таком громадном пространстве.

Действительно, существование тарынов, какими мы их наблюдаем в Якутской области, и встречающихся тоже только тут, возникающих вышеуказанным своеобразным путём наледей может быть объяснено исключительно допущением постоянно мёрзлой на известной глубине, сухой почвы. Если исключить последнее обстоятельство, то и всякое возникновение тарына и наледей со стороны берега становится невозможным. Миддендорф, правда, утверждал, что под влиянием морозов реки превращаются в ряд озёр и что даже многие незначительные реки промерзают до дна, не образуя в этом случае наледей, но он не дал вполне убедительных тому доказательств. Он приводит, конечно, случаи, в которых, будто бы, на небольших речках нельзя было часто получить воды из проруби благодаря тому, что лёд доходил до дна и реки таким образом переставали течь. Но позволительно усомниться, чтобы первое обстоятельство непременно обуславливало последнее. Имея в виду это выяснить, при остановках в тех якутских юртах, где уже топили лёд, я заставлял показывать себе прорубь и при исследовании действительно находил, что лёд достигал значительной толщины. Приказав, однако, разбить лёд, которым затянулась прорубь у своего основания после того, как из неё перестали брать воду, я нашёл, в одном случае, что

текущей воды под ним не было, но что песок дна вовсе не замёрз и был насквозь пропитан водою. В другом случае подо льдом был ещё даже слой воды от одного до двух дюймов глубиною, но, конечно, далеко недостаточный для того, чтобы наполнить опущенное ведро, а потому и приходилось прибегать к растапливанию льда. То же самое можно сказать и относительно превращения рек в цепь озёр. Тут, как и там, лёд разросся до дна, но не примёрз к последнему, вода же, количество которой в Якутской области зимою обыкновенно очень незначительно, проложила себе дальнейшую дорогу в почве. Только в том случае, если ей закрыт и этот последний путь, образуется тарын, но тогда обязательно, потому что воде необходимо же иметь какой-либо сток. В местах, где земля не замёрзла, подобный сток всегда открыт ей в глубине почвы, а потому в местностях, где нет подпочвенной мерзлоты, не могут возникать ни истинные тарыны, ни образующиеся со стороны берега наледи на реках.

Характерной чертой трудов господина Миддендорфа является то обстоятельство, что выводы, которые он делает из своих наблюдений, не всюду согласуются с этими самыми наблюдениями, а потому могут легко ввести в заблуждение. Последние, т.е. сами наблюдения, произведены все без исключения с такою тщательностью, с таким хладнокровным обсуждением обстоятельств, при которых они делались, что их постоянно приходится принимать за неискажённое свидетельство действительно виденного и пережитого; по ним оцениваешь и критикуешь свои личные впечатления. Такое же непреложное значение незаметным образом передаётся и сделанным из них выводам. Не всегда представляется случай добраться до основных посылок научного вывода, который делает из своих наблюдений этот естествоиспытатель: принимаешь, что вывод надёжен потому, что наблюдения оказывались всегда верными; но тут-то и попадаешь часто в крайне неловкое положение. Последнее заключается именно в том, что данные Миддендорфа часто не согласуются с тем, что наблюдаешь сам; подчиняясь такому надёжному авторитету, сбиваешься с толку, снова делаешь наблюдение, а в конце концов, не имея всё же возможности согласить полученные результаты, становишься склонным безо всякого основания отказываться от своих собственных исследований, как сделанных почему-либо неправильно. Если же снова возьмёшься за труды Миддендорфа, то

очень часто имеешь возможность убедиться, что те же самые возражения, какие приходится делать его выводам на основании своих собственных наблюдений, давным-давно приходили на мысль и самому автору; но, несмотря на то, последний не считал себя принуждённым переменить свой первоначальный взгляд, а напротив, он ещё упорнее придерживается его и признаёт противоречащие данные лишь за ничего в сущности не значащие исключения, нисколько не изменяющие целого.

Таким именно образом поступил он относительно наледей и тем несомненно дал широкое распространение совершенно ложному понятию об этих образованиях. Из доступных мне сочинений этого учёного я вижу, что впервые он высказал свой взгляд на наледи в послесловии к напечатанному в *Bulletin der Akademie der Wissenschaften*, 3 (15) Dec. 1852, сообщению г-на фон-Дитмара о ледяных котловинах. В этом «Zusatz» (стр. 492) совершенно ясно говорится следующее: «Основную причину возникновения этих ледяных масс мы должны несомненно искать в том, что температура поверхности земли дна долины, на котором вода превращается в лёд, держится ниже точки замерзания в течении целого года или по крайней мере в течении большей его части. От этого зависит тесное, полирующее приставание самых нижних слоёв льда к земле, которому способствует осеннее маловодие рек тех местностей (493 стр.). Такие наледи, в какой-бы форме они ни встречались, в действительности обязаны своим происхождением всегда воде, находящейся поверх льда. Последняя может иметь либо достаточное падение и умеренный приток, либо незначительное падение и сравнительно очень большой приток. В первом случае она разливается тонкими слоями по равнине, и в очень скором времени замерзает во всю толщину своего слоя, так что вновь притекающая вода принуждена струиться по постоянно нарастающему слоями ледяному руслу. Во втором случае — даны условия для образования глубокого водоёма, особенно, если в почве встречаются углубления; тогда на поверхности воды образуется обыкновенный ледяной покров, который трескается и покрывается, через расщелины, водой. Это выступание воды из трещин может зависеть или от сильного притока воды подо льдом, или оттого, что отток последней слишком затруднён образованием грунтового льда на более

мелких местах; как та, так и другая причина не позволяют воде умещаться подо льдом, особенно когда лёд слишком тесно примкнул и примерз ко дну, и, благодаря этому обстоятельству, не может быть равномерно поднят водой. Только что упомянутая, выступившая на лёд вода может или снова запрудиться и подёрнуться льдом, или она примерзает вышеуказанным способом тонкими слоями и превращается в наледь. Нередко вытекающая вода пробивается через более узкое отверстие тонкой струёй, замерзающей при своём истечении вокруг отверстия в виде ледяного кольца, которое нарастает слоями всё выше и выше и напоминает собою очертание вулканического кратера. Мне однажды случилось в виде исключения встретить подобный ледяной конус, кратерообразное отверстие которого возвышалось над окружающей его ледяной поверхностью футов на двадцать (6).

«Если я коснулся этого предмета более подробно, то только с целью доказать, что наледи обледенелых долин Сибири представляют собою совершенно те же явления (если не считать их несравненно большее развитие) которые у нас в Лифляндии зимою встречаются повседневно.

«Толщина наледей в обледенелых долинах сибирских гор значительно разрастается благодаря господствующим там сильным снегам».

Это писал Миддендорф в 1852 году. В 1861 году появилась первая часть четвёртого тома «Путешествия» и на странице 447 автор высказывает следующее.

«Из предстоящего описания двух сильно отличающихся друг от друга типов обледенелых долин, которые я имел случай наблюдать, читатель убедится, что я до сих пор остаюсь при совершенно том-же мнения, которое высказал восемь лет тому назад в моём «Zusatz» к прекрасным наблюдениям Дитмара «Ueber die Eismulden im östlichen Sibirien».

Из приведённых выше цитат становится ясным, что Миддендорф считает обледенение долин Сибири и наледи, образующиеся на наших реках, за одно и то же явление и допускает между ними лишь количественную разницу. Но в таком случае непонятно, почему наледи Сибири безусловно необходимо связывать с вечномёрзлою почвою, как того вполне определённо требует Миддендорф в другом месте своего труда. Если земле достаточно замёрзнуть только поверхностно, чтобы привязать к себе просочившийся и замёрзший слой воды настолько плотно, чтобы он не мог быть уже поднят вновь притекающей водой, то это

условие могло бы быть дано и нашей почвою, так как она ежегодно промерзает на два или на три фута. Но у нас в Прибалтийских губерниях подобные наледи никогда не встречаются. У нас нигде нет плотно прилежащих к земле накоплений льда, мы знаем только наледи на реках, которые образуются местами к концу зимы и всегда являются признаком того, что под влиянием лучей весеннего солнца в реке появляется свежий приток воды.

В другом месте у Миддендорфа (Том IV, часть 1, стр. 448) читаем: «Таким образом мы дошли до предположения, что наледи достигают своего наивысшего развития близ границ области вечномёрзлой почвы, где температура почвы держится у точки замерзания; действительно, вне этой границы почва и особенно вода ключей слишком тепла, а при углублении внутрь от той же границы существование ключей, благодаря сильному холоду в почве, становится невозможным или они встречаются очень редко».

Миддендорф наблюдал упоминаемые им две обледенелые долины на Аиме, впадающем в Маю, и на Селенде, текущей в Учур, под 58 и 57 градусами сев. шир. Ввиду того, что он, вполне согласуясь с фактами, принимает распространение вечномёрзлой почвы до истоков Амура, то становится не вполне ясным, каким образом может он приурочить 58 и 57 градусы широты к границе области вечномёрзлой почвы, которая опускается по крайней мере до 53, а в действительности замечается и ещё южнее. Помимо того ему очень хорошо было известно, что обледенелые долины встречаются по всей Якутской области вплоть до побережья Ледовитого океана, и что, следовательно, 58 и 57 градусы никак нельзя считать за границу распространения вечномёрзлой почвы.

Итак, в его толкованиях встречается противоречие, которое нельзя понять и которое не согласуется также и с фактами; впрочем, сказанное находится в связи с его взглядами на вечномёрзлую почву вообще.

II. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К КАРТЕ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ, составленной бароном Г. Л. Майделем

В 1884 году появилась карта азиатских владений России, изданная Генеральным Штабом в Петербурге. Эта работа, потребовавшая для своего исполнения много лет, представляется самой лучшей и самой новой из всех известных до сих пор по картографии северной Азии. Поэтому может показаться совершенно излишним теперь же выступить с новой картой Якутской области, которая к тому же целиком нанесена на упомянутую выше, и тем более, что в последнее время не было предпринимается в тех областях значительных путешествий и исследований, которые существенным образом обогатили бы наши познания относительно географии этой части Азии. Если же мы, тем не менее, не оставляем нашего намерения, то должны сказать по этому поводу несколько пояснительных слов.

Нет никакого сомнения, что картою Генерального Штаба намеревались дать возможно полную картину теперешних наших географических познаний Азиатской России. Но последняя настолько обширна, а материалы для её описания так мало приведены в порядок и так разбросаны, что не было никакой возможности воспользоваться всем, что до неё касается, в желаемой полноте и совершенстве. Таким образом, к осуществлению карты положено было только начало, которое, правда, расчистило путь и исправило много исстари укоренившихся ошибок, но которое всё же является только опытом. Поэтому мы полагаем, что всякая попытка, направленная к пополнению пробелов, неизбежных в такой обширной и многосложной работе, путём составления детальных карт, может считаться лишь желательным продолжением и разработкой упоминаемой обширной карты. Но не одно только последнее обстоятельство руководит нами. Мы считаем безусловно необходимым не только дать новую карту Якутской области, но и представить к ней объяснительную записку, из которой были бы видны, с одной стороны, источники, на которых эта карта основана, а с другой — приводились бы данные, позволяющие судить насколько ей можно доверять.

Каждому, кто занимался этим предметом хотя бы поверхностно, хорошо известно, что не ко всем картам какого-либо географического атласа можно относиться с одинаковой степенью доверия; карты Европы,

например, точнее, чем карты других частей света, и карты отдельных государств Европы, в свою очередь, не одинаковы по своему совершенству. В общем, конечно, если не производить специальных исследований, можно и ими удовольствоваться, но дело принимает другой оборот, если нужно добыть возможно точные сведения о какой-либо части земной поверхности. В этом случае очень важно точно знать насколько можно доверять известной карте, и попадаешь в большое затруднение, если имеешь пред собою две противоречащие одна другой карты и не в состоянии разобраться, которой из них отдать предпочтение.

Такие дилеммы чаще всего представляются, если имеешь дело с картами русских владений в Азии; это происходит оттого, что источники, их касающиеся, в общем мало доступны. Поэтому нам кажется крайне желательным сделать сводку, если и не всего относящегося сюда материала, — что оказалось невозможным, — то по крайней мере того, который был доставлен путешествиями последнего времени и на котором основана предлагаемая карта Якутской области.

Ввиду того, что в настоящее время мы располагаем относительно небольшим числом астрономических пунктов, соединённых лишь редкими, сравнительно с громадным протяжением области, маршрутами, все же остальные промежутки этой крупноячеистой сети выполнены на основании расспросных сведений, не мудрено, если впоследствии нам предстоит прийти к крайне неутешительному выводу и убедиться, что настоящие наши сведения о Якутской области до такой степени скудны и так неполны, что мы вряд ли вправе теперь же наносить их на бумагу в виде детальной картины. Но всякий, кто возьмёт в руки нашу карту, будет по крайней мере знать при чём он находится и не попадёт в неприятное положение, принимая за верно установленное то, что в действительности весьма проблематично.

Лица, составлявшие с большой затратой времени и труда карту Генерального Штаба, обращали главное своё внимание, очевидно, на её западную и южную части, потому что для этих мест имели в своём распоряжении большее число недурно исполненных специальных карт. Крайний северо-восток представлял сам по себе меньше интереса, а потому мог быть обработан тем более поверхностно, что недостаток материала был хорошо известен; время и силы были направлены туда, где их можно было употребить с большей пользой. В тех случаях, если все

источники не точны и противоречат друг другу, мало заинтересованный человек не имеет особенных причин рассматривать их очень подробно и тщательно взвешивать, которому из них отдать предпочтение, — все они одинаково более или менее сомнительны. Поэтому вполне понятно, что при внимательном изучении карты Генерального Штаба мы с одной стороны замечаем, что она составлена по новейшим исследованиям, а с другой стороны находим, как неполно воспользовались этими новыми источниками: данные, почерпнутые из них, часто даже нанесены неправильно. Эти ошибки и пробелы главным образом и должны быть исправлены и отмечены на нашей карте, и если наши данные не могут претендовать на абсолютную достоверность, то они имеют по крайней мере то преимущество, что воспроизводятся так, как их поместили на месте те лица, которые их собирали. Только при этих условиях карта, даже если она неправильна, может быть полезна будущим путешественникам, потому что она послужит им основой в их дальнейших изысканиях. Каждому путешествовавшему хорошо известен тот факт, что от туземцев можно собрать часто поразительно точные сведения о местности, но что эти сведения оказываются верными только относительно очень небольшого района; если же дашь своему любопытству слишком широкий простор, то почти всегда будешь введён в заблуждение. Имея, однако при себе уже готовую, хотя и с большими пробелами карту, на основании которой можно начертить туземцам приблизительную картину дальнейших окрестностей, легко заставить их ориентироваться и добиться большей точности в их ответах; в этом не трудно убедиться впоследствии, проверяя полученные сведения путём контрольных расспросов. Из сказанного явствуют цель и намерение, которые руководили мною при составлении предлагаемой карты. На неё нельзя поэтому смотреть как на новую карту Якутской области: она представляет собою лишь усовершенствование листов III и IV карты Генерального Штаба, на основании которой она и набросана. При этом может показаться странным, что я не удержал сетку карты Генерального Штаба, а считал долготу от Ферро. Такое отступление имело своё основание в том, что все астрономические пункты пришлось наносить вновь: большинство из них было нанесено неправильно, и потому казалось целесообразнее избрать ту сеть, которая соответствует значительному большинству астрономических пунктов.

Как в «Table des positions géographiques»¹, так и в «Указателе долготы и широты»² долгота считается от Ферро; ввиду того, что все пункты должны были наноситься вновь, было удобнее придерживаться оригинальных указаний и воспользоваться при этом старой сеткой. Разница между Ферро и Пулковым, от которого долгота считается на карте Генерального Штаба точно составляет $47^{\circ} 59' 30,7''$. Но ввиду того, что мы имеем дело с градусами широты к северу от 54° , а карта рисована в масштабе 100 вёрст в английском дюйме, мы, не задумываясь, можем принять эту разницу в 48° , так как при данном масштабе $29,3''$ лежат в пределах неминуемой неточности.

Важным недостатком нашей карты является то обстоятельство, что указанный выше масштаб оказался слишком недостаточным, когда на неё были нанесены все детали, игнорированные на карте Генерального Штаба. Поэтому было бы более желательным взять 40-вёрстный масштаб, который принят и на карте Шварца. Увеличение карты сопряжено, однако, с большими издержками, а потому мысль эта была оставлена тем более легко, что в этом отношении неудовлетворительна только часть карты, — для крайнего севера, где подробности исследованы очень недостаточно, масштаб карты Генерального Штаба вполне пригоден. Но чтобы из-за большего количества названий, особенно в области Витима, Май и др. рек, карта не проиграла в ясности я старался помочь делу тем, что дал точный список всех названий рек, расположив их по системам. Конечно это только паллиатив, но при указанных обстоятельствах ничего другого нельзя было придумать.

До появления карты Генерального Штаба наши географические познания Якутской области были в довольно плачевном состоянии. Основанием всех прежних карт этой области более или менее служила старинная карта Познякова 1825 года. Эта последняя несомненно представляла большой шаг вперёд, сравнительно с предшествовавшей ей картой Сарычева, которая в своё время давала почти всю сумму сведений, имевшихся о той стране. Но нельзя сказать, чтобы Позняков в до-

¹ Schubert: Exposé des travaux astronomiques et géodésiques exécutés en Russie. St. Pétersbourg. 1858.

² Шварц: Труды Сибирской Экспедиции Императорского Географического Общества. Математический отдел. С.-Петербург. 1864.

статочной мере воспользовался всем пригодным материалом, находившимся в его распоряжении. Ему были доступны результаты путешествий Анжу и Врангеля, и он нанёс даже маршруты некоторых поездок, совершённых первым из путешественников по льду Ледовитого океана; тем не менее, как побережье Ледовитого океана так и острова изображены Позняковым крайне ошибочно.

Анжу не оставил после себя никакого сочинения, карта же, приложенная к труду Врангеля, была исполнена в его отсутствии, а потому исследования этих двух путешественников и их спутников в течение долгого времени оставались недостаточно утилизированными и были изданы впервые, много лет спустя, Восточно-Сибирским Генеральным Штабом в Иркутске.

Трудам Анжу и Врангеля мы обязаны теперешними нашими познаниями побережья Ледовитого океана от устья Лены до Колючинской губы. Для побережья к востоку от последнего пункта, приблизительно до устья Анадыря, мы имеем материал в виде съёмок, сделанных экспедицией Биллингса, и астрономических пунктов, определённых адмиралом Литке. Оригиналы работ этих двух исследователей и их спутников — Матюшкина, Бережных и Козмина произведены с большой точностью при посредстве многих астрономических пунктов, но до сих пор лежат ещё в архиве Гидрографического Департамента в С.-Петербурге. Таким образом в распоряжении Познякова находился наилучший материал, оставалось только желать, чтобы он полнее его утилизировал. Помимо перечисленного, при составлении своей карты он мог воспользоваться ещё целым рядом астрономических пунктов на Лене, Яне, Колыме, двух Анюях и на побережье Охотского моря. Но приведённым и исчерпывается весь достоверный материал. Великая Сибирская экспедиция, точно так же, как и экспедиция под начальством Биллингса, не оставили особенно заметных следов в области картографии, поскольку она касается Якутской области; на карту же Сарычева можно смотреть только как на результат расспросных сведений и крайне примитивно составленных маршрутов. Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что в Сибири уже давно старались составлять различные местные карты, потому что многие из них дошли и до нас; но столь же достоверно и то, что эти произведения крайне несовершенны и являются невообразимой смесью истины с измышлением, разобрать которую часто

нет никакой возможности. Они представляют собою преимущественно опыты маршрутов по давно известным путям на восток и северо-восток; исходным пунктом их служит большою частью Алдан или Амга, дальнейшее направление принимается на Охотск, или через систему истоков Индигирки на Верхнеколымск. Только впоследствии, со времён Врангеля и Анжу исследователи избирали путь на северо-восток через Верхоянск. Оригианалов маршрутов всех этих путешествий мы вовсе не имеем, да, по всей вероятности, их никогда и не было, как то вполне доказано относительно путешествий Биллингса по Чукотской земле; по-видимому, они были составлены впоследствии по данным, найденным в дневниках путешественников. Таким образом материалом для карт Сарычева, а впоследствии и Познякова служили, собственно говоря, подобные дневники, а может быть и несколько местных карт, исполненных в Якутске.

Если принять это в соображение и сравнить карту Познякова с картою Генерального Штаба, то приходится удивляться, с какою тщательностью умели прежние исследователи разузнавать от туземцев различные сведения и каким обширным знанием местности обладают эти последние. У Познякова несомненно много грубых ошибок, но в общем системы рек набросаны поразительно верно, да к тому же в такой обширной области, где вряд ли была какая-либо надёжная точка опоры. Сравнительно верно нанесены не только реки, лежащие на пути к Охотскому морю, но также и те, которых сами учёные исследователи вовсе не касались (как напр. Олёкма, Учур и другие) и о которых они могли почерпнуть сведения только из расспросов туземцев или из рассказов казаков, посещавших эти дороги по поручению правительства.

Позже, чем карта Познякова появилась карта Врангеля, только в 1841 году. Нет, однако, никакого сомнения в том, что Познякову были доступны не только труды этой экспедиции, но и весь тот материал, на основании которого впоследствии составили карту Врангеля. Это следует как из того, что он включил в свою карту данные Анжу о Яне, так и из того, что эта река нанесена у него много правильнее, чем у Врангеля, который касался её только зимою на своём пути туда и обратно, тогда как Анжу имел на ней свою главную квартиру. На карте Врангеля изображены только северная и северо-восточная части Якутской области;

но она имеет большое значение в том отношении, что является до новейшего времени последней, которая составлена для этой части области на месте, или по крайней мере на основании материалов, собранных лицом, бывшим на месте. Мы должны придавать этой карте тем большее значение, что всё впоследствии сделанное для тех местностей, за исключением карты С.-Петербургского Генерального Штаба, послужило, как это скоро будет показано, только к тому, чтобы заставить позабыть уже добытое и заглушить старую истину новыми ошибками и заблуждениями.

После Анжу, Врангеля и их спутников, обогащением наших познаний относительно Якутской области мы обязаны Эрману и спутнику Врангеля — Козмину, путешествовавшем в 1828-29 годах. Эрман проехал от Якутска в Охотск, а оттуда в Камчатку, а Козмин отправился из Якутска на реку Уда, а затем сделал съёмку побережья Охотского моря от устья этой реки до Охотска.

Карта Козмина появилась в 1829 году, карта же Эрмана только в 1835 году. Оба эти путешествия имели большое значение в деле географического познания областей, в которых они были совершены. Благодаря им, мы впервые получили два маршрута по возвышающейся террасами высокой горной области к востоку от Лены, сделанные в двух различных направлениях научно образованными людьми и давшие нам возможность ознакомиться с этой обширной горной страной. В особенности работа Эрмана, с её многочисленными и тщательными определениями высот ещё и до сих пор важна для уразумения построения Станового хребта. Маршруты, конечно, были продолжены и далее на основании расспросов туземцев и рассказов проводников, а в картах, составленных путешественниками, исправляется несколько старых ошибок; но мы находим в них и кое-какие неправильности, которых, впрочем, при таких быстрых поездках трудно избежать.

Если карта Козмина в той своей части, которая касается внутренности страны, и оставляла кое-чего желать, то этот пробел в очень скором времени, в 1842 году, был пополнен Миддендорфом, шедшим по той же дороге и опубликовавшим прекрасный, составленный топографом Вагановым маршрут. Большое значение для топографического познания Якутской области имеет не только приложенный к этому путешествию

атлас, но и в самом труде находится масса новых исследований относительно Станового хребта и берущих с него начало притоков Алдана, так что названное путешествие положило, можно сказать, начало научному исследованию этого громадного хребта.

Карта Миддендорфа появилась только в 1859 году, т.е. в то время, когда было окончено предприятие, которое придало совершенно новый вид южной и юго-восточной частям карты Якутской области; я говорю о Забайкальской экспедиции.

Сибирское путешествие Миддендорфа принесло громадную пользу картографии Якутской области не только работами этого исследователя, но и тем, что он дал толчок дальнейшему исследованию страны. Вместо того, чтобы вернуться, как прежде предполагалось, с реки Уда в Якутск, он избрал путь вдоль южного склона Яблонового хребта и прорезал страну по линии от океана до соединения Шилки с Аргунью. Это отважное путешествие имело важное значение в том отношении, что внесло много света в старинный, но всё ещё тёмный и сомнительный вопрос о границе между русскими и китайскими владениями к востоку от Нерчинска.

В семнадцатом столетии русские завоеватели проникли до Амура, ездили по этой реке и, построив там крепость Албазин, в течение продолжительного времени необыкновенно геройски защищались против значительно превосходившего их по численности неприятеля. Но, в конце концов, Албазин перешёл-таки в руки китайцев, а злосчастный нерчинский трактат 1689 года возвратил Амур Китаю. Ведший переговоры со стороны России, Головин, спасовал перед китайскими дипломатами и державшими их сторону иезуитами и уступил слишком много. В этом трактате, между прочим, сказано, что китайско-русская граница должна направиться от истоков реки Горбицы, впадающей в Шилку слева верстах в двухстах от Нерчинска, вдоль хребта на восток, так что реки, текущие в Амур к югу от горной цепи, должны принадлежать Китаю, а текущие в других направлениях — России.

На картах так оно и принималось; но вместе с тем было известно, что китайцы, знавшие местность эту не лучше русских, должны были иметь иное представление о пограничной линии, которая, никогда не будучи в действительности отмечена, допускала двусмысленное толкование.

Буквальный смысл соответственного пункта в названном трактате следующий:

«Река Горбица, которая впадает с левой стороны в Шилку вблизи реки Чёрной, устанавливается границей; последняя должна идти от истоков этой реки вдоль водораздела скалистых гор до моря, так что реки и речки, которые впадают в Амур по южную сторону, принадлежат Китаю, реки же, впадающие в других направлениях — к России. Все же остальные реки и места, находящиеся между рекою Удом и китайской пограничной линией, должны оставаться не разграниченными до наступления удобного времени ввиду того, что в настоящий момент Его Императорским Величеством не дано на то полномочий».

Такая странная Формулировка объяснима только тогда, если примешь, что обе стороны не имели ясного представления о географических условиях страны, в которой им приходилось предпринимать разграничение. В западной части, считая от Горбицы, кое-где нашлись ещё китайские пограничные столбы, в восточной же их не было; да и китайские пограничные комиссары, каждый год правильно посещавшие Аргунь и наблюдавшие за пограничными знаками, никогда не показывались, как было известно по данным от охотников за пушным зверем, в Яблоновом хребте.

Вследствие этого в Иркутске уже давно подозревали, что китайцы считают границу много южнее, чем принималось на русских картах, но точных сведений всё же не было, так как ни один образованный человек не проникал в те непроходимые захолустья.

Когда же Миддендорф во время своего путешествия выяснил, что встреченные им племена гиляков и других народов не считают себя данниками Китая и что самые северные пограничные столбы, которые могли ему показать, находились у впадения Нюмана в Бурею и Гилюя в Зею, то явилась возможность смотреть на страну к северу от вышеупомянутых пограничных знаков, как на русские владения.

Желая привести последнее обстоятельство в известность, снарядили экспедицию, находившуюся под начальством полковника главного штаба Ахте и считавшую среди своих членов астронома Шварца, двух горных инженеров — Кованько и Меглицкого и двух топографов — Крутикова и Карликова. Эта, выступившая в 1849 году экспедиция имела целью возможно точное исследование Яблонового хребта, к востоку от

реки Нерчи до моря, и речных систем, спускавшихся к северу и к югу с этой горной цепи. В течение четырёх или, точнее, в продолжение трёх с половиною лет, с июня 1849 до конца 1852 года, переименованные выше лица выполнили громадную работу: было определено большое количество астрономических пунктов в подкрепление многочисленных, снятых, правда, только при помощи компаса маршрутов, и в эту сеть включена невероятная масса расспросного материала, который мог быть проверен контрольными расспросами благодаря тому, что по одной и той же дороге проходили несколько раз. Здесь не место давать перечень всех работ экспедиции и достаточно привести лишь те, которые касаются Якутской области или по крайней мере имеют к ней отношение. Астрономические пункты читатель может найти в прибавлении и перечислять их тут нет надобности; маршруты же, имеющие для нас значение, следующие:

1) Маршрут Крутикова от реки Горбицы до впадения Чокчоя в Олёкму и отсюда до впадения последней реки в Лену. 1850 г.

Крутиков поднялся на Яблоновый хребет у истоков Бухты, которая впадает справа в Олёкму близ начала последней; затем путь его вёл через реки Черемную, Гулю, Окую к Пенюге и Лапче, вдоль последней реки к Нюгше, которая была прослежена до устья Лярбы. От Лярбы путь шёл к Каряраку, в долине которого Крутиков перешёл водораздел между Олёкмой и Алданом и спустился к последней реке по долине Чокчоя. Далее он следовал сначала по Алдану, а затем шёл по гребню водораздельного хребта и снова достиг Олёкмы у правого притока Чокчоя, откуда направился вдоль этой реки. Впоследствии ему пришлось перейти на левый берег Чокчоя, так как путешествию помешал ледоход.

2) Маршрут Меглицкого от Лены ниже впадения Алдана к реке Эндыбалу, левому притоку Эйчи, впадающей в Дулгалах системы Яны. 1850.

3) Маршрут Крутикова от Усть-Майска до Нелькана на Мае и от Нелькана до Удского Острога. 1851.

Последний маршрут ведёт сначала по торной почтовой дороге от Якутска через Амгинск в Усть-Майск, затем следует по Мае до поста Нелькан, а отсюда поворачивает к югу через Ингикан, западные притоки Ватома, Маймакан, Джану, и Половинную или Маю к Уде.

4) Маршруты Карликова, Аргунова и Шварца в долинах Уды и её притоков, именно Шевели и Чогора. 1851.

Это длинные маршруты, ведущие с Уды в область Амура и имеющие для нас интерес лишь настолько, насколько они касаются реки Уда и его притоков.

5) Маршрут Аргунова с реки Уда ко впадению Учуре в Алдан. 1852.

Этот маршрут даёт нам богатые данные относительно системы Алдана, особенно о его правом притоке Учуре. Он начинается от Удского Острога и следует по пути в Якутск до истоков Кёкана; тут он его покидает и направляется через истоки Тыркана, Юдыма и Юдымкана к озеру Токо, на некотором протяжении ведёт по вытекающему из Токо Мылану, с последнего переходит на Алгому и следует по правому притоку этой реки — Туксанде до Яблонового хребта. Вдоль этого хребта он направляется на запад через истоки Алгомы к истокам Нуяма, отсюда идёт к Утаму и вдоль последнего к Коnamу. Коnam он прослеживает лишь на незначительном протяжении, чтобы по Конкую выйти к Гиному. Отсюда путешествие все время шло водою по рекам Гиному и Учуре до места впадения последнего в Алдан.

6) Маршрут Карликова от озёр Токариканы до устья Учуре. 1852.

Этот маршрут распадается на две части, а исходным пунктом ему служит река Горбица. Вторая и вместе с тем единственная, имеющая для нас интерес, часть его начинается у Токариканы, представляющего ряд связанных реками озёр, из которых берут начало две реки Тымтеуь и Коnam. От этих озёр путь ведёт прямо на север по водоразделу между Тымтенем с одной стороны и Коnamом и Гинымом с другой и достигает Алдана ниже впадения речки Макынгрикана. Далее он следует по долине Алдана до впадения в него Учуре.

7) Маршрут по р. Учуре от места, где ежегодно бывает ярмарка собольих шкур у устья Селенды, до впадения его в Алдан. 1852.

8) Маршрут Шварца с Уды и Удюгуна ко впадению Учуре в Алдан. 1852.

Маршрут этот распадается тоже на две части, из которых занимать нас может только вторая, начинающаяся у истоков Коnamы и ведущая к Учуре. Он шёл сначала вдоль Коnamы до места, расположенного несколько ниже впадения Утама, затем чрез посредство Ламама и Конкуя к Гиному, следовал на некотором протяжении по этому последнему и,

прорезывая поперёк горы, наконец вёл через левые притоки Гиныма и Учура к устью этого последнего.

9) Маршрут Крутикова по течению Уды от Удского Острога к устью реки. 1852.

10) Маршрут Крутикова от скалы Тайкана до Аяна. 1852.

Эта короткая, но важная съёмка начинается выше впадения Джаны в Уду и главным образом тянется по юго-восточному склону Станового хребта до Аяна. Сначала путь ведёт прямо к берегу моря, следует вдоль него до устья Кырана, поднимается по этой последней реке и, перебираясь через различные реки, всё время придерживается склона хребта и доходит до недавно ещё возникшего в то время Аянского порта.

Названными работами в Иркутске не ограничились и тотчас же перешли к обработке с большим трудом и осмотрительностью собранного материала. Крутикову было поручено составить карту посещённой экспедицией области, и он принялся за дело уже в 1853 году. В своём сочинении Шварц говорит, что Крутиков начертил большую карту в масштабе 20 вёрст в английском дюйме на девяти листах, с которой сам он получил копию. Эта копия была любезно предоставлена в моё распоряжение г. Шварцем; она имеет границы, указанные в труде Шварца, но состоит всего из восьми листов, так что я принимаю вышеуказанное число листов, т.е. девять, — за опечатку. Эта карта, исполненная Крутиковым тотчас после поездки, когда весь собранный материал был ещё вместе, а впечатления свежи, имеет неоценимое значение, но страдает одним недостатком — она рисована без сетки, так что переносить её частями на другие карты необыкновенно трудно.

К сожалению, оригинал этой ценной работы, по-видимому затерян, но крайней мере мне не удалось разыскать его в Иркутске. Впрочем, в высшей степени вероятно, что копия с неё, полученная Генеральным Штабом в Иркутске, заложена где-либо в архиве и когда-нибудь будет найдена. Для нас интересно знать, что эта карта обнимает Якутскую область на западе до Чары и Лену до Якутска; на севере она ограничена параллелью Якутска, побережье же Охотского моря нанесено до Охотска.

На разбираемую карту Крутиков нанёс помимо маршрутов также и весь расспросный материал, добытый Забайкальской экспедицией, так что она служит основной картой большей части Якутской области.

Но этой экспедицией дело не кончилось: все вдруг заинтересовались юго-восточною частью Сибири, особенно же тогда, когда перестали уже довольствоваться установлением точной границы между Китаем и Россией и стали подумывать о присоединении к Империи всего течения Амура.

В 1853 году Географическое Общество в С.-Петербурге, которое вскоре после того учредило своё отделение в Иркутске, постановило послать экспедицию для исследования Востока. Последняя должна была распасться на две части — на географическую или математическую и на геогностическую или физическую. Сначала приступили к выполнению математической части, которая состояла из астронома Шварца и трёх его помощников, тоже знакомых с астрономией: Рашкова, Усольцева и Смирягина. Сначала имелось в виду исследовать только Забайкалье и область Амура, но впоследствии круг деятельности значительно расширился к западу, так что эта экспедиция, начавшаяся в 1855 и кончившаяся в 1858 году, обняла собою в действительности большую часть Сибири. Для Якутской области она могла сделать немного, так как эта страна лежала вне сферы прямой её деятельности; впрочем, она также не осталась незатронутою и особенно работы Усольцева доставили много новых данных о совершенно неизвестных до тех пор местностях области.

Вот перечень маршрутов и исследований, имеющих для нас значение:

1) Маршрут Рашкова, затронувший реки Чёрную, Олдой, Тунгир и Нюгшу. 1856.

От истоков Олдоя путь Рашкова вёл через Яблоновый хребет в область реки Нюгши, представляющей собою, собственно говоря, второй исток Олёкмы. Система этой реки затрагивается маршрутом сначала на Джелтуле, левом притоке верхнего течения Лярбы, впадающей в Нюгшу справа. От устья Лярбы путь поворачивает к югу и следует по Нюгше до её истоков, откуда через Акую, Гулю и Черёмную ведёт к Бухте и вдоль последней к Тунгиру, который был прослежен до впадения в него Корсуги. Далее Рашков пошёл вверх по Корсуге до её истоков, а отсюда через горную цепь к истокам Тунгира, на который он вышел выше Джиктенды и который проследил до самого конца. Через приток Тунгира Дзаркачай путь вёл через Яблоновый хребет обратно в долину Чёрной.

2) Маршрут Шварца от Качуги на Лене, вниз по последней реке и вверх по Витиму до порога Делюн-Орона. 1857.

Для нашей карты этот маршрут важен относительно верховьев Лены и нижнего течения Витима.

3) Маршрут Усольцева от Горбицы на Шилке до Качуги на Лене. 1857.

В этой, сделанной на расстоянии 1980 вёрст съёмке важна для карты Якутской области только первая часть. На Яблоновый хребет Усольцев поднялся из Амазара, далее он шёл через исток Бугарикты к истокам Болгикты, вдоль этой реки к Тунгиру, затем через хребет на левом берегу последнего до его левого притока Сивилукты, вверх по Сивилукте к Амнундакте, вдоль по этой реке и по Багранмакиту к Олёкме; перейдя через Олёкму путь шёл на некотором протяжении вверх по Мокле, а затем через посредство левого притока последней вышел к Калакану; далее через эту реку к Катугинету через Калар. От Калара через восточный и западный Нёвен и через Юхту к Чаре, вниз по ней до большего порога. Затем маршрут поворачивает обратно, идёт вверх по Чаре до двойного озера Лепрянгды, из которого течёт Чара, через хребет и выходит на Сылбю. По последней путь идёт до её нижнего течения, переходит на Пактыраын и следует по нему до впадения в Витим. Вниз по Витиму маршрут идёт до устья Парамы (левого притока ниже Муи) и тут покидает Якутскую область.

Кроме этих маршрутов для познания Якутской области важен целый ряд карт, которые составлены Шварцем и главным образом неутомимым Усольцевым на основании расспросных сведений. Они следующие.

А. Собранные Усольцевым:

1) Карта левых притоков Амура от места слияния Шилки с Аргунью до впадения Олдоя и притоков Нюгши.

Эта карта обращает особенное внимание на места сборищ (сугланы или болджары) тунгусов и на дороги, ведущие к ним через Яблоновый хребет. Значение карты заключается в том, что места таких сугланов остаются одни и те же в течение столетий; к ним со всех сторон стекаются для мены и торга охотники за пушным зверем и купцы.

2) Очень полная карта рек Амазара, Олёкмы, Тунгира и Нюгши, а также нижнего течения Олёкмы и Чары.

3) Карта средней части системы Калара и области истоков Калакана.

4) Очень полная карта системы рек Калара и Калакана, набросанная одним тунгусом-начальником.

Все озёра и реки начерчены очень точно и все носят названия; карта имеет тем большее значение, что область была до той поры совершенно неизвестна.

5) Карта части течения Витима от устья Парамы, впадающей в Витим слева, до устья Тахтыги (носящей также название Таптыры).

6) Карта Чары и Токо с обозначением Лены и Олёкмы, а также пути, ведущего от Олёкмы по течению Кани и Куруны-Ыряха к Чаре.

7) Точная карта местности между Витимом, Леной и Олёкмой до впадения Чары.

Это так называемая область золотых приисков олёкминской системы; на ней нанесены дороги, ведущие к золотомойням.

8) Карта той же области с указанием лишь наиболее важных рек.

9) Карта окрестностей Оронского озера по направлению к среднему течению Чары.

10) Карта части течения Олёкмы между Багранмакитом и Моклой с включением озера Углу.

11) Карта озера Углу и рек в него впадающих.

В. Шварцем составлены:

1) Карта местности между Витимом и верхним течением Большого Патома с реками Мысовой, Зимовейной, Казаковкой, Верхней и Нижней Езовой.

2) Карта Верхнего течения Быстрой и Большого Патома.

3) Карта долины реки Уда.

4) Подробная карта системы Уда по сведениям, собранным у охотящихся там тунгусов.

5) Карта притоков Витима начиная от его устья до Оронского озера по сведениям, собранным у одного живущего в Витимске якута.

В то время как южная и юго-восточная части Якутской области, таким образом, с большим успехом исследовались научно в пятидесятых годах, для остальной части той же области мы можем пока привести только незначительный маршрут, ведущий от Лены к истокам Дулгулаха. Сюда же относится ряд съёмок, которые все касаются Вилюя и которые были сделаны в 1853-1854 годах топографом Зондгагеном, принадлежавшим к экспедиции Маака. Изданы они были, однако, и то

частью, только в 1886 г., при труде Маака «Вилюйский Округ Якутской Области. С.-Петербург. 1886.» Мне неизвестно, сохранились ли оригиналы этих съёмок или погибли во время большого пожара 1879 года.

Зондгаген сделал съёмку следующих семи маршрутов:

1) От деревни Анкулы на Нижней Тунгуске через водораздел на Чону, вниз по ней к Вилюю и по последнему до его впадения в Лену.

2) От деревни Сунтар к соляным источникам Кемпендея.

3) От города Вилюйска по почтовой дороге в Якутск.

4) От Якутска до нижнего течения Лынхи, вниз по ней и по Лене до впадения Вилюя, затем вверх по последнему, придерживаясь правого берега, до Вилюйска.

5) От Вилюйска на правом берегу реки до деревни Нюрбы.

6) От Верхневилюйской Управы (на Вилюе) вдоль рек: Тюкан, Чилля, Хаингуя, к Оленьку; отсюда к озеру Сурунгна, а затем к Вилюю, которого маршрут достигает несколько выше впадения Ахтаранды у речки Дзянгайки.

7) От деревни Сунтар к городу Олёкминску.

Этот необыкновенно богатый материал потерял часть своё значение оттого, что Зондгаген рано умер и не мог приступить к его сводке; последняя была сделана много позднее. Во всяком случае, как определение направления самого течения реки, так и сухопутные маршруты, особенно 4, 6 и 7, дали нам возможность ознакомиться с вовсе неисследованной до той поры областью. К сожалению, в моём распоряжении не было оригиналов указанных маршрутов; я знаком только с приложенными к сочинению копиями и с картой, составленной на основании их. Но самые маршруты переданы крайне недостаточно, так что по ним трудно ориентироваться на карте.

В перечисленные годы для Якутской области не было ничего более сделано: весь интерес привлёк к себе — Амур.

Таким образом собрался обширный и богатый материал и немедленно же было приступлено к его обработке. В данном случае счастливым нужно почтить то обстоятельство, что обработка его была поручена действительно дельному лицу, именно астроному экспедиции Шварцу. Работа, правда, заняла довольно много времени, но зато и дала крайне совершенную карту, речь о которой будет ещё впереди.

В то время как Шварц работал над своей картой, Генеральный Штаб в Иркутске решил сделать кое-что и со своей стороны: он издал в 1855 году карту Восточной Сибири, а в 1861 последовало второе, исправленное, её издание.

Если принять в расчёт необыкновенно богатый материал, который был собран двумя обширными экспедициями на юго-востоке и экспедицией Маака, значительную часть которого Крутиков уже обработал и свёл в карту, то приходится удивляться, что тем не менее могли появиться такие несовершенные произведения, каковы упоминаемые два издания карты. Кое-что на них, особенно в юго-восточной части, изображено вернее, чем на старой карте Познякова, но вместе с тем сделано много новых ошибок, а многое прямо-таки хуже, чем прежде. Так, например, истоки Амги огибают на юге истоки Алдана и только затем река направляется на северо-восток; истоков Вилюя совсем нет, — он начинается прямо Чоной. Такая ошибка является результатом крайне невнимательного пользования маршрутами Зондгагена: рисовавший карту не обратил внимания на то, что Чона представляет лишь правый приток Вилюя, который при её впадении величаво течёт уже в широком русле; он нанёс главную реку просто в виде продолжения её притока. Вообще трудно подыскать другой пример такого поверхностного отношения к научным материалам, каким отличаются разбираемые карты 1855 и 1861 гг. Но ещё большие странности встречаешь, если просматриваешь северную часть Якутской области. Со времён Врангеля и Анжу там не производилось, как известно, никаких исследований. Таким образом можно было ограничиться новым просмотром работ этих путешественников, внести их данные и выкинуть то, что являлось ошибочным на карте Познякова. Но этим не удовольствовались, а внесли целый ряд своих собственных изменений, чем испортили несомненно хорошее у Познякова и дали абсолютно плохую карту. Впрочем, в одном отношении карта 1861 года представляет значительное улучшение: острова и побережье Ледовитого океана нанесены на ней правильнее, чем на карте Познякова, но всё остальное положительно неверно. Так, например, у Познякова большой правый приток Яны, Адыча, изображена довольно правильно и в неё даже впадает справа Тостах, как оно в действительности и есть. Карта 1855 г. изображает ещё Адычу в виде большего притока, но Тостах впадает в неё слева. Карта же 1861 г. идёт ещё

далее и открывает большой правый приток Яны в виде Табалаха, который принимает в себя справа небольшую речку — Адычу; Тостах же совершенно исчезает. Можно было бы указать много таких неточностей, но и приведённых вполне достаточно, чтобы показать, насколько эти карты заслуживают доверия. Из всего сказанного явствует насколько счастливым обстоятельством было то, что окончательную обработку всего материала поручили не Генеральному Штабу в Иркутске, а возложили на Шварца.

Мне неизвестно, в котором году появилась карта Шварца. Математическая часть труда Сибирской экспедиции была опубликована в 1864 году, а потому можно принять, что карта была готова несколько раньше; по крайней мере в работе говорится о вышедшей уже карте. Она состоит из семи листов, из которых шесть представляют южную часть Сибири до 60° на западном и среднем листах, и до 58° на восточном. Седьмой лист служит дополнительным. На западе карта оканчивается верхней и средней частью течения Енисея. Она черчена в масштабе 40 вёрст в английском дюйме и имеет сборный лист в масштабе 160 вёрст в английском дюйме.

В эту карту с исчерпывающей полнотой включён весь материал, который был собран двумя большими экспедициями. Насколько она точна, я имел достаточно случаев убедиться: благодаря любезности профессора Шварца я получил почти всё, относящиеся к Якутской области оригинальные маршруты, но мне вовсе не приходилось ими пользоваться, так как они вполне согласовались с картой. Таким образом всё то, что нужно было для моей карты, я мог взять с карты Шварца и внёс только на местах прикосновения отдельных листов, незначительные поправки неточностей, происшедших по вине гравёра, резавшего таблицы. Появлением этой карты была почти совершенно заглажена потеря, в противном бы случае невознаграждаемая, карты Крутикова и вполне обеспечены результаты двух экспедиций.

После этих двух обширных экспедиций на географической арене наступило спокойствие. Сибирский Отдел Географического Общества продолжал, правда, работать и далее, но со своими незначительными средствами не мог предпринять ничего обширного, а помимо этого внимание стало всё более и более сосредотачиваться на других областях. Но в 1866 г. побудительная причина чисто практического свойства снова

вызвала предприятие, которое принесло пользу географическому познанию Якутской области. Владетели золотых приисков Олёкминской системы до той поры получали необходимое им в большом количестве свежее мясо с Вилюя, так как принималось за доказанное, что из области Большого Патомы и Чары нет в другие части Сибири дороги, мало-мальски пригодной для прогона значительных гуртов скота. Но с одной стороны получение скота с Вилюя было во многих отношениях крайне затруднительно, а с другой — работы вышеперечисленных экспедиций пролили столько света в дотоле совершенно неизвестную область, расположенную между городом Читой и рекой Чарой, что пришла мысль попробовать найти во чтобы то ни стало прямой путь от названного города к золотым приискам; в этом случае являлась возможность вступить в прямые сношения с богатыми владельцами стад в Забайкалье. Владельцы золотых приисков, бывшие частью членами Географического Общества в Иркутске, пожелали связать с этим предприятием и научные задачи, а потому к участию в путешествии был приглашён геолог князь Кропоткин, занимавший в то время служебное положение в Иркутске. Этому счастливому обстоятельству мы обязаны значительным обогащением наших географических познаний; результаты своих исследований Кропоткин изложил в своём отчёте об Олёкминско-Витимской экспедиции¹.

К названному отчёту, помимо многого другого, приложена также и карта пройденной области, которая примыкает к карте Шварца и во многих отношениях обогащает и исправляет последнюю.

Как мы уже видели, ни одна из больших экспедиций не касалась собственно области золотых приисков, которая расположена между Витимом, Леной и Чарой; только Усольцев побывал на верхнем течении Чары. Сведения, которые мы находим относительно этой местности на карте Шварца, взяты из данных одной карты золотых приисков, основанной исключительно на расспросных сведениях. Вследствие этого карта Кропоткина является несомненным обогащением: она основана не только на маршруте своего путешествия, но и на значительном количестве другого материала, который был уже недоступен Шварцу; в

¹ Отчёт об Олёкминско-Витимской экспедиции. П. Кропоткина, С.-Петербург. 1873.

пределах Якутской области путь этой экспедиции шёл от Тихоно-Задонского прииска на Ныгре (в области Жуи, левого притока Чары) к месту впадения Янгадымо и Тзиники в Витим.

Вот главнейшие источники, на которых основана карта Кропоткина, поскольку они касаются Якутской области:

1) Четыре маршрута чертёжника Шарова, которому владельцы золотых приисков поручили пройти область золотомоем по четырём различным направлениям, некоторые из этих маршрутов, т.е. два первых, он проделал зимою. Как малообразованный человек он не заслуживает безусловного доверия; тем не менее его работа всё же ценнее, чем карта, основанная исключительно на расспросных сведениях; к тому же, как говорят, он исполнил своё дело крайне добросовестно. Во всяком случае важно уже и то, что местность была пройдена в четырёх дотоле вовсе неизвестных направлениях. Маршруты эти идут так:

а) От Ныгры на север через истоки Большого Пáтома к Тонóде, вниз по последней до впадения Пурычи, затем вверх по этой реке на Кевакту; спустившись по Кевакте и по Хайварке, возвратился опять к Большому Патому; перейдя Большой Патом у впадения Тугукана, путь подымается вверх по последнему и идёт на Пилку, а с этой по Крестовке к одноимённой станции на Лене.

б) От Ныгры вниз по ней к Ваче, вверх по последней реке до впадения в неё Ухагана, вверх по Ухагану на Марукан и спускается по последнему на Большой Патом, который прослеживается до впадения Хайварки.

в) От Ныгры вниз по ней к Ваче, далее поднимается по этой реке до Огунмукиа, восходит последний и идёт на истоки Бодайбо, который прослеживается до впадения в Витим.

г) С Ныгры на Вачу до её впадения, а отсюда вниз по Жуе, Чаре и Олёкме водою до Лены.

2) Маршрут топографа Машинского в 1866 году. Это маршрут, приведённый мною для экспедиции, в которой принимал участие Кропоткин. Он доведён крайне тщательно до Читы, но для нас интересна только часть его, — до Витима.

3) Карта Олёкминского Золотопромышленного округа, составленная Маркеловым в масштабе 20 вёрст в английском дюйме и та же карта, но в масштабе 10 вёрст в английском дюйме.

Маркелов в течение продолжительного времени управлял одним из значительнейших золотых приисков и в высшей степени интересовался географическими работами. Он долго работал над указанной картой с большой тщательностью и прилежанием и привлёк к этому делу многих хорошо знавших местность тунгусов и других лиц, знакомых с путями. Он поставил себе специальной задачей обозначить на ней всё, какие мог только раздобыть, маршруты золотоискателей и всегда старался согласовать вновь полученный материал с уже имевшимся. Ввиду того, что он обращал большое внимание на пройденные расстояния и их оценку, и относился к ним крайне критически, можно сказать, что сеть, которая в конце концов получилась от постоянно переkreщивавшихся путей этих, ежегодно отправлявшихся различными обществами, золотоискателей, настолько верна, насколько это вообще только возможно без применения научных средств.

Помимо этого, самим Кропоткиным и управляющими золотых приисков собрана была масса расспросных сведений, которые тоже были утилизированы для карты. В настоящее время по Олёкминскому округу мы располагаем, таким образом, большим количеством наилучшего картографического материала, чем по другим местностям Якутской области.

Из всего сказанного вытекает, что со времени появления карты Познякова для южной части Якутской области сделано сравнительно много, и что добытыми результатами можно быть вполне довольным, если принять в соображение, насколько до сих пор ещё дика та страна и как мало доступна она для научных изысканий.

Но какую же представлялась область к северу от параллели Олёкминска? Для неё мы могли привести маршруты Меглицкого и Зондгагена, но больше ровно ничего. Для ориентировки в этой обширной стране всё ещё приходилось прибегать к старой карте Познякова, потому что карты Генерального Штаба в Иркутске, изданные в 1855 и 1861 гг., оказались, как мы выше уже видели, совершенно негодными. Оставалось только одно, — вновь пересмотреть старинные источники, на которые опирался Позняков. Но последних было не особенно много, потому что число научно образованных лиц, проходивших по этой стране, было невелико.

В течение многих лет занимая служебное положение в Якутске и именно благодаря ему, я имел случай часто делать далёкие поездки по различным направлениям и, за редкою возможностью вести правильные маршруты, старался по крайней мере заносить в свой дневник путевые заметки с возможно точным обозначением направления и длины пройденного пути. Таким образом у меня собрался кое-какой материал, который, будучи сам по себе довольно несовершенен, всё же мог кое в чём помочь при полном отсутствии всяких сведений.

В 1868 году я получил поручение от генерал-губернатора Восточной Сибири предпринять путешествие в Землю Чукчей; этим обстоятельством воспользовался Сибирский отдел Географического Общества и принял участие в экспедиции, послав со мною астронома Неймана и топографа Афонасьева.

Мы выступили в ноябре 1869 года из Якутска и пошли через Верхоянск, Средне- и Нижнеколымск и через истоки Анадыря; затем мы направились вдоль южного склона хребта, отделяющего притоки Анадыря от рек, впадающих в Ледовитый океан, на восток и дошли до устья Анадыря. Отсюда путь наш лежал вверх по левому берегу реки до селения Марково. Тут экспедиция наша разделилась: Нейман и Афонасьев вернулись обратно в Нижнеколымск, я же отправился в Гижигинск на берегу Охотского моря. Весною 1870 года я выступил с Малого Анюя к Ледовитому океану и прошёл вдоль берега последнего до Якана, откуда был принуждён возвратиться. Афонасьев в свою очередь с Анюя пошёл через хребет к Омолону, которого достиг у впадения реки Кигали, а затем спустился по нему на лодке до устья. Летом 1870 года мы снова разошлись. Нейман с Афонасьевым направились вверх по Колыме до Верхнеколымска, а затем пошли через область истоков Индигирки к Хандыге, далее вниз по ней к Алдану и, наконец, в Якутск. В то же время я выступил на нижнее течение Алазеи и Индигирки, затем потянул вверх по левому берегу последней реки и через Верхоянск вернулся обратно в Якутск.

Это путешествие принесло немного пользы делу географического познания Сибири потому, что длинные маршруты лишились возможности опереться на астрономические пункты, так как наблюдения Неймана оказались, в конце концов, недостаточно надёжными. Топограф,

наоборот, исполнял свою работу прилежно; отделяясь от своих товарищей, я тоже вёл маршруты. Таким образом мы собрали следующий материал.

1) Маршрут Афонасьева от Алдана к устью Тукулана, вверх по этой реке к Яне, вниз по последней, а затем, на восток, через Догдо на Селегнях и через Индигирку в Среднеколымск.

2) От Среднеколымска до устья Колымы.

3) От Нижнеколымска через Малый и Большой Анюи до устья Анадыря, отсюда до церкви в Марково на последней реке, а затем до Нижнеколымска.

4) От места чукотской ярмарки на Малом Анюе на верхнее течение Омолона и вниз по этой реке до её устья.

5) От Среднеколымска через Верхнеколымск до истоков Зырянки.

Все эти маршруты были исполнены Афонасьевым.

6) Маршрут от места чукотской ярмарки на Малом Анюе к Ледовитому океану и по его побережью на восток до Якана.

7) Маршрут от Марково на Анадыре через Пенжину в Гижигинск.

8) Маршрут от Среднеколымска на нижнее течение Алазеи и Индигирки, затем вдоль левого берега этой последней до озера Абый; далее на запад через область озёр между реками Селегняхом и Уяндиной и через хребет до Верхоянска.

Три последние маршрута были ведены мною лично.

Тут же важно отметить, что не все восемь перечисленных маршрутов отличаются одинаковым достоинством. Лучше всего сделана съёмка пути от Алдана до истоков Анадыря, т.е. первый и второй маршруты и первая часть третьего. Несмотря на то, что работать приходилось зимою, топограф аккуратно наносил на бумагу каждый вечер то, что было пройдено в течение дня и при этом находился под контролем Неймана и моим. Таким же способом велась, конечно, работа и по всему третьему маршруту. Но вместе с тем тут приходилось преодолевать много затруднений, особенно усилившихся на пространстве между истоками Анадыря и его устьем. Провожавшие нас чукчи все проделывали этот путь впервые и, таким образом, вовсе не знали страны; встречавшиеся же нам время от времени в глуши люди были чукчи-стадоводы, тоже мало знакомые с окружавшею их местностью. Благодаря этому расспросы ничего не давали. Мы шли почти по самому водоразделу, по его южному

склону, и без указаний опытных проводников часто абсолютно невозможно было определить, куда текли бесчисленные реки, верховья которых нам приходилось переходить. При таких условиях Афонасьеву случалось просматривать водоразделы между отдельными реками и смешивать одну с другою. Мы часто советовались по таким поводам друг с другом на месте, спрашивали мнение чукчей, но в некоторых случаях тем не менее не могли выяснить себе дело. Путь вверх по левому берегу Анадыря наносить было просто; но и тут представляло большое затруднение добиться, к каким из крупных притоков, которые мы теперь переходили, относятся истоки, с которыми мы имели дело раньше.

Четвёртый маршрут, к Омолону и вниз по этой реке, тоже ведён добросовестно и хорошо, да и проводники в этой поездке были вполне надёжны. Зато пятый маршрут, начиная с Верхнеколымска, оставляет многого желать. Во-первых, он не был доведён до конца, т.е. до Алдана, что было крайне важно, так как в этом случае исходный и конечный пункт путешествия соприкоснулись бы; он оканчивается рекою Зырянкой, т.е. включает лишь малую часть всего пути, да и на этом коротком протяжении ведён крайне неряшливо. Это большое упущение, потому что пройденный путь описан только Сарычевым, шедшим по этой дороге в качестве члена экспедиции Биллингса.

Из трёх мною лично ведённых маршрутов первый, в Гижигинск, собственно говоря, не маршрут, а карта, которую я составил во время поездки на основании компасных данных и при помощи расспросов моих проводников и жителей Пенжинска и Гижигинска. В этом мне много помогла карта, набросанная тоже по расспросным сведениям американцем Кеннаном, проживавшим тут в течение довольно продолжительного времени. На моей карте нанесены реки Пенжина, Парень, Гижига и Маин, а также пути через Становой хребет из Гижигинска и Парени.

Второй маршрут я вёл от места чукотской ярмарки вплоть до Ледовитого океана, потому что я путешествовал в этом случае по неисследованной ещё местности. Во время же поездки вдоль побережья до Яканая пользовался трудами Врангеля и Козмина и вёл свой маршрут только с целью констатировать, сходятся ли старые съёмки с тем, что я наблюдал или нет. Почти без исключения имело место первое и мне вновь пришлось убедиться, насколько добросовестно и хорошо работали руководители той экспедиции.

Третий маршрут ведён на всём протяжении, начиная от Среднеколымска и кончая почти Верхоянском; он идёт по области, бывшей до той поры совершенно неизвестной; если я и не делал определения долгот, то съёмка моя всё же правдоподобна благодаря тому, что мне удалось сделать определение широты кое-каких пунктов. От Абыя до Тостаха она идёт в направлении первого маршрута Афонасьева, но с ним тем не менее не совпадает: время от времени она отклоняется от него в сторону, так что сведения, которые дают наши работы об области озёр между Уяндиной и Селегняхом, крайне интересны.

Кроме всех перечисленных маршрутов нами были собраны ещё кое-какие расспросные сведения, хотя в этом отношении обстоятельства нам не особенно благоприятствовали: как уже выше сказано, чукчи знали область по Анадырю так же мало, как и мы сами. Да и проводники, ведшие нас от Алдана к чукотской ярмарке, были знакомы хорошо только с самым путём, так как в этом заключался источник их заработка. Но будучи постоянными жителями Якутска, якуты эти помимо дороги почти ровно ничего не знали, а потому, как мы увидим ниже, изредка сбивали с толку Афонасьева, конечно, безо всякого с их стороны намерения. На Индигирке я нашёл людей, прекрасно ознакомленных с этой рекой от устья до истоков Момы и неоднократно дававших мне указания. На Селегняхе я тоже встретил нескольких тунгусов, которые там охотились и ходили до Яны и до истоков Уяндины. Частью путём расспросов, частью же заставляя их самих чертить, я мог при посредстве этих людей составить довольно подробную карту реки Индигирки. В Верхоянске я советовался с купцом Семёном Гороховым, который в течение всей своей жизни разъезжал среди якутов и был хорошо знаком с Яной от её истоков почти до самого устья. С ним вместе мы начертили карту названной реки и всей её системы, которая кажется мне очень верной.

Вот результаты, добытые нашей экспедицией в Чукотскую Землю. К ним я могу прибавить ещё заметки, сделанные во время прежних моих путешествий, как в Землю Чукчей, так и в другие местности. Среди последних заслуживают, между прочим, упоминания поездки между Вилюем и Леной, затем с Вилюя в Булун на Лене, а отсюда поперёк страны к устью Колымы. Далее у меня есть маршрут, составленный мною самим

в 1866 году по поручению губернатора Якутска. Он начинается от станции Березовской на Лене, ведёт по левому берегу Чары, пересекая все её левые притоки, и мимо двойного озера Ничатки выходит к истокам Абзада. Вниз по Абзаду он спускается до места селения живущих там якутов. Отсюда он поднимается по Чаре до её истоков, переходит с них на Сылбу, вниз по которой идёт до Витима, затем возвращается по старой дороге к вышеназванному селению, а потом на лодке вниз по Чаре до места, расположенного недалеко от места впадения её в Олёкму.

Ко всему этому материалу можно прибавить ещё несколько мелких, рисованных землемерами в Якутске, специальных карт, которые относятся к системам левых притоков Лены, расположенных между последней и Витимом. Тут имеются в виду преимущественно река Бири, впадающая выше города Олёкминска, и река Намана, текущая в Лену ниже его, а также часть дороги между Якутском и городом Вилуйском.

После нашей экспедиции в Чукотскую Землю Чекановским и Миллером было предпринято в 1874 году путешествие, которое одарило нас ценной картой реки Оленька; до тех пор направление последней изображалось на всех картах ошибочно. Съёмка начинается у Киренска на Лене; путь сначала ведёт вниз по Нижней Тунгуске, прикасается к области истоков Вилюя, затем к области истоков Анабара и наконец вниз по Оленьку до его устья. Помимо этого, путешествие даёт некоторые сведения о самом нижнем течении Лены и о местности между Леной и городом Верхоянском. Карта эта опирается на определение широт многих мест, но долготы до сих пор ещё не вычислены.

Сюда же относятся съёмки Чекановского 1875 года на нижнем течении Лены от Якутска до Булуна и Аякита. Астрономических определений в эту поездку не делали.

Наконец, нужно упомянуть о двух экспедициях, доставивших новые географические сведения по Якутской области. Я говорю об экспедиции Юргенса и д-ра фон-Бунге в дельту Лены в 1882-1884 годах и об экспедиции д-ра фон-Бунге и барона Толя в 1884-1886 годах на Яну и на острова Ближний, Котельный и Ново-Сибирские. Этим экспедициям мы обязаны исправлением карты дельты Лены, устья Оленька, совершенно новыми сведениями об островах Котельном и Фадеева, а также некоторыми поправками в области реки Дулгулаха.

Результаты прекрасно выполненного новейшего путешествия барона Толя и лейтенанта Шилейко с Ново-Сибирских островов через Анабар на Хатангу в 1893 году пока ещё не опубликованы, а потому не могут быть рассмотрены здесь подробнее.

В полном перечислении работ и путешествий относящихся к делу нашего теперешнего познания Якутской области, нельзя пройти молчанием экспедицию «Веги» под начальством барона фон-Норденшельда. Это важно не столько из-за пользы, которую принесла она в географическом отношении Якутской области, сколько из-за вреда, который она наверно причинила бы, если бы за ней не следовала по пятам и не внесла бы в её работы крайне необходимые поправки экспедиция потерпевшей крушение «Жанетты».

В самом деле, Якутская область, или специально побережье Ледовитого океана, ровно ничего не выиграло от составившей эпоху экспедиции «Веги» в отношении географического определения мест. Оба пункта, которые она определила, — один близ Рыр-Кайпия, а другой на месте зимней стоянки «Веги» во время её недобровольного пребывания на побережье Чукотской Земли — ничего нового не принесли, а только подтвердили прекрасные съёмки Врангеля.

Зато экспедиция Норденшельда сделала всё, что было в её силах, чтобы воскресить старинную сказку, которую можно было считать, наконец, окончательно забытою. Я разумею тут древнее сказание о земле на севере, обитаемой всевозможными дикими бородатыми племенами и т.д., т.е. все старые выдумки, выяснению которых Врангель пожертвовал четыре года полных опасностей поездок по льду Ледовитого океана.

Ввиду того, что в общем эти древние рассказы не всем известны, барон же Норденшельд во всём, где он касается Сибири и сибирских дел, был по меньшей мере недостаточно осведомлён, я считаю не бесполезным несколько вернуться к давно прошедшему.

Общеизвестным фактом является то обстоятельство, что в инструкции, полученной Биллингсом во время его путешествия, находится пункт, приглашавший его поискать землю, обитаемую бородатыми людьми; эту землю будто бы видел сержант Андреев, но не посетил потому, что вернулся, испугавшись следов громадного количества оле-

ных санок. И так, самый факт такого поручения Биллингсу общеизвестен, но не всем, может быть, ясно, как могли дать ему подобное предписание: для этого необходимо знание местной сибирской истории, не представляющей общего достояния.

Прежде всего необходимо указать на то, что, хотя в инструкции Биллингса и сказано, чтобы он искал обитаемую *бородатыми* людьми землю, но что в древне-сибирских летописях под словом *бородатый* человек всегда подразумевается русский в виде противоположения постоянно лишённым бороды азиатским племенам. Но почему же подозревали на крайнем севере существование русских, если хорошо было известно, что туда никогда не отправлялись ни казаки, ни промышленники?

И это имеет своё основание в циркулирующей с 1660 года легенде о пресловутой поездке отправившегося из Колымска казака Дежнёва, первого мореплавателя, который обогнул мыс Пээк, прошёл пролив, впоследствии названный Беринговым, и достиг Великого океана. Этот человек вышел из Колымы на шести судах, а пристал к берегу в Камчатке, много южнее устья Анадыря, только на одном из них; в конце концов он достиг верхнего течения названной реки после того, как перенёс много несчастий и преодолел всевозможные затруднения. Он оставил крайне неясный отчёт, из которого, собственно говоря, явствует лишь то, что в области мыса Пээк была битва с чукчами; при этом он попутно упоминает уже только о трёх судах; но и эти были разбросаны бурей, так что в конце концов Дежнёв, как уже сказано, сообщает о судьбе экипажа только одного из них.

Но где же остались люди, плывшие на других кочах? Что с ними случилось? Куда они отправились и где поселились? Вот вопросы, которые связываются с этим, как и со всяким другим исчезновением, и которыми долгое время живо интересовались жители северо-востока. Однажды возник слух, что в южной Камчатке нашли бородатых людей, которые, по-видимому, были потомками тех промышленников; затем говорилось, что их видали в Америке; наконец прошла молва, что их встретили к северу от Колымска, молва, которая в свою очередь была связана с господствовавшим в старинные времена предположением, будто на севере американский континент далеко заходит к западу за азиатский.

Под впечатлением подобных, живших среди обитателей крайнего севера легенд, сержант Андреев увидал с мыса Крестовского, к северу от устья реки Большой Чукочьей, на горизонте землю и отправился туда по льду. Этим путём он открыл, конечно, первый из Медвежьих островов, потому что каждый, кто взглянет на карту, легко убедится, что на всём побережья Ледовитого океана нет другой земли, которую можно было бы видеть с континента невооружённым глазом. Да и для этого нужно иметь очень хорошее зрение: я, по крайней мере, как ни напрягал глаз, ничего не мог рассмотреть с мыса, но для моих проводников, русских из Русского Устья, это оказалось вполне возможным. С первого острова он открыл и другие той же группы, а затем вернулся обратно. В своём отчёте он рассказывает длинную историю, всецело относящуюся к области выдумок, но имевшую тем не менее интересные последствия. С последнего, т.е. самого восточного из островов, видит Андреев землю и решает исследовать её; он отправляется в том направлении, но скоро наталкивается на массу следов от оленьих санок, получает убеждение, что земля сильно заселена и, в виду небольшого числа своих спутников, начинает трусить и возвращается обратно. Пока рассказывается, таким образом, только о какой-то земле и о следах нарт, а о людях, именно о бородатых, т.е. о русских ещё и помину нет.

На основании этого отчёта трое геодезистов получают поручение сделать съёмку открытой Андреевым земли, а с неё отправиться на розыски предполагаемой. Исполнив первое поручение так хорошо, что Врангель впоследствии мог опереться на их съёмку, люди эти пускаются по указанному Андреевым направлению с целью разыскать наметенную землю, которой сами они, однако, рассмотреть не могли. Верные своему долгу ехали они всё дальше и дальше, пока не наткнулись на льдину, через которую никак не могли найти перехода; не видя перед собою на горизонте ни малейших следов суши, они вернулись обратно и, приехав домой, донесли, что там земли не оказалось.

Всё, что тут рассказано, со временем дошло и до Петербурга, но, конечно, в прикрашенном виде и с легендой о бородатых людях, потомках тех несчастных, которые отправились с целью открытий в плавание под начальством Дежнёва. Только одно известие не дошло до столицы и осталось в Иркутске, именно крайне важный документ, впоследствии

открытый и опубликованный господином Луи фон-Гельмерсеном. Впрочем, возможно, что и он был туда отослан, но где-либо затерялся.

Дело в том, что полковник Пленизнер не удовлетворялся донесением геодезистов и хотел допытаться, солгали они или нет. Ввиду того, что эти спокойные и рассудительные люди оставались при своём и повторяли ими уже заявленное, стали допрашивать, конечно не сержанта Андреева, а его спутников и проводников. При этом очень скоро выяснилось, что и последние ничего не знали о далёкой земле, будто бы видимой на горизонте, а также и о следах оленьих нарт на льду. Они могли сообщить только о поездке на теперешние Медвежьи острова и прибавить, что остальные рассказы Андреева являются чистым вымыслом. При этом они и остались. Достиг ли этот документ Петербурга и был там, во время составления инструкции Биллингсу, где-нибудь заложен или о нём более никто не знал, но как бы то ни было — мы находим упомянутый выше пункт в инструкции путешественника. Так как Биллингс не мог исполнить этого поручения, то оно было возложено в 1820 году на Врангеля. И действительно, последний старался выполнить свою инструкцию так добросовестно, что в настоящее время нам становится едва понятным, как можно было тратить столько сил и самопожертвования на такую очевидную бессмыслицу.

Чтобы правильно оценить поступки Врангеля, не мешает принять в соображение, что обо всём сказанном он знал только то, что было в его инструкции. Старые архивы были в то время совершенно неисследованы, а потому Врангель должен был допускать существование на севере земли, до которой возможно было добраться с континента на нартах. Только при таком предположении становится понятным, что человек в течение четырёх зим подряд решается предпринимать поездки по льду, которые не только крайне изнуряли людей и животных, но и являлись прямо-таки поездками на погибель, так как путешественники постоянно добирались до самой границы более или менее сплошного льда. При этих обстоятельствах случалось, что время от времени лёд с находящимися как раз на нём нартами и людьми разламывался бурей и уносился прочь; только благодаря счастливой случайности волна выкидывала такую льдину опять на край сплошного льда, а не будь этого — все исследования могли бы очутиться на дне морском. Когда я в 1866 году посетил те места, жило ещё много людей, хорошо

помнивших Врангеля; они считали его как-бы помешанным на идеи во что бы то ни стало разыскать на севере землю, где и по их мнению, очевидно, никакой суши не было. Как тут, так и в Иркутске, и в Якутске, либо вовсе забыли о древнем предании или считали его тем, чем оно являлось в действительности, — прекрасным способом скоротать долгие зимние вечера, но и только. Врангель же добросовестно делал со своей стороны всё, чтобы выполнить инструкцию и имел на то сравнительно очень большие средства, но в конце концов и он должен был сознаться, что если на севере есть суша, то с одной стороны её нельзя видеть с Медвежьих островов, а с другой — нет возможности добраться до неё с континента на нартах; только какая-нибудь исключительная зима могла создать для этого необыкновенно счастливые условия и прийти на помощь исследователю.

Все мы, посещавшие те места, могли только вполне соглашаться с таким взглядом, но нам приходилось сожалеть, что совершенно даром потрачено столько труда на такие пустяки. Врангель, однако, не виноват в том: он обязан был исполнять возложенные на него поручения.

Несмотря на всё сказанное, профессор А. фон-Норденшельд не пожелал верить этому; ему захотелось выставить старого лгуна и хвастуна Андреева за непризнанного исследователя и отдать преимущество единичной, обставленной сомнительными средствами поездке совершенно неизвестного человека перед неустанными, прекрасно обставленными и длившимися четыре года исследованиями Врангеля.

Впрочем, академик Ф. Шмидт высказался уже подробно на эту тему в своих «Einige Bemerkungen zu Prof. A. v. Nordenskjöld's Reisewerk: «Die Umsegelung Asien's und Europa's auf Vega 1878-1880»¹. Шмидт, между прочим, указывает, что Норденшельд, получив от него заметку Л. фон-Гельмерсена, ответил автору статьи в «Beiträge», что в настоящее время *открытие большой земли Андреевым к северу от Медвежьих островов он считает уже неправдоподобным.*

Таким образом, мы можем отказаться от дальнейшего рассуждения по поводу занимающего нас вопроса, но должны всё же указать на то, что Норденшельд, отвечая на статью Шмидта, в журнале «Ymer» за 1885

¹ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, II Folge, Band VI, pp. 317-367.

год¹, вовсе не упоминает о главном пункте возражения — о сказочной Земле Андреева; между тем, это было необходимо потому, что Земля Андреева фигурирует на карте, приложенной к «Путешествию Веги», не говоря уже о том, что можно было бы ожидать и печатного подтверждения высказанного Шмидту в письме взгляда.

Предлагаемая мною карта Якутской области составлена, как уже сказано в начале этой записки, на основании карты Генерального Штаба, изданной в 1884 году; при этом был критически пересмотрен весь вышеприведённый материал и мне предстоит теперь объяснить, отчего моя карта во многом отличается от своего оригинала.

Прежде всего я должен указать на то, что орографию Якутской области я старался представить совершенно иначе, чем это сделано на карте Генерального Штаба. Само собою разумеется, что правильное представление о горных цепях и о плоскогорьях получить много труднее, чем о системах рек; от проводников в первом случае почти не получаешь поддержки, а хорошо выяснить себе орографическую картину страны необыкновенно трудно без значительной затраты на то времени; последнее доступно только исследователю, задавшемуся специальной целью. Ясное представление об орографии местности приобретаешь лишь после сравнения и разбора различных маршрутов.

Поэтому составители карты Генерального Штаба нашли для себя более удобным нанести сначала сеть речных систем, а затем уже просто нарисовать в неё горы. Такой метод основан, конечно, на том несомненном факте, что вода течёт с гор, а потому истоки речных систем должны лежать выше, чем нижние их течения и устья. Для столь мало исследованной области, как Якутская, он был бы пригоден, если бы этим совершенно не сглаживался преобладающий в стране характер высоких плато. Мы имеем в настоящее время уже слишком много данных, доказывающих широкое распространение тут уступообразно расположенных плоскогорий, чтобы могли игнорировать это обстоятельство и отказаться от более точного обозначения орографии, как преждевременного. Так, например, нам известно, что к западу от Лены нет хребта, соответствующего Верхоянскому, который доходит до Лены, начинаясь от Оймяконского нагорья; водораздел же тут, между Вилюем

¹ В статье «Bemötande af anmärkningar som riktats mot min skildring af Vega's färd kring Asien och Europa».

и Оленьком, образуется обширным плато, которое далеко распространяется на север по нижнему, почти параллельно Вилюю идущему, течению Оленька и ещё в области тайги достигает абсолютной высоты 900-1000 футов. Мы знаем, что Верхоянский хребет круто обрывается к югу, но очень постепенно спускается к северу, переходя в плоскогорье только на широте, приблизительно соответствующей Верхоянску. Таких примеров можно было бы привести массу, и все они доказывают, что в Якутской области мы часто имеем дело не с резко выраженными и быстро спадающими в низменности хребтами, а с плато-образными поднятиями земной коры. Вследствие этого, по моему убеждению, нельзя при составлении карты этой области ограничить всю научную работу исключительно проверкой сети речных систем по имеющемуся в наличии материалу, а затем передать карту «художнику», который заполнил бы её горами, имея в виду главным образом одну цель — придать ей, в общем, приличную наружность. На моей карте, во избежание сказанного я по возможности старался представить орографию в таком виде, который соответствовал бы нашим теперешним познаниям. Да и картографическое заведение Ильина прилагало, по-видимому, со своей стороны все усилия к точному выполнению моего оригинала, а если, тем не менее, это удалось не вполне, то причиною последнего был опять-таки денежный вопрос, играющий в данном случае первенствующую роль. Дело в том, что к задачам Императорской Академии Наук не относится издание крупных картографических произведений и она допускает в своих трудах только пояснительные к тексту карты. Если же мне, несмотря на сказанное, и в виду сравнительно малого нашего знакомства с этой частью Сибири, было разрешено выработать подробную карту Якутской области, то на мне лежала обязанность по возможности сократить расходы по её изданию. Это и было достигнуто путём значительного сокращения числа шатировок. Для показания высот я принял в своём оригинале восемь различных красок, но ввиду заявления господина Ильина, что такое число тонов сильно удорожит издание, решил ограничиться всего четырьмя. Благодаря этому, в общем удалось сохранить на карте присущий стране характер высоких плоскогорий, но относительная высота различных местностей выразилась не вполне удовлетворительно. Так, например, явственно выступает, что местность

между Вилюем и верхним течением Оленька носит несомненно характер высокого плоскогорья, но вместе с тем кажется, что местность от широты истоков Тюна приблизительно до Вилюя имеет одну и ту же высоту; между тем в действительности это не так: истоки те лежат на высоте более чем 1500 футов над поверхностью моря, долина же Вилюя имеет всего около нескольких сот футов абсолютной высоты. Точно также нельзя было изобразить, что местность между Леной и Вилюем поката от первой реки к последней и что, следовательно, крутые берега по левую сторону Лены должны быть значительно выше, чем возвышенности на правом берегу Вилюя; что долины местности между Леной, Витимом и Чарой — т.е. собственно золотомойный округ — лежит очень высоко над поверхностью моря. Одним словом, при всём старании, многого не было возможности выразить с достаточной точностью.

Несмотря на все очевидные недостатки моей карты, нужно, впрочем, заметить, что вред от них происходящий сильно уменьшается недостаточностью наших, в этом отношении, познаний, т.е. что неточному изображению соответствует и незначительное число данных. Ни один мало-мальски опытный в наблюдениях над окружающей природой человек не усомнится в том, что, проходя от Вилюя к Оленьку, он идёт по высокому нагорью, но как оно высоко — никто не скажет, потому что постепенно возвышающаяся местность не даёт непосредственного впечатления нарастания своей абсолютной высоты. В данном случае могут помочь только измерения, а такого материала в настоящее время у нас ещё очень и очень немного.

При подобных обстоятельствах мы должны считать большою заслугою князя Кропоткина то, что в своём сочинении он сделал опыт сводки всех пунктов Восточной Сибири, высота которых определена. В этих гипсометрических таблицах приведены, по-видимому, все известные в то время данные относительно возвышения поверхности Якутской области. Если посмотреть на эти длинные столбцы цифр, то можно, пожалуй, с первого взгляда подумать, что мы владеем вполне достаточным материалом. На самом деле это далеко не так: все эти цифры основаны на простых барометрических измерениях путешественников, которые к тому же часто делались по одному разу; иными словами, в данном случае мы имеем дело с простыми метеорологическими наблюдениями во время путешествий, которые тут только вычислены гипсометрически.

Если подобных наблюдений много и сделаны они в самых различных пунктах, то, конечно, их вполне достаточно для того, чтобы искоренить, наконец, встречающееся ещё в кое-каких сочинениях учение об общесибирской низменности и установить, что в Западной Сибири преобладают действительно низменные пространства, но что Восточная, наоборот, является горною страной, лежащею на значительной абсолютной высоте. Всё это, как уже сказано, можно с достаточной точностью вывести из наблюдавшихся в самых разнообразных пунктах, хотя бы даже единичных, показаний барометра, но не более. Взгляд же Кропоткина, что подобные наблюдения, в виду будто бы крайне незначительных ошибок при вычислении в зависимости от колебаний барометра, дают право делать заключения об абсолютной высоте места, не выдерживает, по моему мнению, никакой критики. Что колебания ртутного столба могут быть очень значительны и поняты только путём повторных и корреспондирующих наблюдений, видно уже из тех немногих наблюдений, которые я сделал во время моего путешествия. Из них следует, что я наблюдал барометр у озера Абый только с 26 сентября по 14 октября, и что в течение этого, сравнительно короткого, промежутка времени было констатировано колебание, которое выразилось падением с 603,8 английских полулиний¹ 30.IX.1870 г. (старого стиля) на 587,3 английских полулиний 4.X, и затем барометр уже вовсе не достиг первоначальной высоты, а только приблизился к ней 12.X, показывая 603,05 английских полулиний. Таким образом, мы наблюдаем тут в самое короткое время изменение в давлении воздуха, соответствующее амплитуде колебания барометра в 16,5 английских полулиний, да к тому же ещё в общем при почти одинаковой погоде с очень слабым ветром, при слабо облачном небе и только с кое-когда падавшим незначительным снегом. Какое же значение имеют после того разрозненные наблюдения во время путешествия, часто допускающего всего единичное считывание с инструмента, да помимо того ещё в стране, поверхность которой, носит преимущественно характер плоскогорий? Впрочем, уже в самих таблицах мы находим прямые доказательства до чего можно дойти, пользуясь подобным материалом. Так, например, на стр. 657 приведена абсолютная высота уровня реки Шилки, которая имеет от Нерчинска до Стретенска довольно сильное течение; тем не менее

¹ 1 англ. полулиния = 1.27 мм. – прим. OCR.

высота её над поверхностью моря у станции Бянкино, т.е. 30 вёрст ниже города Нерчинска, показана в 1449 футов, а у Стретенска, лежащего около 60 вёрст *ниже* Бянкино, равна по той же таблице 1450 футам. Ещё больший абсурд мы находим, если сравним абсолютную высоту Алдана у впадения Долгуки, на дороге от Якутска к Удскому Острогу, определённую на стр. 666 в 316 английских футов, с возвышением той же реки над уровнем моря, но только много ниже — у Усть-Майска; последняя, судя по стр. 673, будто бы равна 490 футам, т.е. оказывается, что река текла положительно в гору. В таблице, правда, приведён не уровень реки, а деревня Усть-Майск, но дело в том, что деревня эта лежит у самого берега и возвышается лишь на несколько футов над поверхностью воды в реке. Мы располагаем ещё одним определением высоты Алдана: у Алданского Перевоза, ниже Усть-Майска, Эрман вычислил её в 422 фута; эта цифра очень близка к цифре, приведённой для Усть-Майска, но именно потому она противоречит высоте, данной в таблице Кропоткина для места переправы на дороге в Удский Острог.

Таким образом, следует относиться с крайней осторожностью к полученным подобным путём определения высот, и тем более, что не всегда имеешь возможность составить себе ясное представление об их неточности по данным относительно течения рек. Тем не менее такой труд всегда нужно считать за очень благодарный, потому что и по этим определениям есть возможность с приблизительной точностью ориентироваться относительно преобладания в стране плоскогорий. Если во время путешествия постоянно отмечать высоту барометра на всяком привале, то, несомненно, можно получить представление об относительном повышении и понижении поверхности, хотя абсолютная высота пунктов этим ещё не определяется. Для только что указанной цели я не задумывался пользоваться таблицею Кропоткина и не думаю, чтобы через это я пришёл к неправильным выводам.

Из этих таблиц можно видеть, что уровень воды в Лене у станции Шубинской, — т.е. там, где река вступает в пределы Якутской области, — находится на высоте 486 английских футов над поверхностью моря, что этот уровень лежит ещё на высоте 296 футов у Якутска, т.е. после того, как река протекла 1000 вёрст, и что только после 2000 вёрст дальнейшего течения достигает она моря. Но эти данные относятся исключи-

тельно до уровня воды, да ещё до очень узкой, большею частью, береговой полосы, или долины реки собственно. Но едущий по названной реке путешественник повсюду убеждается, что по обе стороны этой долины поднимаются высокие горы, провожающие его до самой дельты. То же самое встречаешь, когда путешествуешь и по Вилюю: тут тоже тянутся то приближающиеся к берегу, то удаляющиеся от него горы, которые повсюду оставляют сравнительно лишь узкую береговую полосу. Между Олёкминском и Якутском, на левом берегу Лены нужно подняться на двести или триста футов прежде, чем взберёшься на провожающее берег нагорье и, только сделав это, видишь перед собою ровную местность. То же самое наблюдаешь на левом берегу выше Олёкминска и ниже Якутска — до самой дельты, где суша спускается к образуемым рекою островам крутыми обрывами. Не такую высокою стеной подходит плоскогорье к самой реке выше устья Алдана, а ниже Якутска и вокруг него замечается вдоль реки даже очень обширная низменность. До левого берега Татты местность поднята едва на сотню футов над поверхностью воды в реке, и только на правой стороне Татты высота над уровнем моря достигает 600 футов. Зато повышение поверхности по эту сторону великой реки тянется непрерывно и достигает высшей своей точки только на гребне Станового хребта, чтобы затем спуститься довольно круто к морю. Заимствованные у Кропоткина и приведённые тут данные о высотах, как по дороге от Якутска в Охотск, так и на пути от Якутска в Удский острог, очень наглядно рисуют это повышение и понижение поверхности.

Если теперь внимательно рассмотреть лежащую к югу от Верхоянского хребта часть области и начать с южной её границы, то можно заметить, что восточный конец этой границы образован хребтом, средняя высота гребня которого едва превосходит 3000 футов, и который так постепенно спускается как к северу, так и к югу, что страна делает впечатление плоскогорья. Это — Яблоновый хребет, который начинается на юге Забайкалья подымающимся до высоты 8000 футов Сохондо, идёт в WSW-ONO направлении и оканчивается у истоков реки Уда, впадающего в Охотское море. Южная часть этого горного подъёма положительно выше, чем северная, которая, начинаясь 3770 футами от места, где его пересекает тракт от Байкала к Амуру, вряд ли становится выше в восточной части своего простиранья. Тот же характер плоскогорья,

который Яблоновый хребет сообщает южному Забайкалью, сохраняет он и в северо-восточной своей части; действительно, от всех переходивших его гребень путешественников мы узнаём, что последний совершенно плоский и притом до такой степени, что часто совершенно забываешь о водоразделе и замечаешь последний только благодаря изменению в падении рек. В некоторых местах, правда, из гребня выдаются более значительные вершины, которые в этих случаях носят особые местные названия. Так, например, в области истоков реки Конама довольно значительный хребет называется Джугджуром или Улу-Сисом, а отдельные его вершины Туптúром, Атычáном, Эвáтой и Урпáлой. Но и тут страна не теряет характера плоскогорья, потому что к северу от Урпалы находится обширная, окружённая с северо-востока и с юга горными вершинами область озёр, так называемые озёра Токарикан, которые питают текущие в совершенно противоположных направлениях притоки Алдана — Конáм и Темтьен.

Но подобные выступы гребня Яблонового хребта составляют не правило, а исключение, в общем же он носит характер плоского гребня и в этом отношении сильно отличается от Станового хребта, который, начинаясь от истоков реки Уда и Половинной, простирается до Оймяконского нагорья и имеет очень резко выраженный гребень.

Для предупреждения недоразумений, необходимо тут же точно пояснить, что я подразумеваю под именем Станового, и что под названием Яблонового хребтов; в употреблении этих имён нет ещё единогласия, на картах же, наоборот, существует в этом отношении большая путаница.

На карте С.-Петербургского Генерального Штаба водораздел между притоками Амура и Алдана назван Джугджуром, а для хребта, начинающегося от истоков Уды и Половинной, и идущего до мыса Пээк у Берингова пролива, принято название Станового или Яблонового хребта. Это не имеет никакого смысла, потому что якутское или тунгусское слово «джугджур» обозначает просто крутой горный гребень. Поэтому туземные племена прилагают это название с одной стороны к Яблоновому хребту у истоков Конама, где, как уже сказано выше, главный гребень хребта образует отдельные крутые горные вершины, а с другой — к тем частям Станового хребта, где его гребень особенно резко выдаётся, как, например, у перевалов к Аяну и к Удскому острогу. Таким образом, это

название не применимо в качестве отличительного, а для всего Станового хребта оно тоже никогда не употреблялось. Шварц называет на своей карте Становым хребтом ту же горную цепь, которую и я обозначаю этим именем; но для южного водораздела на его карте вовсе нет названия. Подробнее занялся вопросом о наименовании этих хребтов Миддендорф в своём «Сибирском путешествии» и предложил разбить Становой хребет на ряд отдельных горных систем и приурочить к последним названия главных рек, берущих с них своё начало. Так, для западной части Яблонового хребта он предлагает название Олёкминского хребта, для восточной — Зейского, а для Станового хребта — Алданского. Конечно, это предложение не встретило бы никакого возражения, если бы дело касалось ещё неназванных горных хребтов; но в данном случае речь идёт о таких, которые у местных жителей носят повсюду постоянные и вполне определённые названия. При таких обстоятельствах, новые наименования вносят только недоразумения, а потому гораздо лучше их избегать. Во всём Забайкалье хребет, начинающийся от Сохондо и оканчивающийся у истоков Уды и Половинной, называют Яблоным (а не Яблоновым), имя же Становой хребет там вовсе неизвестно. Точно также во всей Якутской области горный подъём, идущий от истоков реки Уда приблизительно до верховьев Колымы, обозначают Становым хребтом, и лишь в виде исключения перевалы к Аяну или Удскому Острогу именуются Джугджуром. Таким образом, у местных жителей существуют для каждого из двух хребтов строго определённые названия, а потому трудно понять, для чего тут вводить новые наименования даже в том случае, если уже имеющиеся относятся к очень длинным горным подъёмам. Помимо того, названия — Олёкминский хребет и Зейский хребет были бы вовсе не понятны в Забайкалье, так как большинство тамошних жителей вовсе не знает о существовании таких рек. Имена эти удержались бы только у читающей публики, а она столь же успешно может обходиться названиями — западный и восточный Яблоновый хребет, и тем более, что они столь же instructивны, как и предложенные Миддендорфом. Дело обстояло бы, конечно, иначе, если бы номенклатура Миддендорфа получила уже право гражданства, но что этого нет, доказывает карта Шварца, а ещё более карта С.-Петербургского Генерального Штаба, который дал ввести себя

в заблуждение, перепечатав бессмыслицу карты Иркутского Штаба 1861 года, где названия перемешаны как попало.

Если мы удержим самые употребительные на месте имена, то будем иметь ещё ту выгоду, что различим два, хотя и тесно связанные, но резко отличающиеся по своему характеру хребта. Действительно, Яблоновый хребет представляет из себя ни что иное, как наивысшее поднятие далеко распространяющегося к северу и к югу нагорья, а Становой — является очень круто спадающим к морю окрайным хребтом.

С целью рельефнее выразить постепенное возвышение Яблонового хребта, я привожу тут несколько определений высот (из отчёта Кропоткина), сделанных Усольцевым и Шварцем. Первый шёл от Горбицы на Шилке к Чаре (приток Олёкмы, впадающей в Лену), а последний из области реки Зеи в таковую же Конама (приток Алдана).

Горбица (долина Шилки)	1230 футов.
Амазаркан (Амазар, Амур)	2020 »
Исток Амазаркана	2870 »
Золотой прииск на Бугарихте (Бухта, Тунгир, Олёкма)	3090 »
Место впадения Бухты в Тунгир	1810 »
Олёкма у озера Углу	1840 »

Определений высоты самого водораздела тут, к сожалению, не делалось, но его и трудно установить, так как водораздел плоский, болотистый и положительно походит на обширную равнину. Цифры ещё лучше выразили бы почти одинаковое возвышение местности над поверхностью моря по обе стороны водораздела, если бы пункты находились на равном расстоянии от гребня. Золотомойня на Бухте удалена от высшей линии поднятия поверхности приблизительно настолько же, насколько и истоки Амазаркана, но долина Амазаркана ближе к ней, чем место впадения Бухты в Тунгир. С другой стороны, крайне характерно, что долина большего, параллельно текущего притока Олёкмы, Тунгира, расположена почти на той же абсолютной высоте, как и сама главная река.

Место впадения Кудули в Гилую (Зея)	1930 футов.
Водораздел	3230 »
Истоки Конама (Учур, Алдан)	2450 »

Тут тоже, — устье Кудули значительно дальше от водораздела, чем истоки Конама; но тем не менее плоский характер водораздела выступает явственно.

От западной части Яблонового хребта, поскольку он образует границу Якутской области, отходят пять второстепенных хребтов: четыре в меридиональном направлении, прямо на север, а пятый в северо-западном. Первые четыре, подобно главному, представляют плоские кряжи, разделяющие собою долины Гиньма, Темптеня, верхнего течения Алдана, Олёкмы и Чары друг от друга. Пятый же отрог, имеющий северо-западное простирание и идущий по правому берегу Витима, во многих отношениях отличается как от остальных, так и от главного хребта. Он не только значительно выше и не только имеет более резкие очертания, но и образует, разветвляясь между Витимом, Леной и Чарой, довольно обширную горную страну.

То обстоятельство, что три первые из указанных хребтов имеют плоский гребень, удостоверяется не только часто бродящими там тунгусами, но и подтверждается маршрутами Карликова и Крутикова. Первый из них шёл по восточную сторону Темптеня до Алдана и, подвигаясь по водоразделу, часто и попеременно касался областей, сначала Темптеня, а затем Конама и Гиньма. Крутиков же пришёл из области верхнего течения Олёкмы в таковую же верхнего Алдана, а отсюда снова вернулся на Олёкму и пошёл вдоль левого берега этой реки до её устья. Но в общем хребты эти мало известны, потому что страны те посещаются только тунгусами. Самый западный из хребтов исследован в своей начальной части только Усольцевым, который, как уже сказано, прошёл от Горбицы до верхнего течения Чары. В области рек Калакана и Калара, притоков Витима, он встретил очень дикую горную страну, как и следует из сделанных им и приводимых нами тут определений высот.

Долина Олёкмы у озера Углу	1840
Долина Моклы (Олёкма) у впадения Безымянной	2160
Южная подошва водораздела между Моклой и Калаканом	2370
Сам водораздел	4430
Северная подошва водораздела между Моклой и Калаканом	3810
Долина Калакана у впадения Одонгрó	3750
Долина Калакана у впадения Катугинета	3180
Среднее течение Катугинета	3470

Исток Катугинета	4910
Водораздел между Каларом и Невоном (Чара)	5580
Озеро Омун-дачи близ водораздела	4490
Озеро Андылах в долине верхней Чары	2340

Эти измерения в достаточной мере подтверждаются как маршрутами Усольцева, так и расспросными сведениями, собранными мною о горной стране Калара у живущих на Чаре якутов. Чара, делающая в окрестностях озера Андылаха резкий поворот на север, в своём верхнем течении глубоко врезывается в хребет, идущий от Яблонового до Лены. В северо-западном направлении страна снова поднимается и образует указанную уже нами выше горную страну между Витимом, Леной и Чарой. Наибольшая высота сильно ветвящихся тут горных хребтов проходит близ Витима, а потому к западу от Сыльби в последний впадают только незначительные горные ручьи, Чара же принимает в себя широко раскинувшуюся речную систему. Наивысшею из до сих пор измеренных в этой горной стране точек является гора Тепторго, имеющая 5700 футов; её дугообразно окружает Большой Патом, и трудно предположить, чтобы другие горные вершины были выше её. Из этого можно заключить, что горная страна Калара представляет собою наивысшую часть западного хребта: горный перевал между Чарой и Каларом почти достигает высоты горы Тепторго, высочайшие же вершины этой местности, сильно, как говорят, превосходящие высоту гребня, пока ещё неизвестны.

Если же Тепторго есть наивысшая вершина горной страны между Витимом, Леной и Чарой, то многие другие, несомненно, к ней приближаются, потому что вся местность производит сильное впечатление многовершинной альпийской страны. Когда я взбирался по левому берегу Чары и проходил мимо озера Ничатки, то с правой стороны на горизонте видел ряд высоких, покрытых снегом вершин; по словам моих проводников, они начинают чернеть во второй половине июля месяца, но уже в августе опять покрыты свежим снегом. Как водоразделы впадающих слева в Чару речек, так и горы, окружающие Ничатку, были доверху покрыты лесом, но далее, когда мы перешли с Бурхая, впадающего в Ничатку, на левый приток верхнего течения Чары — Абзад, картина изменилась. Водораздел представлял широкую седловину, в которой лежали рядом два малых озера; из них в одну сторону тёк Бурхай, а

в другую — Абзад. В конце июня тут всё ещё было покрыто слоем снега в 3½ фута толщиной, и высоты, со всех сторон окружавшие эту седловину, щеголяли своим совершенно нетронутым снежным покровом. Леса не было видно; на некоторых же более возвышенных и лишённых снега местах виднелись лишь корявые экземпляры *Betula nana* и *Pinus cembra pumila*, да цвёл *Trollius*. Но *Rhododendron* я не мог найти, хотя и не могу утверждать, что он отсутствовал под очень толстым слоем снега. Один якут, проходивший тут около 10 июля, нашёл седловину, конечно, уже очистившуюся от снега, но горы всё ещё были сильно им засыпаны. Дны долин большей части рек имеют тоже довольно значительную абсолютную высоту; они расположены над уровнем моря много выше, чем можно предположить по тону карты; к тому же они очень узки, да и вся страна производит довольно сильное впечатление дикости и негостеприимности. В виду того, что тут расположен Олёкмо-Витимский золотой округ, местность эта довольно сильно заселена, но всё же она в высшей степени сурова и непригодна ни для земледелия, ни для скотоводства, так как в узких долинах нет места для покосов и полей. Единственное исключение составляет верхнее течение Чары. Здесь река течёт в усеянной многочисленными озёрами и имеющей до двадцати и более вёрст ширины долине, в которой с пятидесятих годов поселились несколько якутов Олёкминского округа.

Пока мы говорили о западной части Яблонового хребта и его отрогах и нашли, что она лучеобразно распространяется на север и северо-запад. Совершенно иную картину представляет собою северный склон восточной части этого хребта. Он носит совершенно тот же характер, как северный склон Станового хребта, так что, приближаясь к нему со стороны Якутска, нельзя заметить разницы между обоими хребтами; зато с южной стороны она резко бросается в глаза. Дело в том, что от истоков Конама и Гинымы до истоков Охоты высокий гребень обоих хребтов по направлению к северу и северо-западу спадает к долине не просто, а в виде целого ряда уступов или террас, которые, становясь всё ниже и ниже, в конце концов граничат с течением Лены и нижнего Алдана. Число этих террас пять, а в юго-западной части даже шесть; их легко отличить по рекам, которые по ним протекают. Первый уступ образуется долинами Конама, среднего течения Учура, Чугликана (в Маймакан, в Маю) и верхнего течения Май. Второй — долинами Гинымы, Большого и

Малого Аима, частью среднего течения Май и Юдомы. На третьей террасе течёт Средний Алдан и Аллах-Юнь; на четвёртой — Амга, на пятой Ботома; за шестой же уступ нужно принять долину Лены.

Весь этот участок от Лены и самого нижнего течения Алдана вплоть до гребня Станового хребта представляет собою страну террас, и главное, такого правильного образования, какое вряд ли ещё где-либо встречается, по крайней мере, в подобном же обширном масштабе. Каждая из террас имеет по одной или несколько ей принадлежащих рек, и воды всех их сносятся через посредство нижнего течения Учюра, Средней и Нижней Май и нижнего Алдана с террасы на террасу и наконец в главный резервуар — в Лену (выносящую их в море) с такою правильностью, будто дренаж этот проложил сам человек. Указанным уступам соответствует такое же число параллельных хребтов, северо-западный склон которых всегда выше, чем юго-восточный, и которые придают всей стране дикий и неприступный характер. Между Леной и Амгой хребты эти ещё очень плоски и гребень их широк, так что они почти ещё не производят впечатления гор. Уже круче становится Амгинский хребет, проходящий между Амгой и Маей, но ближе к первой. С правого же берега Май вступаешь в настоящую горную область, и несмотря на то, что все возвышенности ещё покрыты лесом, число больших и малых горных цепей уже очень значительно и оправдывает мнение якутов, будто после сотворения и окончательного устройства земли у Творца Вселенной остался громадный мешок с камнями, которым Он не мог найти применения в другом месте. Якуты убеждены, что Он высыпал их на Становом хребте, почему тут и произошёл бесконечный лабиринт гор. Но стоит только бросить взгляд на карту, чтобы тотчас понять, что выше переименованные пять террас представляют собою лишь главнейшие подразделения страны. На самом же деле в промежутках между этими главными уступами нет недостатка в более мелких соединительных звеньях; но последние локализованы в своём развитии и строго подчинены главному направлению склона всей местности. Так, например, между верхним течением Конама и гребнем хребта лежит ещё одна терраса, по которой протекают Утам, Алгома и Юдым. Точно также академик фон-Миддендорф встретил на пути от Якутска в Удский Острог между Алданом и Учуром не две, а шесть террас, разделённых пятью почти параллельными, но, конечно, большою частью более низкими

хребтами. Считая с NW к SO хребтики эти носят следующие названия: Ытт-Отук, Олега-Ытабыт, Дыкды-Хая, Аппатын-Хая и Кёт-Кат. Но карта доказывает нам, что эти возвышения поверхности суть ничто иное, как местные водоразделы, за исключением, впрочем, Олега-Ытабыта и высокого крутого Кёт-Ката. Что эти два последние хребта соответствуют первой и второй из главных террас, поясняют реки, течение которых хребты сопровождают.

К сожалению, мы знакомы пока ещё несколько точнее только с течением рек этой обширной страны террас, хребты же и возвышение их над уровнем моря вовсе ещё не исследованы. До настоящего времени лишь два научно образованных человека делали тут определения высот и несколько ознакомили нас с этим горным миром. Я говорю об Эрмане и Миддендорфе; оба они вышли из Якутска и перешли Становой хребет, — один по дороге в Охотск, а другой — в Удский Острог на реке Уде. При всей ошибочности и несовершенстве барометрических измерений высот во время путешествий, они всё же с известной степенью вероятности указывают нам на относительное поднятие и опускание поверхности на пройденном пути, а потому я считаю необходимым включить данные этих исследователей в приложение. Из приведённых там наблюдений, как Эрмана для северного конца Станового хребта, так и Миддендорфа для южной, переходящей в Яблоновый хребет, конечности его, ясно видно, как постепенно и уступообразно поднимается поверхность страны от долины Лены к гребню хребта. До Амги, даже до Алдана, резко преобладает тут высота сопровождающих долину Лены прибрежных обрывов. На карте эта часть горной страны представлена, к сожалению, очень плохо, и чтобы получить мало-мальски ясное представление о господствующих здесь условиях, необходимо постоянно прибегать к указанным гипсометрическим данным. От долины Лены до Татты заметно лишь весьма слабое поднятие, и только по ту сторону последней долины поверхность поднимается к Алдану сильнее, несмотря на то, что это поднятие многократно прерывается глубокой долиной Амги. Здесь нужно заметить, что абсолютная высота в 633 фута, данная для Амгинска, означает возвышение над поверхностью моря не уровня воды в реке, а высоту берегового обрыва. Если уже тут оттенок цвета на карте недостаточно выражает условия поверхности, то на двух послед-

них уступах дело становится ещё серьезнее. Кажется, как будто последнее не только не выше, но скорее ниже, чем местность по правую сторону Алдана, расположенная между этой рекой и Маей. Особенно сбивает то обстоятельство, что все долины кажутся здесь врезанными глубже, чем в действительности; из измерений же, сделанных Миддендорфом, мы видим, что они лежат на высоте тысячи и двух тысяч футов, т.е. несомненно принадлежат к высокорасположенным долинам. Начиная от истоков Уды до Охотска водораздел Станового хребта всюду обнаружится, по-видимому, резко выраженным гребнем, который везде, где он утёсист, крут и, следовательно, трудно проходим, якуты называют Джугджуром; во всех других местах водораздел носит у них наименование Джангы, которое прилагается ко всякой безлесной горной вершине. Общего для всего хребта названия у них вовсе нет, а Становой хребет — слово русское.

Юго-восточный склон хребта, совершенно обратно северо-западному, круто спадает к низменности, т.е. к морю, в непосредственной близости которого он тянется. Маршрут Эрмана с необыкновенной ясностью представляет нам это быстрое понижение: расстояние по прямой линии от самого высокого из перевалов с Хоинги (или иначе Анчакана) на Юдому, имеющего 4029 футов абсолютной высоты, до Кетанды, находящейся на 2750 футах над уровнем моря, всего сорок с небольшим вёрст, а от последнего пункта до устья Охоты приблизительно 150 вёрст. Таким образом в этом месте юго-восточный склон спускается к морю *одной* очень крутой террасой; но это не повсюду так: часто терраса разделяется в свою очередь на два или на три более низких уступа, которые тут, конечно, могут быть лишь очень узкими. Сильнее всего развиты указанные уступы на южном конце хребта, где Столовой, по данным Миддендорфа, лежит ещё на 2626 футах, а следующий затем обрыв к Чавырхану уже очень значителен, так как между Солурнаем и Чавырханом расположен лишь незначительный хребтик. Точно также Половинная от Чогара и последний от Уды отделяется, собственно говоря, лишь рядами холмов, сама же главная река течёт по низменности. Такому утёсистому и крутому спаданию Станового хребта от устья Уды до устья Охоты соответствует и скалистая, труднопроходимая берего-

вая полоса, которая развита часто так слабо, что скалы подступают к самому морю и образуют крутой берег. Вдоль побережья тут нет даже дороги, — местность слишком дика и непригодна для её проведения.

С другой стороны, отправляясь из Охотска вдоль по берегу в направлении Гижигинска, скоро замечаешь, что характер местности начинает сильно меняться. Перед хребтом раскидывается довольно обширная волнистая равнина, да и самый хребет принимает здесь иной вид. Уступов в этой части хребта уже более нет, — он склоняется к морю покато; понижение его становится значительно постепеннее, и верхняя граница его обыкновенно отсутствует, т.е. не замечаешь, где попадаешь на самый гребень. Путешественник примечает иной характер образования юго-восточного склона уже у реки Охоты. Если поднимаешься вверх по долине последней, то сначала по обе стороны реки видишь ровную местность, далее следуют холмы, а затем появляются крутые склоны гор, которые становятся всё утёсистее и круче, чем ближе приближаешься к гребню. Но вдруг скалистые стены, окаймляющие с обеих сторон дорогу, исчезают и находишься наверху точно также, как, взойдя на берег Лены, попадаешь на край бесконечного плоскогорья. В виду того, что перед наблюдателем расстилается покрытая лесом и болотом равнина, он полагает, что и в долине Охоты достиг водораздела, а между тем имеющая тут ещё значительное верховье река сама указывает, что на деле это не так. Условия рельефа, с которыми встречаешься в долине Охоты, представляют общеизвестный факт и об них говорят уже участники экспедиции Биллингса, часто ходившие по этому пути. Все они удивляются тому обстоятельству, что, помимо крутого подъёма, им не приходилось преодолевать настоящего гребня: они вдруг видели перед собою ровную местность, а проехав ещё некоторое время по долине Охоты, покидали последнюю и вплоть до самой Индигирки шли уже по равнине. То же самое рассказывают и племена, обитающие область самого верхнего течения Колымы и Омолона и ежегодно спускающиеся к Охотскому морю, чтобы заготавливать там зимние запасы рыбы и тюленей. Все они согласны в том, что с одной стороны восхождение по любой из долин многочисленных, впадающих в Охотское море рек очень легко и удобно, а с другой — что преодолевать приходится только этот подъём, далее же по дороге уже не встречаешь хребтов; они утверждают даже, что с истоков Колымы легко попасть на таковые Индигирки, так

как те и другие берут своё начало из одного и того же обширного болота. Помимо этого мы имеем и более точные данные, собранные у охотящихся там тунгусов и сообщённые Чихачевым в Записках Иркутского Отдела Географического Общества¹. По этим сведениям, источники рек, направляющихся в Охотское море, расположены вблизи водоёмов, относящихся к системе верхнего течения Колымы; притом между теми и другими нет вовсе возвышенности, которую можно было бы отличить глазом. К своему отчёту Чихачев приложил и пояснительную карту, но к Запискам она не приложена. Эта карточка есть грубый набросок, очевидно составленный по рассказам тунгусов и дающий только указание на взаимное отношение речных систем, как его представляли себе эти люди; географическая широта и долгота местности в расчёт тут не принималась. Судя по ней, заметного на глаз водораздела в описываемой местности вовсе не существует, и тунгусы заявляли, что с берущей начало из одного безымянного озера Ини безо всяких затруднений можно достичь Колымы в том почти месте, где в неё впадает Детран. Это мнение я, со своей стороны, тоже слышал от туземных охотников. Другой большой приток Колымы, Бахабча, по карте Чихачева берёт своё начало в непосредственной близости озера Учища, или, по указаниям других, из самого озера; из того же водоёма берёт своё начало и Арман, текущий в Охотское море. Озеро же Молокыс, лежащее, как говорят, среди болотистой лесистой равнины, даёт сток даже к двум океанам, посылая к Колыме Детран, а к Охотскому морю Ян. Как ни плоха карта, но по ней можно ясно видеть, что удобными путями сообщения могут служить не только перечисленные уже реки, но также и Ола, Яма, Тахтаян, некоторые другие, и особенно Кава. Всеми этими долинами ежегодно пользуются отправляющиеся к морю и возвращающиеся восвояси с зимними запасами племени, а потому они должны быть легко проходимы и для вьючных животных. Все они, по словам туземцев, имеют то неоценимое преимущество, что не загромождают пути труднопроходимыми горами. Сибирский же охотник называет горою только такое возвышение, преодолеть которое доставляет ему труд; на всякое другое, не

¹ Н. Чихачев. Описание сходящихся вершинами рек, впадающих в Охотское море и реку Колыму. Записки Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Книжка I. С.-Петербург. 1856.

причиняющее ему хлопот, он не обращает внимания. Поэтому-то в разговоре с ними никогда не следует забывать, что слова «высокий» и «крутой» они употребляют безразлично и что по их понятиям, например, истоки Индигирки и Колымы лежат на равнине, Охота же, наоборот, поднимается на крутую гору. Тут нужно обратить внимание на часто причиняющую недоразумение особенность туземцев, особенно якутов, и состоящую в том, что они считают направление реки от устья к истокам, а не наоборот, как привыкли мы.

Как легко попасть с рек, впадающих в Охотское море, на притоки верхнего течения Колымы, так, в равной степени, легко проходим и путь, ведущий с остальных вод южного моря на широко разветвлённую систему Омолона, в конце концов тоже несущего свои воды в Колыму. Хотя упоминать об этом тут ещё и не место, но всё же не мешает обратить внимание на то обстоятельство, что с Гижиги, Парени и Оклана легко добраться до города Среднеколымска. Как я часто имел случай слышать на месте, собачьим нартам приходится, собственно говоря, преодолевать большею частью не очень крутой подъём, который только местами снабжён более или менее высоким гребнем; затем попадаешь уже на равнину, приводящую без серьёзных затруднений к указанному выше пункту на Колыме; таким образом, между последнею рекою и Омолоном, находятся лишь холмистые возвышения, настоящих же гор здесь нет.

Итак, не подлежит никакому сомнению, что направленный на юг и юго-восток склон Станового хребта, начиная с реки Охоты, принимает совершенно иной характер, чем тот, который он носит от устья Уды до Охоты. Но мы имеем явные доказательства того, что подобное изменение условий не ограничивается только этою стороною, но что нам открывается совершенно новый горный мир, если мы, приняв 61° сев. шир. за границу, станем рассматривать карту к югу и к северу от этой линии. Прежде всего мы замечаем тут ещё очень постепенное поднятие северо-западного склона хребта, что, впрочем, с достаточною ясностью вытекает из приведённых гипсометрических таблиц. Действительно, путь Эрмана лежал почти исключительно на 60 -м градусе сев. шир., а между тем резко выраженной системы террас нельзя уже более заметить с такою ясностью; наоборот, главное направление подъёма страны лежит уже не на оси маршрута, а отклоняется к северу; и в самом деле,

истоки или, по крайней мере, верховые притоки Белой, Аллах-Юня, Юдомы и особенно Охоты с Аркой и Кетандой текут с севера. Если же мы внимательнее просмотрим измерения профессора Эрмана, то тоже найдём, что главный водораздел принадлежит уже не тому хребту, который до сих пор носил название Станового. Эта грань между системами вод восточного и западного склонов лежит между Юдомой и Кетандой, из которых первая принадлежит системе Лены, а последняя есть приток Охоты; кроме того, этот водораздел между морями имеет всего 3000 футов абсолютной высоты, а тот который поднимается между Юдомой и Хоингой (то же, что Анчакан) лежит выше 4000 футов над поверхностью моря и разделяет только долины рек Аллах-Юня от Юдомы, принадлежащих к системе Май. Таким образом, направление наивысшего поднятия страны не идёт более на северо-восток, вдоль морского побережья, а тянется с востока на запад и доходит приблизительно до истоков Хандыги, притока нижнего течения Алдана. Это несомненно следует, с одной стороны, из положения истоков обширных речных систем Колымы и Индигирки, а с другой — из положения водоёмов, принадлежащих к системе Алдана. Впрочем, в настоящее время мы располагаем только этими косвенными доказательствами вероятного направления главного водораздела в рассматриваемой части горной страны; прямых же измерений для этого участка, или даже расспросных сведений и указаний со стороны местных жителей в нашем распоряжении не имеется. Несмотря на все старания, мне никогда не удавалось найти людей, которые были бы хорошо осведомлены об области истоков рек Белой, Аллах-Юня и т.д.; точно также я не мог собрать никаких точных данных и о горном узле Ураканче, а потому просто взял это название с карты Генерального Штаба. На все мои расспросы мне отвечали, что там нет подходящих для охоты мест, а потому ни у кого нет причин спускаться с Оймякона на те реки; тому же, кто желал направиться с Индигирки и Колымы к морю, всегда советовалось избирать путь на Охотск или идти по какой-нибудь из рек, впадающих в море к северу от него.

Наиболее известен только один путь, но он ведёт по долине Хандыги, т.е. поднимается у западного конца великого водораздела и проходит через него. Эта издревле известная дорога, которою пользовались в то время, когда снабжали Анадырский острог провиантом и амуницией из Якутска. Путь этот идёт вверх по Хандыге, отсюда ведёт через систему

верхней Индигирки, затем с неё сворачивает в долину Зырянки и, наконец, достигает самой Колымы у теперешней Верхнеколымской церкви. К сожалению, в нашем распоряжении вовсе не имеется маршрутов по этой крайне важной и интересной дороге, так как мои спутники по экспедиции в Землю Чукчей, шедшие по ней от Верхнеколымска в Якутск, ничего не сделали, несмотря на то, что на них, особенно на топографа Афонасьева, было возложено поручение вести точную съёмку и довести её до урочища Джели на Алдане, с которого началось в ноябре 1868 года наше путешествие. Существуют только отрывки такой работы в виде трёх участков маршрута, начавшегося от Колымска и прекратившегося несколько далее истоков Зырянки; т.е. маршрут этот едва доходит до системы Индигирки, да кроме того страдает ещё тем недостатком, что второй и третий участки его не хорошо подходят к карте, исполненной в пятивёрстном масштабе. Остальную часть пути эти господа не потрудились снять, а то, что я мог узнать от них, было крайне скудно и, собственно говоря, ограничивалось главным образом указанием на то, что этой дорогой, по которой между прочим проходил спутник Биллингса — Сарычев, пользовались уже в древности. Итак, относительно рассматриваемого пути нам не остаётся ничего более, как воспользоваться данными, собранными названным путешественником и, частью, английским врачом той же экспедиции Зауером. Но Сарычев маршрута тоже не вёл, так как карта, которую он приложил к своему труду, исполнена, во-первых, в слишком малом масштабе, а во-вторых, из внимательного её рассмотрения следует, что она основана не на маршруте или иных каких-либо научных наблюдениях, а главным образом на старых картах, которые старались исправить и дополнить по лично вынесенным из путешествия впечатлениям. С другой стороны, описание путешествия, сделанное Сарычевым, крайне поучительно. Последующие данные взяты преимущественно из него и лишь несколько дополнены расспросными сведениями, собранными у местных жителей, инородцев и лиц, посещавших те местности.

Прежде всего мы узнаём, что, отправляясь из Якутска в Верхнеколымск и поднимаясь вверх по долине Хандыги, после незначительного перехода по равнине, попадаешь в обставленное справа и слева высокими горами ущелье. Дорога довольно крута, но не особенно затрудни-

тельна; горы прекращаются, по рассказам, как только достигнешь верхнего течения реки и приблизишься к её истокам. Тогда перед путешественником расстилается равнина и, перейдя невысокий водораздел, он попадает на реку Амуг-Амог-Гагу, которая принадлежит уже к системе Индигирки. По этой реке и по Кункую спускаешься вниз, затем, перейдя через Большую Контю, перебираешься через очень крутой хребет Атбас. Далее следует преимущественно ровная местность, во которой разбросано несколько не представляющих затруднений хребтиков, перейдя которые попадаешь на обширное плато, или, по местному выражению, на Большое Оймяконское поле. Это плоскогорье должно, в самом деле, занимать громадное пространство, потому что оно совершенно поработило своею необъятностью умы местных жителей, а также видевших его якутов и тунгусов, которых я расспрашивал о той местности. Впечатление, оставленное у них плоскогорьем, или полем, до такой степени было неизгладимо, что мне стоило немалых трудов навести их на реку, потому что по моим данным Индигирка должна течь оттуда, и, по всей вероятности, прорезывает своим течением это «поле». На мои расспросы я получил сначала ответ, что река там никакого значения не имеет, поелику там повсюду существуют хорошие пастбища и превосходные покосы. Дело в том, что при всяких расспросах крайне мешает, если дающий сведения смотрит на окружающую природу исключительно с точки зрения выгоды или неудобств, ею доставляемых. Так и в данном случае; рыбу там ловят преимущественно в озёрах, да самые верхние течения рек Сибири вообще не особенно-то богаты ею; в качестве пути сообщения река в той части тоже, вероятно, недостаточно удобна, а так как луга имеются здесь повсюду, то и из-за них людям нет нужды разыскивать её. У Абые и в Похвальном на нижнем течении Индигирки я нашёл большое число лиц, знавших Оймякон, но потребовалось вмешательство осмысленного человека, Лазаря Струкова, чтобы отвлечь внимание остальных от поля и заставить подумать о реке. Тогда все они согласились без дальнейших околичностей, что Индигирка, вытекающая, по их словам, из того же самого озера, откуда берёт своё начало и Колыма, прорезывает это поле своим течением, но заявили, что её зовут там не этим именем, а просто Оймяконской рекой. Вот как мало внимания обращается там на впоследствии столь могуществен-

ную Индигирку, а между тем вблизи её лежит единственный астрономически определённый пункт той местности. Я говорю о местечке Оймяконском, положение которого спутник Врангеля, Матюшкин, определил $160^{\circ}27'$ восточной долготы от Ферро и $63^{\circ}15'$ северной широты. Но в настоящее время трудно сказать с точностью, что подразумевается под этим именем и тождественно ли с ним теперешнее Оймяконское, место жительства старосты и местного правления, так называемого Родного правления. Тамошние якуты не образуют особого улуса, а потому у них нет и улусного правления, т.е. Инородческой управы, всегда имеющей недвижимую собственность в виде строения (в котором живёт писарь) и никогда не меняющей своего местопребывания. Все эти якуты приписаны к Якутскому округу, отчего и управляются старостой; Родное же правление связано с местом жительства последнего и может находиться в очень различных местах, смотря потому, на кого из членов рода пал после смерти старосты выбор общины, так как звание его пожизненно. Если же, как это нередко бывает, на место отца избирается сын, то правление остаётся постоянно в одном и том же пункте. Как было дело на Оймяконе, я сказать не берусь, но, по-видимому, во всех моих разговорах о той стране, когда речь заходила об Оймяконском, подразумевалось одно и то же, недалеко от реки лежащее урочище; пункт же, определённый Матюшкиным, находился тоже вблизи реки.

Вернёмся же к рассматриваемому нами пути. Подвигаясь далее по направлению к Колыме, переходишь Индигирку у речки Сарбалаха, по которой идёшь до истоков, а затем, перевалив через незначительный водораздел, направляешься вниз по речонке Курдату. Вслед за тем попадаешь на Малую Тарынную реку (Ачыгы-Тарын-Ырях) и у впадения её в Большую Тарынную реку (Улахан-Тарын-Ырях) переходишь через эту последнюю, причём находишься уже в области Нелькана, в который впадают две последние реки. Отсюда дорога снова ведёт вверх по крутой долине реки Джулкана на громадный хребет, северный склон которого развит несравненно сильнее, чем южный. Но, спустившись с этого хребта, попадаешь на низменность и скоро достигаешь Зырянки, от которой вплоть до Верхнеколымской церкви расстилается болотистая, усеянная большим количеством озёр равнина. Всё это описание пути, сделанное Сарычевым, очень ясно и просто, и вполне согласуется с расспросными сведениями, собранными мною от различных лиц. Только

относительно одного пункта мне, несмотря на все старания, не удалось добиться полной истины. Несомненным является то обстоятельство, что тому, кто едет от Якутска, последний хребет представляется очень высоким, собственно говоря, только со стороны северного своего склона. Это подтвердил также и топограф Афонасьев, взбиравшийся на него со стороны Колымы и говоривший нам, что он напомнил ему о Верхоянском хребте: до такой степени трудно было на него подниматься, спуск же по южному склону, наоборот, не представлял никаких затруднений. Итак, в этом отношении свидетельства всех сходятся; но расходятся мнения о местоположении рассматриваемого хребта. Одни утверждают, что они попадали на него тотчас же по переходе через Нелькан; другие же заявляют, что он лежит только за Нерой, — считая от Якутска. Иными словами, для меня остаётся невыясненным, лежит ли Нера на нагорье или в низменности. Из всех собранных мною данных не остаётся никакого сомнения, что Мома уже совершенно принадлежит низине и насчёт её существует полное единогласие показаний; Неру же на моей карте, как видно из тона шатировки, я тоже не отношу к нагорью, потому что мне кажется более правильным, придерживаясь мнения Сарычева и других, провести крайний хребет по правому берегу Нелькана или, вернее, по таковому Улахан-Тарын-Ыряха. Если же принять в соображение как неточно выражается большинство людей и кинуть взгляд на самую карту, то очень легко может показаться, что Неру нужно отнести к нагорью.

Как бы там ни было, а вполне достоверным является предположение, что на всём описанном пространстве мы имеем дело не с простыми горными цепями, а с обширным плоскогорьем. С Хандыги круто поднимаешься в гору и попадаешь на сравнительно ровную местность; из слов же спутников экспедиции Биллингса явствует, что, вплоть до спуска к морю по долине Охоты, находишься почти всё время на равнине, кое-где только прерываемой хребтиками. То же самое наблюдается и в направлении с юга на север. И без того уже высоко лежащие на широте торной дороги реки Аллах-Юна, Юдома и Охота текут с севера из ещё более высокой местности и это нагорье (к которому относится также и дающее, по словам очевидцев, начало Колыме и Индигирке озеро, расположенное среди покрытой кочковатыми болотами равнины) опускается только по ту сторону Нелькана, а может быть даже лишь за Нерой

и переходит там в низменность, по которой бежит Мома. Нам известны, конечно, более точно только три вышеупомянутых подъёма на это плато, которое я называю по главной составной его части — Оймяконской плоской возвышенностью. Но подъёмы эти являются в тоже время и единственными путями, по которым на него можно проникнуть. Ими пользовались уже с древнейших времён и один тот факт, что туземные племена всегда избирали исключительно эти пути, несомненно доказывает отсутствие каких бы то ни было других дорог; в противном случае они наверное не ускользнули бы от зорких глаз тунгусов и ламутов.

Если теперь сопоставить всё, что нам известно о рассматриваемом плоскогорье, то наивысшее абсолютное его поднятие мы должны будем искать на южной его границе, лежащей приблизительно у 62° северной широты. Начиная отсюда, страна несколько склоняется к северу, так что окрайный хребет, проходящий между системами Индигирки и Колымы, не достигает, по всей вероятности, высоты нагромождённой на южную часть нагорья Ураканчи, которая, по-видимому, много выше, чем гребни и вершины Станового хребта. От этого обширного плато идут в разные стороны горные цепи и хребты, прорезывающие страну между Леной и Великим океаном по различным направлениям, так что Оймяконское плато или плоскогорье является господствующим над остальной страной местом, исходя из которого мы и должны разбирать орографию страны.

К юго-западу плоскогорье отсылает знакомый нам уже Становой хребет, доходящий до истоков реки Уды и делящийся здесь на две части, из которых одна простирается до Витима в том месте, где эта река поворачивает близ Оронского озера к западу. Эта часть хребта, постепенно спадающая к югу, по направлению к плоскогорью бурятской степи, отсылает, как указывалось нами уже выше, к северу несколько лучеобразно расходящихся отрогов, из которых три восточные отличаются особенно сильным развитием высокого гребня. Другая часть Станового хребта идёт далее в юго-западном направлении под именем Яблонового хребта и оканчивается по ту сторону границы Империи высоким Сохондо.

Нельзя сказать, чтобы плоскогорье отсылало от себя настоящий хребет и в направлении ОНО, потому что начинающийся отсюда так называемый Колымский хребет, простирающийся от Охоты приблизительно до истоков Яблона или Карулевэма и Большого Анюя, есть, собственно

говоря, не хребет, а скорее продолжение самого плоскогорья и отличается от последнего главным образом тем, что значительно ниже его. Восточная окраина этого платообразного возвышения спадает, как выше сказано, по направлению к Охотскому морю, оставляя между своею подошвою и морем то расширяющуюся, то суживающуюся полосу ровного прибрежного пространства. Начиная от Гижигинской губы приблизительно до истоков Яблона возвышенность носит тот же характер; она непосредственно переходит в лежащую между морем и Анадырем низменную равнину, но при этом отсылает в юго-восточном направлении три горные цепи, а возможно даже, что от неё отделяется и четвёртая — между Ереподем и Анадырем; впрочем, о последней у меня нет сведений. Эти горные цепи, ограниченные на востоке течениями рек Пенжины и Маина, не отличаются ни высотой, ни сильным развитием своей подошвы в ширину. Благодаря этому они ни в каком случае не отнимают у местности между морем и Анадырем её резко выраженного характера низменности. Названия их, считая с юга на север, следующие:

1) Шестаковский хребет — между Окланом и Пенжиной.

2) Ушканий хребет — между Окланом и Пенжиной — отсылающий от себя Ычыгемский (на карте неправильно названный Ычигинским) хребет, тянувшийся между Ушканчихой и Кондеревой, и наконец

3) Русский хребет, расположенный между Пенжиной и Ереподем с одной стороны и Анадырем с другой; от него отделяется ещё низкий Налгимский хребет, доходящий до верхнего течения Маина.

Поэтому было бы крайне желательно, чтобы с карт Восточной Азии исчезли, наконец, отроги Станового хребта, которые продолжают обыкновенно от главного хребта на полуостров Камчатку в виде возвышенности, несущей в южной своей части громадные вулканы, из которых Ключевская сопка является, по всей вероятности, высочайшей огнедышащей горой земного шара, поднимающейся гигантским конусом прямо из долины до высоты 11.000 футов. Этот громадный горный массив не имеет ровно ничего общего с возвышенностями, отходящими от Оймяконского нагорья и представляет совершенно изолированное поднятие, быстро ниспадающее к северу и в конце концов переходящее в северокамчатскую ровную моховую тундру — в Параспольский дол. Этот последний так незначительно возвышается над уровнем моря, что легко предположить, что полуостров Камчатка сначала был островом,

который соединился с азиатским материком лишь в позднейшее время благодаря поднятию Парапольского дола.

Если теперь мы обратимся к западной стороне отходящей от Оймяконского плато на ОНО возвышенности, то здесь мы почти вовсе не найдём склона хребта. Восточный склон имеет, конечно, местами настоящий гребень, с которого нужно спускаться (хотя этот спуск всегда очень незначителен), на большей же части своего протяжения он совершенно лишён такого гребня: поднявшись, прямо попадаешь на плоскогорье, которое затем очень постепенно спадает по направлению к западу, так что впечатления хребта вовсе не получаешь. Становясь всё ниже и ниже, возвышенность доходит наконец до Колымы, к которой она спускается обрывом, имеющим высоту от 200-300 футов; правый берег этой реки, следовательно, горист, как на Лене. Горы продолжаютя и по ту сторону впадения двух Анюев, вплоть до устьев Колымы, а затем простираются вдоль побережья Ледовитого океана и идут на восток до обоих Барановых Камней.

На северо-востоке Колымский хребет оканчивается громадным горным узлом, посылающим с себя истоки трёх различных речных систем: к западу двух Анюев, на север реки Чауна, а на ОЗО — Анадыря. От этого горного узла прямо в восточном направлении отходит Анадырский хребет, который сначала широк и высок, затем становится постепенно ниже, гребень его делается всё шире и шире и наконец оканчивается на восточном конце материка, у мыса Пээк, в виде песчаного обрыва, ниспадающего к Берингову проливу. К западу же и северо-западу от того же горного узла, у истоков Анадыря, отделяются два хребта: один из них проходит между двумя Анюями, а другой тянется по правому берегу Малого Анюя. Оба они сильно ветвятся и образуют альпийскую горную страну, похожую на ту, которая находится в месте схождения Витима, Лены и Олёкмы, но только значительно меньшей абсолютной высоты. Гребни хребтов, как к северу, так и к югу от Малого Анюя, лишены леса; но причина этого заключается не в абсолютной их высоте, а скорее зависит от северного их положения. По всей вероятности, даже самые значительные вершины не выше 3000 Футов над поверхностью моря, дно же долин расположено очень низко. Это дикая, негостеприимная страна, прорезанная очень узкими, оставляющими место только воде, долинами, обставленными крутыми утёсами; благодаря тому, что дно

долин очень сильно наклонено, а реки очень бедны водою, последними тут вовсе нельзя пользоваться для передвижения. Между самой нижней частью течения Колымы и Ледовитым океаном хребет этот носит несколько местных названий, так, например, на правом берегу Малого Анюя его зовут Белыми горами; к северу от этой реки — Сахарным, причём восточное продолжение последнего называется Шероховатым хребтом; к востоку от Нижнеколымской церкви на правом берегу Колымы поднимается отдельная гора, достигающая высоты 1500 футов и известная под именем Пантилеевской сопки.

Переходя от восточного склона Оймяконского плоскогорья к его западному концу, мы найдём, к западу от Индигирки и к северу от истоков Хандыги, обширный горный комплекс, от которого отходят хребты как к северу, так и к WNW. В указанном сначала направлении тянется дикий Кэх-Тас, который принимает далее название Тас-Хаяхтаха, идёт под этим именем до речки Жанкы, впадающей в нижнюю Яну, а затем, изменяя прежнее своё направление в экваториальное, круто поворачивает на восток и достигает Индигирки под именем Полоусного хребта. Эта, лежащая приблизительно под 70° северной шпроты часть хребта известна и названа, собственно говоря, только в самом восточном своём конце. Во время пребывания на Индигирке, я мог только узнать, что Полоусный хребет начинается от Жанкы, где он сходится с самою северною, идущею с SO на NW частью Тас-Хаяхтаха и образует горный узел, имеющий далёкое распространение к юго-востоку. Что эти сведения действительно верны, подтвердили мне впоследствии тунгусы, охотники участия которых расположены в той местности. Судя по единоголосным и вполне определённым заявлениям этих инородцев с вышеупомянутым горным узлом связан, с одной стороны, видимый уже с озера Абыя Сылгы-Ытар, а с другой — Сохо-Хая и лежащая от неё к северу Сылгыгыт-Таха. Все эти не очень высокие хребты переходят, в конце концов, как выражаются люди, в равнину, идя по которой достигаешь Яны у речки Жанкы, где путешественника окружают громадные горные колоссы, круто спадающие по направлению к западу и к северу, но распространяющиеся далее на восток. Эти заявления можно понять только в том смысле, что упомянутые выше хребты представляют собою три

отрога плоской возвышенности, которая круто обрывается к низменности у впадающей в Яну Жанкы, а к востоку продолжается далее в виде хребта.

Южнее того места, где река Догдо круто изменяет своё меридиональное направление на экваториальное, Тас-Хаяхтах уже принимает название Кэх-Таса и под этим именем образует обширную, достигающую Индигирки альпийскую страну, к которой принадлежит вся сильно развитая система реки Бёреляха. Подобное же развитие по направлению к востоку мы заметили уже и у Тас-Хаяхтаха, но этот хребет на западе довольно скоро спадает и вдоль Яны у его подножия простирается невысокое плоскогорье, в свою очередь обрывающееся к реке и придающее правому берегу последней холмистый характер.

Кэх-Тас же сильно развивается также и в западном направлении и образует с большим, отсылаемым нагорьем к западу, хребтом одну из самых диких, самых негостеприимных горных стран Якутской области. Это область истоков Адычи и её больших притоков Борулаха и Нелгегэ, впадающих в неё с запада, и Тостаха, текущего с востока. Никто ближе не знаком с той местностью, потому что даже тунгус, всюду проникающий с целью охоты и благодаря этому обшаривший чуть ли не каждый уголок обширной страны, — и тот избегает Кэх-Таса с его западными отрогами вплоть до Яны и Верхоянского хребта. По рассказам, там нет ни дичи, ни пушного зверя; это следует понимать, вероятно, в том смысле, что там нет их в количестве, достаточном для того, чтобы за ними стоило охотиться, так как трудно предположить даже и подобную глушь вовсе лишённой животного населения. Таким образом страна эта не имеет ничего привлекательного даже для тунгуса, а якут вряд ли спускается южнее 66° северной широты, — лугов и пастбищ там вовсе нет, лес же ему совершенно не нужен. Вследствие этого нельзя сказать ничего более определённого относительно продолжения Оймяконской плоской возвышенности на запад, но орографические условия местности, очевидно, таковы, что требуют её продолжения в этом направлении и заставляют предполагать распространение плато до верхнего течения Яны и принимать Сордогинский хребет за южную его границу. Впрочем, я отказываюсь от последнего, потому что местные жители уже не знают тут более Оймякона и пользуются только названиями Кэх-Таса и Сордогинского хребта; да и то последний знаком туземцам лишь

по южному своему склону. Поэтому мне кажется более подходящим придерживаться местных взглядов и названий, а, судя по ним, Оймяконское поле прекращается у истоков Хандыги, где к нему прилегает неприступная горная страна, которая отсылает от себя на север Кэх-Тас, а на запад — Сордогинский хребет.

Сордогинский хребет представляет собою длинную возвышенность, известную нам под очень различными именами. Сначала он идёт в направлении с востока на запад до Лены, к которой подступает у впадения в неё Алдана в виде громадных гор. На этом экваториальном простирании своей оси он принимает сначала, приблизительно у истоков Тукулана и Яны, название Верхоянского хребта и удерживает его до места впадения Алдана. Тут он круто поворачивает на север и тянется до Быковского устья Лены, где оканчивается крутыми конусообразными горами. В этом меридиональном простирании сначала его зовут Орулганским хребтом, а затем, на нижнем течении Лены — Хара-Улахским; к перечисленным наименованиям присоединяется ещё в области притоков реки Менкяри название Тарабыкинского хребта, которое, впрочем, известно, по-видимому, не всем жителям. Южный склон всего протяжения хребта, начиная от Оймяконского плато до Лены, быстро спадает к долинам, — сначала к нижнему течению Алдана, а затем к Лене. Тот же самый характер в этом отношении удерживает он и при своём повороте на север, где бывший его южный склон переходит в западный. Местами, как, например, у впадения Тукулана, по правому берегу реки тянется ровная прибрежная полоса земли; обыкновенно же отроги главного хребта доходят до самой воды, как у впадения Вилюя, и превращают поэтому весь правый берег величавой Лены в нагорный. Северный же и восточный склоны хребта носят, наоборот, совершенно иной характер, спадают крайне постепенно и переходят в обширную плоскую возвышенность значительной высоты. Такое убеждение получает каждый, кто на теперешнем торном пути из Якутска в Верхоянск взбирается на хребет по долине Тукулана. Несмотря на то, что, пройдя незначительную низменную прибрежную полосу, дорога начинает быстро подниматься в гору, а на десяти или пятнадцати верстах от последней поварни Сис-Аны даже довольно крута, тем не менее, для того, чтобы попасть на самый водораздел, необходимо ещё преодолеть значительной высоты перевал в виде очень крутого откоса. Но за этим следует вдруг

едва приметный спуск, после чего тотчас же попадаешь, не взирая на северный склон хребта, в сильно поросшую лесом местность и идёшь уже вплоть до города Верхоянска по ровной дороге. Сначала по обе стороны Яны тянутся ещё, конечно, высокие отроги, но скоро они отступают от реки, становятся всё ниже и ниже и наконец совершенно исчезают ранее, чем достигнешь указанного селения. Но в том же самом можно убедиться, если идти от нижнего течения Лены по пути к Верхоянску, и название Тарабыкинский хребет напоминает однажды сделанный в этом отношении опыт.

Один из исправников Верхоянского округа, по имени Тарабыкин, вознамерился сократить крайне затруднительный путь от Якутска в Верхоянск, которым пользовались для доставки тяжёлых казённых транспортов муки, соли и т.п. С этой целью он предложил выгружать названные товары не в Якутске, а везти их на барках, на которых они плыли с верхнего течения реки, до Жиганска и отсюда уже пользоваться вьючным путём до Верхоянска. При этом он рассчитывал, что сообщение между двумя указанными пунктами не представит никаких затруднений, а может быть надеялся даже воспользоваться частью течения Дулгалаха в качестве водного пути. Во многих отношениях взгляд этот был совершенно правилен: не представляло почти никакой разницы в денежном отношении, пойдут ли барки до Якутска или до Жиганска, путь же от Верхоянска до Лены был значительно короче и, благодаря отсутствию гор, легко проходим. Не могли найти только спуска к Лене; изобретатель нового проекта, Тарабыкин, не щадил усилий в этом направлении, но указанный им как самый подходящий вьючный путь по долине реки Менкяри оказался настолько крутым и непреодолимым, что попытка не удалась и от неё потомству не осталось ровно ничего, кроме названия «Тарабыкинский хребет». Некоторые под этим именем подразумевают среднюю часть тянувшегося в меридиональном направлении хребта, но часто оно употребляется в виде поговорки, если хотят выразить непроходимость известного пути.

Таким образом возвышенность переходит крайне незаметно в низменность как в направлении с юга на север, так и в направлении с запада на восток; поэтому весь обширный бассейн реки Яны, а также таковой и Омоя представляют плоскую возвышенность, простирающуюся до среднего течения Омоя или, вернее, до Куларского хребта. Дело в том,

что от Орулганского хребта в северо-восточном направлении отделяются ещё несколько возвышенностей, из которых, впрочем, только самый северный, Куларский хребет, носит резко выраженный горный характер. Но он представляет собою окрайный хребет, отделяющий от южного нагорья более низменную, доходящую до побережья Ледовитого океана, местность. Вследствие этого только северный склон названного хребта имеет значительную высоту, к югу же он опускается очень постепенно. Параллельно Куларскому хребту тянутся ещё три других, но значительно более низких кряжа, которые на карте, к сожалению, не помечены. Они следующие: Кувалас на правом берегу Бутантая или Бытантая, Идомпут на левом и хребет Кыря на правом берегу Оюн-Ыряха.

Если рассмотреть оба отрога, отсылаемые Оймяконским нагорьем с западного конца, то невольно бросается в глаза большое сходство в их строении. Как Тас-Хаяхтах. так и Верхоянский и Орулганский хребты с одной из своих сторон спадают к долине круто, другая же сторона их образует резко выраженные уступы. Вследствие этого и западная часть бассейна Индигирки представляет большое сходство с областью Яны и только ближе к первой реке появляется та обширная низменность, о которой речь будет ниже.

Помимо четырёх перечисленных мощных хребтов, которые, выходя из одного центра, прорезают обширную, расположенную между Леной и Великим океаном область и придают последней, сильно разветвляясь, характер горной страны, из того же центра, точнее от его северо-восточного конца, отходит ещё пятый отрог; значение его, однако, невелико, а возвышение над поверхностью моря незначительно. Я говорю о Томус-Хае, которая, начинаясь приблизительно у истоков Улахан-Тарын-Ыряха, идёт в северо-восточном направлении и образует водораздел между бассейнами рек Индигирки и Колымы; далее он поворачивает на северо-запад, принимает имя Алазейского хребта, но пропадает в равнине уже южнее Тиряхтаха. Алазейский хребет достаточно известен, потому что через него проходит путь на Среднеколымск, а каждый, кто шёл по этой дороге, знает, что он представляет собою широко раскинутые цепи низких, покрытых лесом холмов, вносящих некоторое разнообразие в монотонную область тянувшихся вереницей озёр, расположен-

ных между правым берегом Индигирки и Колымой. Поднимаясь по правому берегу Россохи, большего притока Падерихи, путешественник имеет перед собою почти 40-50 вёрст холмистой, лишённой озёр местности; ввиду же того, что тут как подъёмы, так и спуски всюду удобны и незатруднительны, местность эта всем хорошо знакома и всем очень нравится. На моей карте сделана ошибка в том отношении, что поварня Сис-Ана нанесена на западной стороне возвышенности, на деле же она лежит на её восточном склоне, так что путешествующий из Якутска достигает её лишь после того, как перейдёт холмистую цепь. В южном направлении от торного пути возвышенность становится, по-видимому, шире, потому что с неё берет начало Алазея, истоки которой, как показывает карта, лежат восточнее. Отроги же восточной части возвышенности уже не доходят до дороги, которою обыкновенно пользуются для путешествия верхом, потому что на этой широте между Алазейским хребтом и Колымой нет более гор. Тут заметны только два незначительные возвышения поверхности. Одно находится на правом берегу Алазеи, распространяется в виде цепи совершенно обособленных холмов на север и, в конце концов, образует на границе лесной растительности, между Алазеей и Большой Чукочьей, горный ландшафт, раскинутый среди бесчисленных тамошних озёр. Другое возвышение сопровождает левый берег Колымы в виде едва приметного вала, делающего впечатление будто озёра отделены от долины Колымы насыпью. Южнее хребет, носящий название Томус-Хаи, становится, по-видимому, выше, а может быть, и несколько утёсистее, но тем не менее сохраняет свойственный ему характер низкого, покрытого лесом хребта и вовсе лишён крутых скалистых образований, характеризующих остальные отроги великого нагорья; он так неширок, что его можно считать, вплоть до ровного левого берега Зырянки, просто невысокой грядой, идущей по низине.

Этими незначительными отрогами Оймякона заканчивается обзор всех связанных друг с другом горных систем области к востоку от Лены. Остаётся только рассмотреть несколько малых, изолированных подъёмов поверхности, не имеющих ничего общего с образующими одно великое целое расчленениями, отходящими от Оймяконского плоского-рий, как от центра. Если придерживаться при этом разборе направления с запада на восток, то прежде всего мы встретим горный подъём у места слияния Яны с Адычей. Тут не遠далеке от берегов обеих рек, но всё

же ближе к Адыче, поднимается горная цепь, которая сначала сопровождает левый берег реки до впадения в неё Тостаха, а затем поворачивает на запад и образует громадную гору. Последняя носит название Ыгнах-Хаи и в самой верхней своей части представляет плато, имеющее одну версту в длину и расположенное на 5700 футах над уровнем моря. Вся горная цепь, вследствие большего числа повсюду там находящихся кекур или каменных столбов, называется Кигелях-Тасом, а в частности это имя обыкновенно дают вершине, находящейся недалеко от берега Адычи. По Бунге вершина имеет высоту более 3700 футов; судя же по высоте гребня горной цепи, она не должна превосходить 3000 футов. Эта изолированная горная цепь богата дикими участками и якуты смотрят на неё с суеверным страхом; но горизонтальное протяжение её очень незначительно, потому что к югу она не доходит даже до широты торной дороги, которой пользуется для поездок верхом в Колымск; последняя тянется уже по настоящей равнине.

Второй, принадлежащий к разбираемому типу рельефа, незначительный по своему горизонтальному протяжению и абсолютной высоте подъём земной коры находим мы у мыса Святой Нос. Главное направление этого небольшого поднятия идёт, дугообразно изгибаясь, по-видимому, от горы Хастах (крайне вероятно той же, которую д-р Бунге называет Уруней-Хастах), на восток до мыса Святой Нос. Самые высокие из его вершин, одну из которых Бунге измерил у мыса, как кажется, не многим превосходят 1500 футов, самая гряда поднимается до 700, а местами до 900 футов, Хастах же выше 1000 футов. Это главный подъём, продолжение же его к юго-востоку много ниже и только гора Максимовка возвышается на 1000 футов абсолютной высоты, после чего горная гряда или, вернее, цепь холмов мало-помалу понижается и наконец совершенно пропадает в низменности. Вследствие этого с границы лесной растительности даже при ясном небе нельзя было заметить никакой возвышенности в северной части горизонта. Я не знаю, насколько верно всё сказанное тут, потому что помимо данных Бунге могу сослаться только на то, что слышал в Казачьем, — сам же я не видал этой возвышенности.

Переходя теперь с побережья Ледовитого океана на Индигирку, мы найдём на правом берегу нижнего её течения, если и не связанное с ве-

ликой горной системой поднятие, то во всяком случае далеко оставляющее за собою, по несравненно большему протяжению, оба западные подъёма. К северу от нижнего течения Шангина, почти непосредственно с низменности, поднимается горный хребет, который сначала имеет северо-восточное направление, затем, круто поворачив под 70° северной широты, идёт прямо на восток, продолжается на правый берег прорывающей его Алазеи, но тут быстро понижается и доходит в виде ряда низких холмов до моря, к которому спадает у устья Большой Чукочьей высоким и крутым песчаным обрывом. Впервые я увидел этот хребет близ границы леса на Алазее, откуда в северной части горизонта виднелись три, возвышавшиеся над плоской тундрой пика, которые якуты считали хребтами и называли, в направлении с востока на запад, Киселях-Тасом, Улахан-Албеем и Ачыги-Албеем. Когда мы подошли к ним ближе, к западу от Ачыги- или Малого-Албея показался Сырах-Тас (по-якутски) или Мегон (по-тунгусски), а к западу от него хребет, называемый якутами Сор-Джетя, а тунгусами Кемо-Даур. В переводе на русский язык слова Сырах-Тас и Мегон значат сердце-камень, а Сор-Джетя и Кемо-Даур — воронье гнездо. Но все эти возвышенности представляют собою не отдельные массивы, а являются непрерывным, простирающимся с запада на восток грядовым подъёмом, гребень которого, впрочем, во многих местах сильно понижается; в противном случае его вряд ли прорвала бы Алазея между Большим Албеем и Киселях-Тасом. Сор-Джетя или Кемо-Даур на западе оканчивается достигающим приблизительно трёх тысяч футов Хелимилнги (в переводе означает железное остриё стрелы); здесь хребет делает крутой поворот и идёт уже в юго-западном направлении. В этой части своего простиранья, от находящейся у его южного конца и имеющей до 4000 футов абсолютной высоты вершины, хребет носит название Пелевого, а далее переходит в идущий в том же направлении Чайдахский хребет, который, как уже сказано, быстро и непосредственно понижается в равнину. Таким образом между его южным концом и правым берегом реки Шангина находится совершенно ровная местность. В то время, к сожалению, я не имел возможности делать измерений, так как не выкипятил вновь барометра; но я предполагаю, что хребет доходит до 2000 футов высоты, а более северные из названных тут вершин превышают среднюю высоту гребня на 1000 или 1500 футов. Впрочем, я не решаюсь утверждать, что эта

оценка окажется правильной: сделать ошибку в этом отношении очень нетрудно. На всём, мною пройденном протяжении этого хребта, т.е. от Хара-Ыряха до нашего спуска у горы Отт-Хаи к Индигирке, против селения Похвального, я там повсюду нашёл те странные каменные столбы, которые зовут кекурами и о которых я уже имел случай говорить в описательной части моего путешествия. Имеющая экваториальное направление часть хребта, конечно, совершенно лишена лесной растительности, потому что даже в низменности северная граница лиственницы лежит, как это видно на нашей карте, южнее. Лес снова появляется на хребте только далее к югу, покрывая вместе с тем и значительную часть гребня его; впрочем, более высокие из вершин все лежат вне пределов лесной растительности и, как все горы Якутской области, летом освобождаются от снега по крайней мере на самое короткое время. Когда в конце августа месяца переходил я перевал у южной подошвы Хелимилнги, то на высоте 1200 футов над поверхностью моря он был ещё свободен от снега, сам же Хелимилнга покрылся уже лёгким снежным колпаком; в юго-западном направлении я точно также мог видеть длинный ряд выдававшихся снежных пиков. Простирающаяся с запада на восток часть хребта быстро спадает к низменности, так что по направлению к Ледовитому океану расстилается перед ним равнина приблизительно вёрст в сто шириною. Только в северо-западном направлении от Хелимилнги отходит низкая гряда, доходящая до дельты Индигирки, где она почти вдруг исчезает; этот отрог называется Пунга-Таха. Часть хребта, имеющая простираение с северо-востока к юго-западу, обрывается к Индигирке довольно крутой стеной, так что на всём этом пространстве в названную реку впадает всего одна речка — Ерча; восточный же склон, который, впрочем, тоже быстро спадает в низменность, отсылает, наоборот, множество речонок в Гаврилу или Россоху, большой левый приток Алазеи.

Никак нельзя утверждать, чтобы мне вполне удалось передать все эти характерные особенности Пелевого хребта, потому что ни номенклатура, ни изображение характера его рельефа на карте не соответствуют действительности. Собственно говоря, вся гряда вплоть до Кигелях-Таса должна была бы носить одно название — Пелевого хребта, потому что она представляет собою один нераздельный горный подъём, носящий на всём своём протяжении от Кигелях-Таса до Чайдаха

совершенно одинаковый характер. Между тем такая номенклатура встречает затруднение в том отношении, что именем Пелевой обозначается, собственно говоря, лишь одна гора, находящаяся недалеко от Чайдаха и отличающаяся, по-видимому, только тем, что она выше, чем все остальные, её окружающие вершины. Таким образом название Пелевого хребта можно было бы ещё предложить для меридиональной части простираения гряды за исключением самого южного его конца, всем хорошо известного под именем Чайдахского хребта. Но мы остались бы совершенно непонятыми местными жителями, если бы вздумали распространить название Пелевой хребет также и на ту часть его, которая имеет экваториальное направление, а потому мы и воздержались от этого. — Изображение хребта на нашей карте, с другой стороны, неудовлетворительно в том отношении, что оно вовсе не представляет быстрого понижения хребта в низменность; наоборот, карта даёт скорее возможность предположить, что он окружён низкими предгорьями, а это на самом деле имеет место только у Пунги-Тахи, которая отсылает ряд таких отрогов к Индигирке. По направлению к северу хребет, начиная с горы Хелимилнга, спадает тоже очень быстро, и перед ним вплоть до Ледовитого океана расстилается низменность; в своём же простирании к востоку он нигде не прерывается до самого Улахан-Албея. Между тем все эти особенности не выражены на предлагаемой мною карте.

Перейдём теперь с Индигирки на Анадырь.

На правом берегу средней части течения последнего, а также на правом берегу его большего правого притока Маина мы найдём хребет Пал-пол или Пол-пол, а далее к востоку, между притоками Анадыря — Красной и Пнеменем или Большой рекой, ещё другой подъём земной коры, который на карте я обозначил под именем Чекаевского хребта. Других возвышенностей на карте я не отметил, потому что мог собрать о них лишь крайне скудные сведения: не оставалось никакого сомнения в том, что в разбираемой области есть рельеф, но дальнейших, более точных данных, получить о нём так и не удалось. О Пал-поле знал, собственно говоря, только один г-н Кеннан, но в Якутске я его не мог расспросить, потому что узнал о существовании этого хребта лишь во время своего путешествия в Гижигинск, когда Кеннан уже давно нас покинул и вернулся на родину. В качестве служащего в Телеграфной Компании он часто ездил с Анадыря в Гижигинск и составил карту страны

между этой рекой и Охотским морем. Карту эту я нашёл у одного его соотечественника в Гижигинске; на ней находился между прочим Маин, а также и огибаемый им большой дугой интересующий нас в данный момент хребет. Так как карта Кеннана (насколько я мог лично проверить её на дважды мною пройденном пути между Марково и Гижигинском) вполне подтвердила мои путевые заметки и наблюдения, то я счёл себя вправе нанести, сообразуясь с нею, и на свою карту как Маин, так и хребет. Но в Марково, к сожалению, я никого не мог найти, кто был бы в состоянии дать мне сведения о Пал-поле. Впрочем, невозможность раздобыть данные зависела скорее от чистой случайности: во время моего там пребывания просто не было лица, знакомого с местностью, расположенною к западу от пути из Марково в Гижигинск. В виду этого обстоятельства я и счёл за лучшее придерживаться чертежа Кеннана, отступив от него только в том, что не нанёс на свою карту полосу леса, покрывающего, по словам упомянутого американца, южный склон Пал-пола. Иностранец утверждал, что Кеннан, будто бы, говорил ему об этом, но, казалось, был не вполне уверен в своём заявлении. Я не счёл себя вправе нанести обособленный остров леса с одной стороны потому, что сам наблюдал полное отсутствие леса на правом берегу Анадыря, а с другой — оттого, что из всех расспросов коряков и ламутов явствует, что и Парапольский дол представляет собою безлесную тундру. Ещё более неопределённые данные относительно Чекаевского хребта; весь правый берег Анадыря, правда, горист, но такой же характер носит и левый, а между тем на всём мною пройденном пространстве последний оказался холмистым плоскогорьем, а не хребтом. Название Чекаево имеет очень древнее происхождение, но оно обозначает лишь часть правого берега реки, приблизительно от Белой до Таньюрера, точно так же, как с не менее древних времён весь берег к востоку от Красной называется Красным. Вопрос о существовании в этой области горного комплекса я должен оставить, таким образом, открытым; впрочем, вероятность на стороне предположения, что как Пал-пол, так и Чекаевский хребет представляют собою части одного общего, большего подъёма земной коры, которым в бывшие геологические эпохи оканчивался к югу материк: Камчатка в то время была ещё островом.

Сказанным выше обзор отдельно встречающихся подъёмов поверхности мог бы быть, собственно говоря, исчерпан, но прежде, чем покончить с этой формой рельефа, я должен указать на существование на берегу Ледовитого океана, к востоку от Чаунской губы, довольно высокого и скалистого горного массива. Я не берусь, однако, решить, представляет ли он собою изолированное поднятие или является конечным отрогом Анадырского хребта. Западное и южное побережья Чаунской губы плоски и низменны, но если ехать по южной стороне острова Айюки на восток, то уже издали замечаешь скалистые сланцевые горы, которые сопровождают восточное побережье Чаунской губы и, в конце концов, оканчиваются у мыса Эрри, в виде громадной крутой скалы. Морское побережье до устья реки Веркона тоже скалисто, так что за невозможностью пробраться на нарте у подножия скал нередко приходится ехать по льду океана. К востоку от Веркона и до Якана горы становятся ниже, но тянутся длиною цепью, то приближаясь, то отступая от берега моря. В некоторых местах, как, например, у получившего от них, конечно, своё название мыса Кекурного, они часто покрыты кекурами, т.е. теми каменными столбами, которые мы встречали с одной стороны на Пелевом хребте, а с другой — на его продолжении, на Медвежьих островах. Ввиду того, однако, что подобные образования до сих пор нигде в других местах (ни на Анадыре и Колыме, ни на Становом хребте) не встречались, возможно, что мы в данном случае имеем дело с изолированными подъёмами земной коры.

Теперь я перейду к области, лежащей на левом берегу Лены, но при этом уже с самого начала должен, к сожалению, заявить, что, как ни недостаточны в настоящее время наши сведения об орографии восточной части Якутской области, а они всё же много определённое, чем данные о западной её части. Тут, собственно говоря, мы не выходим из пределов более или менее вероятных предположений. Несколько более известен только участок страны, лежащий между Вилюем и Леной и простирающийся приблизительно от притока первой реки Джели до впадающего во вторую Бириана. С большою уверенностью можно утверждать, по-видимому, только одно, именно то, что к западу от Лены нет таких высоких подъёмов земной коры, какие мы встречаем по её восточную сторону, но что вместе с тем плоскогорье, с которым мы часто встречались и там, является тут уже безусловно преобладающим типом рельефа.

Если все до сих пор собранные об этой стране сведения мало-мальски верны, то и по левую сторону Лены, как и на восток от неё, находим мы высокую плоскую возвышенность, из которой, как из центра, расходятся во все стороны грядовые подьёмы.

Несколько ближе известна нам только восточная часть этого плато, которое нанесено мною, как можно судить по карте, лишь до границы Якутской области: за пределами последней я не располагал необходимыми данными. Тут имеем мы пройденный Миллером и Чекановским Люча-Огоктонский хребет, представляющий, очевидно, восточное окончание далеко распространённого к западу и к югу плоскогорья. Уже самые обстоятельства, при которых два упоминаемые путешественника попали на этот хребет в достаточной степени указывают на абсолютную высоту той местности: путники шли из системы Хатанги, с Моньеро, и попали туда, куда не рассчитывали, да и не желали выйти. Цель их путешествия заключалась в исследовании Оленька. Они хотели достичь этой реки как можно ближе к её истокам, выстроить себе там лодку, а затем спуститься на ней вниз по реке. В виду того, что никто не имел ни малейшего представления, где находятся истоки Оленька, не оставалось ничего другого, как обратиться к всезнающим и всюду бывавшим тунгусам и взять их в проводники. Но рядить этих проводников и уговариваться с ними обо всём пришлось, конечно, уже ранее, близ Лены, на самом верхнем течении Нижней Тунгуски, т.е. ещё очень далеко от того места, куда в действительности собирались путешественники. Поэтому нет ничего удивительного, что там не нашлось людей, хорошо осведомлённых об области истоков Оленька. Тунгус всегда сумеет ориентироваться в глуши много лучше, чем мы на улице любого города, а потому немудрено, что после недолгих поисков нашлись люди, согласившиеся отыскать желанные истоки. Это им несомненно и удалось бы, но, к несчастью, общество встретило на пути тайгу — так в Сибири обыкновенно зовут глушь, абсолютно лишённую человеческого населения — и эта случайность лишила их возможности собрать какие бы то ни было сведения. Проводники названных путешественников знали, очевидно, почти то же, что и я; из расспросных сведений, собранных на Чоне, мне было известно, что по направлению к северо-востоку лежит обширная, прорезанная отдельными хребтами страна, усеянная бесчисленными, то мелкими, то крупными озёрами, из которых берут

свое начало Вилюй, Оленёк и Хатанга. Если европейцу такое указание и покажется слишком общим и неточным, то для тунгуса его уже вполне достаточно. Направление, по которому ему предстоит идти, дано; страна в общем ему известна тоже, а вместе с тем он должен же встретить какого-либо охотника, который ближе знаком с местностью. Больше тунгусу ничего и не надо, в крайности же он отыщет дорогу и без расспросов, потому что всегда отличит реку, текущую подобно Оленьку на север и не смешает её с идущей на восток. Все эти соображения были приняты в расчёт совершенно правильно; проводники никогда не заплутались бы в горах, но их сбила с толку усеянная озёрами равнина. Людей в этой местности не оказалось, все они уже ушли, а тут ещё подступило время, когда телятся олени и проводникам пришлось спешить домой. Ввиду всего этого они сделали ошибку в том отношении, что недостаточно завернули на восток, почему и вышли в область истоков Хатанги, вместо того, чтобы выбраться к истокам Оленька. На моей карте сделана тоже несомненная ошибка: проведён в северо-западном направлении высокий отрог Люча-Огоктонского хребта, на самом же деле там нет такого водораздела. Я никогда о нём не слышал, да мне кажется, что при существовании такового и тунгусы никогда не смешали бы истоков двух речных систем. По крайней мере обыкновенно они таких ошибок не делают.

От этого, высоко расположенного и ограниченного на своём северо-восточном конце Люча-Огоктоном, озёрного бассейна тянется широкий хребет до Пура и Балкалаха. У истоков Пура, приблизительно под 72° северной широты, Миллер нашёл ещё нагорную тундру, лежащую на абсолютной высоте 900-1000 Футов. Несмотря на своё понижение к северу она всё же подступает к морскому побережью имеющим несколько сот футов высоты обрывом, одна часть которого скалиста, другая же песчаная. Да и по собранным мною от жителей Булуна сведениям побережье Ледовитого океана между устьями Оленька и Анабара преимущественно крутое. Как вся обширная страна к северу от Оленька, так и область между ним и Леной представляют собою плоскогорье, на котором поднимаются возвышенные гряды, каковы Галкунча, Джолокон и Джангутар-Олада. Но гряды эти не особенно высоки и являются лишь наивысшими точками страны и без того уже повсюду высоко приподня-

той над поверхностью моря. Оленёк течёт по этой плоской возвышенности глубоко врезаным жёлобом, а потому оба его берега на всём их протяжении высоки и сопровождаются горами. Но последние имеют бóльшую абсолютную высоту, чем на левом берегу нижнего течения Лены, к которому нагорье подходит обыкновенно не вплотную, а оставляет между собою и рекой низменную полосу земли. В этом, по всей вероятности, и заключается причина того, что Лена имеет тут такое необыкновенно широкое русло и образует массу островов в своём течении. Все эти острова оторваны рекою от левого берега и расположены часто в два и даже в три ряда. Таким образом помимо главного своего русла, почти без исключения прилежащего к правому берегу, Лена имеет здесь ещё два или три побочных рукава, которые нередко отделены друг от друга широкими островами. Только в окрестностях Булуна нагорье и с запада подходит к речному руслу; река тут усеяна лишь немногими островами, становится много уже и сдерживается с обеих сторон крутыми берегами, достигающими 200-300 футов высоты.

Точно так же, как к северу от Оленька, плоскогорье продолжается на восток и к югу от него, с одной стороны между Оленьком и Мархой, а с другой — между этим большим притоком Вилюя и левым берегом самого Вилюя. Кроме того, оно распространяется и на правый берег последнего и идёт, сохраняя тот же характер, на восток приблизительно до Чоны. Отправившись с Вилюя и через область реки Мархи достигший Оленька, а потом и истоков Вилюя, Маак не мог сообщить мне ничего о существовании и преобладании здесь крутых и резко выраженных горных хребтов. Конечно, между отдельными реками имеются и тут водоразделы, но то обстоятельство, что эти гряды расположены между реками одной и той же системы и, наоборот, отсутствуют, например, на пространстве, отделяющем Марху от Оленька, — одно это обстоятельство ясно доказывает, что здесь имеешь дело только с разветвлениями глубоко врезаных речных долин, а не с нагромождёнными на плоскогорье хребтами. Как сильно речные системы переходят одна в другую, можно видеть уже на Маркоке, Алаките и самом верхнем течении Мархи с их притоками, но то же явление встречается и в других местах; за отсутствием у меня данных представить это на карте я, однако, не мог. Маак был единственный образованный человек, посетивший рассматриваемое плоскогорье и имевший возможность сообщить о нём

более подробные сведения, но путь его прорезал плато лишь по одной речной системе. Сам я знаком с краем по левую сторону Вилюя лишь в непосредственной близости к берегу, а потому ничего не могу сказать по собственному опыту; но я слышал от якутов богатого улуса Мархи, что места их обитания далеко распространяются вверх по реке, потому что там имеется большое количество прекрасных лугов и покосов, которые способствуют повсеместному процветанию скотоводства. Скоту в тех местах хорошо живётся, он быстро размножается и мало терпит от ужасной эпидемической болезни — сибирской язвы — потому, что там очень мало болот. Эти заявления тем интереснее и тем важнее, что якуты, будучи природными скотоводами, повсюду предпочитают покрытые хорошою травою равнины и не селятся в большом количестве там, где рельеф почвы не обеспечивает их «хорошею», как они выражаются, «землёю».

С несколько иным рельефом местности встречаемся мы на верхнем течении Вилюя, особенно же между устьем Чоны и местом, расположенным несколько выше впадения в него Билючана. Оба берега реки теряют тут свой плоскогорный характер и являются в виде сильно расчлennной горной страны; река вьётся часто в суженном скалистыми стенами русле, а ровных площадей почти вовсе нет. Дело в том, что истоки и самая верхняя часть течения Нижней Тунгуски сопровождаются сильно раздробленным горным хребтом, который в то же время заставляет идущую параллельно с названной рекой Чону течь сначала на север, а затем на восток. В то время как отрог этого хребта вторично поворачивает Чону на север, главная ось его идёт на восток и простирается уже параллельно Лене и Вилюю. Сначала эта горная цепь ещё довольно скалиста и дика; придерживаясь ближе к правому берегу Вилюя, она придаёт ему характер негостеприимного горного ландшафта, тогда как по направлению к Лене, в долине Ньюи, преобладает равнина. Но далее на восток, приблизительно от Джели и Бири местность очень сильно понижается, а горный подъём становится всё шире и шире и, в конце концов, исчезает в плоскогорье между двух рек. Если подниматься вверх по Бири, а затем спускаться вниз по Джели, то на своём пути приходится переходить лишь один заметный хребет. То же самое замечаешь и на пространстве между истоками Наманы и Кемпендея, на последнем из которых расположены соляные источники, озера и скалы

области Вилюя. Но поднятие тут уже столь постепенно, что складывается впечатление, будто находишься на обширной равнине, а с каждым шагом на восток исчезает всё, что могло бы напоминать о хребте. Таким образом торный путь, по которому едут верхом из Якутска в Вилюйск пролегает уже по совершенно ровной местности и, как можно судить по карте, здесь крайне трудно заметить водоразделы между большим количеством речек, которые приходится переходить. Таков же характер местности и до самого впадения Вилюя в Лену. Поэтому совершенно необъяснимо почему Меглицкому, в его статье о соляных источниках на Кемпендее, могла прийти мысль, что горный подъём между Леной и Вилюем составлял прежде непосредственное продолжение Верхоянского хребта и только впоследствии был отделён от последнего прорвавшей его Леной. Место впадения Вилюя и его ближайшие окрестности, к которым нагорный берег подходит не везде, лежат так низко, что во время весеннего разлива вод можно доставить себе удовольствие и с любого пункта Лены попадать на Вилюй сокращённым путём — прямо по воде. Въезжаешь в Лунху, или, вернее, туда, где предполагается её устье — полая вода успела его замаскировать — едешь через затопленные долины в Мунгур, с него в Бергете, а по левому притоку последней, Кырге, достигаешь Вилюя. Действительно, если окинешь взором ту обширную низменность, а затем взглянешь на громадные колоссы — расположенные на правом берегу Лены отроги Верхоянского хребта, — лежащие против устья имеющего тут до пятнадцати вёрст ширины и лишённого островов Вилюя, то может прийти в голову всё, что угодно, кроме предположения о прорыве мощного барьера на этом месте, где ровно ничего не приходилось прорывать. Прежде, как и до сегодняшнего дня, шумно спускалась вдоль той великой стены всего одна маленькая речка.

Рассмотрением рельефа страны между Вилюем и Леной заканчивается обзор подъёмов земной коры и хребтов, прорезающих Якутскую область по всевозможным направлениям и придающих ей характер скорее горной страны, чем низменности. Как видит читатель не многое сюда относящееся известно нам в точности, а для страны к западу от Лены данные оказались прямо-таки недостаточными и неудовлетворительными. Прежде, чем перейти к несравненно лучше исследованным речным системам, необходимо бросить беглый взгляд на равнины и связанные с ними озёрные бассейны. До сих пор мы касались их мало,

потому что мне казалось более наглядным рассмотреть равнины собственно, как плоскогорья, так и низменности, вместе.

Начнём с побережья Ледовитого океана, омывающего нашу область на громадном протяжении. Что касается до части его, лежащей между Анабаром и устьем Оленька, то про неё мы никак не можем сказать, чтобы она являлась низменной равниной; действительно, выше мы уже заметили, что тут к морскому побережью подходит плоскогорье, хотя абсолютная высота его здесь и несколько ниже, чем на юге. Но к востоку от Лены берег моря низменный и остаётся таковым вплоть до мыса Святого Носа. Хребет, который сопровождает Лену по её правому берегу и носит, приблизительно на широте Булуна, имя Хара-Улаха, в том месте уже не широк, а гребень его не отличается высотой. Он состоит из ряда чёрных конусообразных гор, которые и дали, по всей вероятности, название хребту, потому что «хара» по-якутски значит чёрный. Этот чёрный цвет сохраняют они и зимою, — бури свирепствуют тут обыкновенно с такою силою, что сносят снег, и скалы остаются голыми. Но в скором времени оканчиваются и эти горы, а затем между морем с одной стороны и Куларским хребтом с другой простирается на восток обширная низменность, переходящая за Лену и идущая непрерывно до самой Индигирки. Низменность эта представляет собою необозримую и однообразную тундру (7). На пространстве до Яны равнина, как уже сказано, непосредственно прилегает к морю, к востоку же от этой реки, часть равнины отделяется от моря незначительной грядой, которая поднимается к югу от Святого Носа. Впрочем, это возвышение поверхности прерывает однообразие ненадолго и к востоку от него, на всём пространстве от моря до Полоусного хребта, не встречаешь ничего кроме тундровой низменности. Даже Русское Устье, точно так же, как и все другие русские селения в дельте Индигирки, расположено в тундре.

К востоку от Индигирки низменность тянется также вдоль побережья Ледовитого океана, но к югу простирается только до рассмотренной уже нами горной цепи, лежащей между Пелевым хребтом и Кигелях-Тасом и в конце концов переходящей в волнистую местность, достигающую Большой Чукочьей. Как мы впоследствии увидим, и к югу от указанной тут горной цепи расположена обширная тундра, но в виду её совершенно иного характера о ней будет говорить в другом месте. В

самом восточном углу материка, от Колымы к востоку, нет уже низменности подступающей к морю. В тех местах этой страны, где нет крутого скалистого берега, побережье все же быстро поднимается в плоскую возвышенность, которая, насколько мне известно, идёт вплоть до Анадырского хребта. Местами она покрыта моховою тундрой, но большею частью настоящим кочковатым болотом, носящим название калтуса.

Покинем теперь морское побережье и непосредственно прилегающую к нему полосу земли и отправимся к югу, в глубь страны. Тут, к западу от Лены, мы найдём обширного протяжения плоскую возвышенность, о которой нам, однако, почти ничего не известно. Действительно, кроме Чекановского и Миллера там не было ни одного мыслящего человека, да и эти путешественники, будучи принуждены спускаться на плоту по Оленьку, не много ознакомились со страной. Из их сообщений можно вывести, собственно говоря, лишь то, что она представляет собою сплошное плоскогорье, но мы даже с приблизительной точностью не знаем, нагромождены ли на последнее хребты, и если да, то как они там идут.

Иначе обстоит дело к востоку от Лены. Для пространства от этой последней реки до Колымы и её бассейна мы имеем в распоряжении уже столько сведений и расспросного материала, что можем составить себе представление о характере поверхности страны, хотя и не в состоянии ещё дать подробную карту местности. Обширная область, ограниченная на западе Орулганом, а далее к северу хребтом Хара-Улахом, на восток же Колымским хребтом и его отрогами, разделяется на две почти равные по протяжению, но резко отличающиеся друг от друга части; одна из них лежит к западу от Тас-Хаяхтаха и Кёх-Таса, другая же к востоку. Обе части, правда, отделены от моря хребтом, но характер поверхности к югу от этого водораздела в западной половине совершенно иной, чем в восточной. Низменность, простирающаяся к северу от Куларского хребта и доходящая до моря, разом прекращается у этой возвышенности, которая представляет собою настоящий крайний хребет. Местность к югу от него расположена уже с самого начала на значительно большей абсолютной высоте и от хребта повышается очень постепенно, но всё же настолько сильно, что гребень Верхоянского хребта господствует лишь незначительно над плоской возвышенностью, расстилающейся у его подошвы. Мы встречаемся с тем же самым явлением как к

западу, так и к востоку от Яны, — тут, как и там мы имеем перед собою постепенно возвышающуюся, сухую и ровную местность. Реки и озёра находятся здесь повсюду, но излишней почвенной влаги между Орулганом и Тас-Хаяхтахом не наблюдается.

Если же мы взглянем теперь на страну к востоку от Тас-Хаяхтаха, то окажется, что тут нет крайнего хребта, который отделял бы тундру побережья Ледовитого океана от низменности, лежащей к югу от неё. К западу от Индигирки расположена, правда, перед хребтом, идущим под именем Полоусного от Жанкы на Яне до Индигирки, тундра несравненно большего протяжения, чем та, которая простирается на восток от этой реки. Точно также, названный хребет много больше и особенно много шире, чем меридионально идущий отрог Пелевого хребта. Далее, как Тас-Хаяхтах, так и Кёх-Тас оба имеют перед собою к востоку горную страну значительного протяжения. Но всё это, однако, не препятствует быстрому спаданию названных хребтов и образованию к западу от Индигирки совершенно такой же низменности, какая существует к востоку от реки и от сопровождающего её Пелевого хребта; вся разница только в том, что первая низменность несравненно меньше, чем последняя. Действительно, если мы взглянем на карту, то заметим, что низина эта вдоль Уяндины занимает, собственно говоря, только область последней реки, а затем тянется до левого берега нижнего течения Селегняха. На востоке же тундра побережья Ледовитого океана, едва прерванная к востоку от Алазеи хребтом и отделяющеюся от него цепью холмов, продолжается в южном направлении и образует низменность, идущую от Пелевого хребта до Колымы, а южнее от правого берега Индигирки до первой из названных рек. Этот низинный характер страны между восточным склоном хребта и великой рекой нисколько не нарушается и Томус-Хаей, которая представляет собою лишь незначительную возвышенность. По направлению же с севера на юг низменность эта простирается до самого Оймяконского нагорья, которое на пространстве от правого берега Индигирки до Томус-Хаи спадает к равнине в виде крутого склона. Обе же части, к западу и к востоку от Индигирки, вместе взятые образуют одну низменность таких громадных размеров, что мы нигде в пределах Якутской области не находим подобной ей другой. В том же виде должна представляться уже прежде нами рассмотренная низменность, лежащая к северу от Полоусного хребта и идущая

до Святого Носа; действительно, мы находим там не только сильное развитие низменных пространств, но и большое количество озёр; впрочем, последних тут (как мне по крайней мере показалось проездом в очень холодное зимнее время) не так много, как между Тас-Хаяхтахом и Колымой. Озёрная же область, которая расположена по обе стороны нижнего течения Вилюя и речь о которой скоро пойдёт, носит, по моему мнению, совершенно иной характер, чем занимающая нас в настоящее время.

Итак, мы имеем здесь дело с необъятной низменностью: когда мы взобрались на перевал Хилимилнгя или Хелимилнгя, то увидали на востоке массу горных вершин, на юго-западе длинную цепь снежных гор, составлявшую Пелевой хребет, а на юго-востоке нашим взорам представилась абсолютно плоская, бесконечного протяжения равнина. Контраст был до такой степени поразителен, что даже мои вовсе не предававшиеся созерцанию природы проводники пришли в некоторый энтузиазм и стали в конце концов предполагать, что видят пункты, которых с высоты 1200 футов видеть было положительно невозможно. Им казалось, что они узнают между прочим озёра у Энджи и Ярмонги, двух известных привалов на пути от Индигирки в Среднеколымск. Но даже при допущении абсолютной ровности места рассмотреть их с Хелимилнгя было нельзя уже в силу шарообразности земли, — они должны были располагаться под горизонтом. Впечатление чего-то бесконечного, безграничного было тут тем сильнее, что оно вовсе не сознавалось, когда мы незадолго перед тем проходили равнину верхом с юга на север.

Но эта широко раскинутая страна представляет собою скорее котловину, чем равнину, потому что она повсюду повышается от своей середины к краям; тому-же обстоятельству нужно главным образом приписать и встречающееся тут на каждом шагу необыкновенное богатство местности озёрами. На карте изобразить последнее, конечно, не удалось, так как нанести на неё можно было лишь то, что мы непосредственно видели во время нашего путешествия; поэтому на ней указаны только вереницы озёр. В этом отношении карта моя несколько отличается от карты Генерального Штаба: на последней сделана ошибка, которая сама по себе легко объяснима, но тем не менее нарушает общую картину и делает её несоответственной действительности. Дело в том, что в Петербурге кроме маршрута топографа нашей экспедиции, Афонась-

ева, получили ещё и начерченную мною карту. Вследствие этого сложилось убеждение, что на пространстве между Селегняхом и Индигиркой оба мы снимали одну и ту же дорогу. Но в виду того, что чертежи наши не сходились, нас пробовали согласовать и по возможности старались свести расходящиеся наши показания к одному. На самом же деле Афонасьев и я шли двумя различными путями: от Селегняха он направился через Абый к Индигирке, а я, почти двумя годами позже, от Уяндины через Абый к Селегняху. Таким образом с одной стороны пути наши от Абые на восток были различны, а с другой, если мы и имели между Абыем и Селегняхом одинаковые конечные пункты, то из этого вовсе ещё не следовало, что мы придерживались одной и той же дороги. Европейец постоянно позабывает, что в отдалённых частях Сибири, т.е. во всей Якутской области, под именем дороги подразумевается только направление пути, а потому соединяемое с этим именем понятие об определённой линии, по которой приходится идти, должно быть совершенно выкинуто. Это становится ясным из моей маленькой пояснительной карточки, где нанесены пути Афонасьева и мой. На некоторых привалах, как видно, наши дороги соприкасаются, в других же местах они отклоняются часто довольно далеко одна от другой, смотря по тому, как подходило вести нас нашим, в данном случае ничем не стесняемым, проводникам.

Но как раз оба наши пути, в том виде как мы их сняли, прекрасно демонстрируют множество находящихся там озёр. Люди, вели нас, как уже сказано, как находили для себя более удобным: мы ставили условием лишь конечный пункт, у них же был только один интерес — найти по возможности ровную дорогу и хорошие пастбища. Между тем оказалось, какое направление они ни выбирали, всюду приходилось переходить одно и то же количество озёр. Таким образом весьма распространённое там мнение, что между Индигиркой и Селегняхом можно ехать по какому угодно направлению и встретить при этом повсюду одно и то же количество озёр вплоть до левого берега нижнего течения Селегняха, — мнение это оказывается совершенно справедливым.

То же самое явление замечается и между Уяндиной и Похвальным. На карте, правда, нанесены здесь только озёра Ожогинское или Тыгымей-Кёль и Эджегей, да ещё ряд мелких озерков между двумя названными. Но следует заметить, что сам я встретил сухую лесную почву только на

пространстве между Индигиркой и Ожогинским озером (8), на всём же остальном нам приходилось постоянно бороться с массой озёр и болотистых трясин и мы не знали, как нам среди них пробираться. В виду того, что эту часть пути мы ещё шли пешком, а не ехали, проводники всячески старались выискивать сухие места, а потому по возможности избегали более крупных озёр. Благодаря этому мой маршрут шёл только по таким мелким озеркам, которые при малом масштабе изобразить не удалось. Но общий характер страны немного отличается, как уже сказано, от того, который наблюдается между Уяндиной и нижним течением Селегняха. Во всяком случае, однако, нужно сказать, что между Ожогинским озером и Уяндиной всё же ещё больше земли, чем воды, от последней же реки до нижнего течения Селегняха положительно не знаешь, которая из них преобладает. Горизонтальный или, вернее, котловинный характер поверхности этой страны влечёт за собою то обстоятельство, что встречающиеся тут воды большою частью стоячие — озёра, пруды и лужи, текущих же почти нет. Во всей этой области мы встречаем лишь слабо развитые системы рек; на пространстве между Уяндиной и Селегняхом в обе эти реки течёт мало притоков: в Индигирку впадает только одна, река Спасская или Дурунгуна, система Алазеи не имеет притоков, а левый берег Колымы, начиная от Среднеколымска, тоже очень беден устьями рек. Несмотря на это почти каждое озеро имеет свой приток и свой отток, и если на пространстве между Селегняхом и Индигиркой последние нас не затрудняли и остались нами незамеченными, то только потому, что как Афонасьев, так и я путешествовали зимою. С Колымы же на Ковчечью ехал я летом, а потому постоянно имел дело с бесчисленным количеством висок (9), соединявших озёра друг с другом и бороздивших местность.

Если мы теперь отправимся к югу и перейдём за широту Верхоянского хребта, то тут мы уже не встретим мест, лежащих на такой малой абсолютной высоте, как на севере. Мы находим здесь также равнины, но все они приближаются к типу плоских возвышенностей, так как они, по всей вероятности, не ниже 600 футов абсолютной высоты. Единственное исключение представляет разве только низменность, расстилающаяся по нижнему течению Вилюя и простирающаяся от впадения этой реки в Лену до места, расположенного приблизительно в ста верстах

ниже города Вилюйска. Здесь мы снова встречаемся с большим количеством озёр и других водных бассейнов, которых тут не меньше, чем между Уяндиной и Селегняхом. Но тут мы имеем дело, по-видимому, не с *одной* низменностью, самое глубокое место которой занимает течение реки, а скорее с двумя вдавлениями поверхности, из которых одно лежит на правом берегу Вилюя вокруг большего озера Неджели, а другое на левом берегу реки и имеет самым глубоким своим местом озеро Ма-стах. Дело в том, что не следует упускать из внимания, что самое нижнее течение Вилюя обставлено далеко не повсюду низкими берегами, а сопровождается, иногда на довольно большом протяжении и часто одновременно на обоих берегах, крутыми обрывами, достигающими значительной высоты. Таким образом, сток воды в этих местах очень слаб, отчего, по всей вероятности, и зависят как болотистость и нездоровье этой местности, так и гнилостные вкус и запах самой воды. Это та самая местность, где свила себе постоянное гнездо проказа, о которой в последнее время так много говорят, и которая причиняет такие опустошения среди несчастных туземцев, что они часто покидают места своего жительства и переселяются в другие улусы Вилюйского округа.

На правом берегу Лены, между этою рекою и самым нижним течением Алдана, находится кроме того ещё один сравнительно невысокий участок. Ограниченный в виде треугольника слиянием Алдана с Леной и линией, мысленно проведённою от устья Тори к устью Тукулана, он не представляет собою, правда, низменности подобной той, которая расстилается вдоль нижнего течения Вилюя, а скорее является первой низкой террасой расположенной перед ним возвышенности. Эта низменная терраса не ограничивается одним левым берегом Алдана, а распространяется на пространстве между Леной и устьем Тукулана также и на правый его берег, где занимает узкую полосу земли.

Но этим участком и исчерпываются все низменности рассматриваемой области. Великие реки, каковы Лена, Алдан и Вилюй почти вовсе не имеют низких берегов, а если таковые время от времени и встречаются, как, например, вокруг Якутска, то занимают очень небольшие пространства. Во всех прочих местах берег круто поднимается от самой реки на высоту двух- или трёхсот футов и затем переходил в обширную равнину, занимающую всю местность между Леной и Вилюем к востоку от Бири; на левом берегу Вилюя она далеко распространяется вверх по

Мархе и Тьюну, а на правом берегу Лены вплоть до Амги. На левом берегу Лены и на обоих берегах Вилюя эта, достигающая высоты 600-700 футов, равнина идёт, по всей вероятности, ещё далее вверх по рекам, но посередине между последними поднимается уже хребет с резко наметченным гребнем; таким образом равнина тут уже не тянется непрерывно от реки до реки. Рассматриваемая здесь широко раскинувшаяся равнина представляет собою прекрасную культурную местность, являющуюся в настоящее время главным местом обитания якутов. Последние населяют её сравнительно густо и находят в ней область, наиболее соответствующую их теперешним бытовым потребностям.

Из плоскогорий в настоящем смысле этого слова, т.е. из таких, которые возвышаются над поверхностью моря от двух до трёх тысяч футов, мы имеем в настоящее время некоторые сведения только об Оймяконской плоской возвышенности и о долине самого верхнего течения Чары, — о так называемой Кёскёмде. Как велико Оймяконское нагорье и какая часть его занята нагромождёнными на него хребтами мы ещё не знаем и должны возложить свои надежды в этом отношении на будущее. Кёскёмдская долина, раскинувшаяся по обе стороны верхнего течения Чары, имеет, по-видимому, приблизительно 200 вёрст в длину и до 30, а местами до 40 вёрст ширины; в нижнем же течении этой реки, однако, как и у большинства остальных рек Якутской области, долина развита очень слабо.

Что касается изображения рассмотренных нами низменностей, равнин и плоских возвышенностей на карте, то должно сознаться, что оно оставляет многого желать. Во-первых, благодаря слишком малому масштабу нельзя было изобразить все те озёра, которые сделались известны; кроме того, в размеры их, по всей вероятности, вкралось много неточностей, потому что определение их делалось большею частью глазомерно, хотя и с помощью якутских и тунгусских данных. Но якуты и тунгусы являются в этом отношении очень плохими помощниками, так как они, собственно говоря, не имеют ровно никакого понятия о такого рода оценке. Так, например, инородец иногда поразительно верно оценивает величину известного покоса, но он кладёт в основание своего суждения всегда лишь то количество сена, которое он может получить с него в хороший и худой годы. Уже много недостаточнее определяется им величина поверхности выгона, где он пасёт своё стадо, но который

никогда не косился. Ещё хуже его понятие о пространстве известной водной поверхности: в этих случаях он большею частью ограничивается тем, что указывает длину береговой линии и форму водоёма, круглый он или продолговатый; по этим данным уже сам делаешь вычисление поверхности. Последнее само по себе ещё не имело бы никаких особенных неудобств, если бы только при этом не приходилось сталкиваться с затруднениями, зависящими оттого, что якутская мера пути, кёс, является, собственно говоря, как уже пояснено в первом томе настоящего труда, скорее мерою времени, чем мерою длины. Если же принять в расчёт, что берега озёр могут быть либо сухи и хорошо проходимы верхом, либо болотисты и непроходимы, то легко понять, что тем самым якуту даётся полная возможность делать крайне противоречивые, изменчивые указания.

Возвращаясь к выполнению моей карты, я должен указать ещё на то, что раскраска возвышений поверхности страны вышла на ней очень неудовлетворительной; с одной стороны, давало себя чувствовать в этом отношении недостаточное число предоставленных в моё распоряжение тонов, а с другой — большое расстояние, отделявшее меня от места печатания карты. Но всё, что касается возвышений земной коры, основано, как уже мною раньше выяснено, только на приблизительной оценке, а не на измерении высот. Лишь изредка делались прямые определения отдельных высот, да и то вряд ли где-либо с полной точностью, промеров же целого хребта на всём его протяжении никто и никогда не производил в действительности. При таких условиях и более точное изображение на карте не имело бы ровно никакой цены.

Иначе дело обстоит с очертаниями морей и с линиями, обозначающими направление рек. На моей карте они всюду нанесены в виде непрерывных линий и, следовательно, как побережья, так и реки могут быть сочтены за точно исследованные и правильно нанесённые, потому что обыкновенно во всех сомнительных случаях их принято изображать пунктиром. Вследствие этого я считаю безусловно необходимым, во избежание с самого начала недоразумений, категорическим образом заявить, что при исполнении моей карты этого правила не придерживались. Непрерывные линии приняты тут только потому, что чертить их проще, а карта при них становится нагляднее и красивее с виду. Чтобы дать, однако, пользующемуся картою возможность легче судить о той

степени доверия, с которой он может относиться к различным частям её, я составил особую обзорную карточку. Последняя имеет целью, с одной стороны, указать все находящиеся в области астрономические пункты, а с другой — на неё нанесены маршруты путешественников, имевших возможность делать, да в большинстве случаев действительно и делавших, топографические съёмки.

Что касается, теперь, астрономически определённых пунктов, то нет, конечно, сомнения в том, что список их много точнее и определённое, чем изображение на карточке такого малого масштаба. В списке их, помимо того, больше, чем можно было привести на карточке. На северном побережье, например, их так много, и они так близко расположены друг к другу, что нанести их всех оказалось невозможным. Точно также пришлось опустить на карте все те пункты, которых определена только широта и ограничиться нанесением лишь тех, где определены обе координаты. Но названная карточка имеет исключительно целью облегчить обзор и наглядно, графически представить, насколько мало принесло пользы картографии нашей области даже вовсе не незначительное само по себе число астрономически определённых пунктов. Из общего числа астрономически определённых по обоим координатам мест на долю побережья Ледовитого океана приходится почти сто, а на острова приблизительно тридцать. Таким образом немного менее половины самого достоверного из имеющегося в нашем распоряжении материала пошло на определение положения самых негостеприимных и непроизводительных местностей; остальная же, несколько большая часть достоверно определённых пунктов разбросана крайне неравномерно и при том очень невыгодно по тому обширному району, который носит название Якутской области.

Не много лучше обстоит дело и с маршрутами. С одной стороны, они оставляют между собою обширные участки, никогда не посещавшиеся мыслящим и образованным человеком, а с другой стороны, по известным направлениям их так много, что на самых торных путях некоторые из маршрутов пришлось опустить на карточке просто потому, что не оставалось уже места для нанесения их. Если же мы просмотрим карточку несколько подробнее, принимая в расчёт текст настоящей пояснительной записки, то мы легко убедимся, как незначительно число рек, с которых в действительности сделана съёмка даже при помощи

пель-компаса, т.е. ещё самым примитивным способом Мы имеем по этому полное право сказать, что если бы вовсе неисследованные или исследованные недостаточно реки были изображены обыкновенно в этом случае употребляемыми пунктирными линиями, то почти всю речную сеть пришлось бы чертить таким способом. В самом деле, только крайне незначительное, почти теряющееся в массе, число рек исследованию настолько, что может быть окончательно нанесено на карту.

Итак, для суждения о надёжности большой, изображённой на двух листах, карты безусловно необходимо принимать в расчёт малую обзорную карточку.

Помимо перечня астрономически определённых пунктов, к картам приложен, как уже раньше упоминалось, систематически составленный список рек в виду того, что надписать на карте все имена рек оказалось невозможным. Но желая сделать этот список легко понятным и, что важнее всего, в то же время наглядным, я наткнулся на такие необыкновенные затруднения, каких не предвидел и которые остаются вовсе непонятными, если имеешь дело с сетью европейских рек. Дело в том, что при необыкновенной длине сибирских рек, особенно же могучей Лены, система их притоков достигает громадного развития. С самого начала предполагалось реки первой величины, т.е. такие, которые впадают в море, оставлять вовсе без пометки, непосредственно же в них впадающие притоки отмечать римскими цифрами (I, II, ...), притоки этих последних обозначать арабскими цифрами (1, 2, 3, ...), следующие за тем метить через а, b, с..., далее α , β , γ ..., потом комбинировать латинский алфавит — aa, bb, ... и, наконец, греческий $\alpha\alpha$, $\beta\beta$, $\gamma\gamma$, При этом выяснилось, что число таких категорий притоков доходит до семи и даже, как можно убедиться из списка на стр. 17, до восьми, причём последнюю категорию пришлось обозначить через aaa, bbb, Для наглядности было бы, понятно, лучше всего, если бы каждая категория приходилась в одной и той же вертикальной графе; так я и составил свою таблицу в манускрипте. Но оказалось, что ширина нужных для подобных таблиц листов бумаги достигала слишком больших размеров и печатание их сделалось технически невозможным. Чтобы помочь этому горю, впоследствии стали удерживать вертикальные графы на каждой отдельной странице, но распределяли их на различных страницах иначе, пере-

двигая то более вправо, то более влево, смотря по надобности и по степени развития речной сети. При всех этих изменениях, однако, было всегда соблюдено одно правило, и оно удержано на всех страницах: река первой, впадающей в море, категории помещена всегда в середине раскрытой таблицы (на линии, делящей печатный лист вертикально пополам) и вся система её правых притоков помещалась на правой половине таблицы, тогда как левые притоки приходились на левую половину. Таким образом начиная с 10 страницы левые страницы 12, 14 и т.д. остаются пустыми, потому что на странице 8 система левых притоков Лены закончилась 79-м по счёту притоком её — Гот-Юряхом, тогда как система правых притоков только начинается Олёкмой, шестнадцатым по счёту правым притоком великой реки.

Что же касается, теперь, самого обозначения притоков, то перед каждым из них выставлена соответствующая ему категория и тем избегнуто заключение в скобки. Обозначение начинается всегда с истока реки и распространяется по направлению к устью. В отношении цифр, как римских, так и арабских, ограничений тут конечно никаких нет, но если кончался алфавит, а притоки ещё оставались, то он возобновлялся со значком, т.е. а', b', c'..., так что а' следует за z и ω. Имея это в виду, вовсе не трудно ориентироваться по таблицам и на карте. Так, например, на стр. 17 мы находим реку **ссс** Деринг-Юрях таким способом: эта река есть третий левый приток Мылама, который в свою очередь является вторым левым притоком **ее** Удыма или Юдыма, впадающим справа пятым по числу в **ζ** Алгому — шестой правый приток **s** Конама или Гонама, который есть восемнадцатый левый приток **28** Учюра, являющегося двадцать восьмым правым притоком **LV** Алдана, представляющегося в свою очередь пятьдесят пятым правым же притоком Лены, впадающей в Ледовитый океан. Но названия рек повторяются несколько раз — в тексте, на карте и в списке, а потому было несколько затруднительно держать корректуры так, чтобы повсюду было однообразие в их транскрипции. Дело в том, что благодаря большому расстоянию, отделявшему меня от места печатания, мне никогда не удавалось иметь для просмотра и сверки одновременно и карту, и текст, и список рек. Вследствие этого не исключена возможность того, что кое-где ошибки не были исправлены. Это тем более возможно, что сохранить одну и ту же транскрипцию для всех имён очень трудно. Во-первых, произношение

инородцев не всегда можно выразить употребляемыми нами письменными знаками; так, например, посредством последних мы вовсе не можем передать многие гортанные звуки якутов, тунгусов и чукчей. Во-вторых, самый выговор и произношение далеко не постоянны и изменчивы, причём часто изменяются не только гласные, но и согласные буквы. В произношении отдельных лиц сплошь и рядом не отличишь слово *Бёрёлах* от *Борулах*, *киги* и *киси* звучат одинаково; точно также *от* (сено) и *уот* (огонь) различимы только привычным уже ухом; свежему человеку едва выговариваемый, средний между *у* и *о* звук перед *о* в слове *уот* (огонь) едва ли внятен, а таких примеров можно было бы привести целую массу. Громадное большинство расспросных сведений собирал я один уже потому, что ездил почти всегда один; в Земле же Чукчей мы расспрашивали о названиях вчетвером, и здесь не редко случалось, что при сличении собранного нами в течение дня материала, оказывались противоречия в том, что мы слышали. Мало того, не редко все мы четверо оставались при отдельном мнении даже тогда, когда удавалось переспросить лицо, дававшее показание относительно названия, в общем, так сказать, присутствии: все мы толковали слышанное различно.

Но такого рода фонетические несогласия составляли бы ещё полбеды, потому что названия *курумь* или *курум*, *кугагун* или *кусаган*, *бутантай* или *бытантай* решительно безразличны: они не поставят путешественника в затруднение на месте и в конце концов карта даст ему возможность ориентироваться. Много уже труднее бывает разобраться, а иногда прямо-таки сбиваешься с толку, в тех случаях, если какой-либо водоём или хребет носят несколько названий: тут далеко не всегда можешь согласовать то, которое узнаёшь на месте с именем, принятым на карте. В настоящее время, правда, обыкновенно принято удерживать название, первоначально данное какой-либо реке, горе или урочищу преобладающим в данной области племенем; все другие племена им уже и пользуются. Так, например, якуты окрестили реку, которая впадает в Вилюй несколько ниже Сунтарской церкви и на берегах которой выступают мощные соляные залежи, — Кемпендеем; как русские, так и тунгусы пользуются этим названием потому, что река течёт по области с древнейших времён занятой якутами, где одни они, как принято вы-

ражаться, у себя дома. Иное дело, если какое-либо урочище расположено, так сказать, на нейтральной почве, т.е. в местности, где одновременно сходятся несколько племён. Так, реку, на которой я нашёл остаток шкуры мамонта, русские зовут Ковчечьей, якуты Хомос-Ыряхом, тунгусы опять иначе, хотя названия последних я и не нахожу в своих заметках. Невдалеке от неё находится гора, именуемая якутами Сор-Джетя; русские просто переводят это название и получается Воронье гнездо; тунгусы же окрестили её Кемо-Дауром. К западу от пика Албей поднимается гора, называемая по-якутски Сурах-Тасом, а по-тунгусски Мегоном; специально-русского названия она не имела, я узнал только, что в переводе какое-то из них означает Сердце-камень; я не мог добиться наверное, относится ли этот перевод к обоим или только к одному из инородческих имён. Проводниками в данном случае я имел одновременно якутов, русских и тунгусов, а потому мог записать различные названия. Но это чистое исключение, потому что обыкновенно имеешь лишь одного проводника, который крайне редко знаком с наименованиями других племён. К каким последствиям приводит это, можно легко убедиться, если сравнить имена рек, текущих к востоку от меридиана Охотска (как впадающих в море, так и притоков Колымы) на карте Генерального Штаба с названиями, принятыми для тех же рек на моей карте. Те, которые текут в Ледовитый океан, носят большую частью на обеих картах одни и те же наименования. Но впадающие в Колыму реки называются часто совершенно различно и во избежание недоразумений мне не оставалось ничего иного, как прибавить в скобках также и другие названия.

Причина разногласия заключается в следующем. Генеральный Штаб взял в основание старинную карту, номенклатура которой установлена Козминым и другими моряками, преимущественно пользовавшимися услугами якутских проводников. Я, с другой стороны, руководствовался, если и очень грубо исполненной, то всё же очень наглядной и вселяющей большое доверие картой, черченной Чихачевым от руки; последний же во время своего путешествия от Охотска в Гижигинск встретился на Каве или на Тауе с тунгусами, жившими по верхнему течению Колымы и спустившимися к морю с целью сделать запасы рыбного продовольствия на зиму. Чихачев заставлял их описывать как они умели вид и характер страны, расположенной между морским побережьем и

Оймяконским нагорьем и при их содействии им и была составлена упоминаемая тут карта. Этим людям были известны только тунгусские названия: те из них, которые относились к рекам, впадающим в море, Чихачёву легко было идентифицировать с названиями, употребляемыми на месте, но для притоков Колымы он должен был ограничиться лишь теми, которые узнавал от тунгусов. Когда я, принявшись за обработку названной части области, стал сверять обе карты, то мне стоило больших трудов согласовать старинные названия (которые тоже, ведь, были собраны путём расспросов и не могли быть, следовательно, игнорированы) с теми, которые давали тунгусы. В виду этого я не нашёл никакого иного исхода, как отождествлять реки по их положению и, оставляя им старинные названия, прибавлять к ним в скобках тунгусские. Удобен ли придуманный мной исход придётся решить будущим путешественникам уже на месте.

Но бывают ещё случаи, когда становится положительно невозможным идентифицировать различно звучащие названия. Это, правда, касается большею частью лишь очень древних имён и преимущественно имеет место при разборе старинных архивных свитков. Несмотря на массу кропотливого труда и на самые тщательные розыски и исследования, я должен был отложить в сторону эти старинные указания. Мне не удалось разыскать ни один из приводимых там маршрутов потому, что я находил в них названия рек и гор, которые никому не были знакомы и не могли быть приурочены к уже известным. Конечно, это всегда относится исключительно к тем случаям, когда дело касается нейтральной области, т.е. такой, которая не служит постоянным местом жительства ни якуту, ни русскому, а потому становится тем очевиднее, что мы не в состоянии помочь себе в раскрытии этой загадки по крайней мере в настоящее время, при наших теперешних вспомогательных средствах Дело в том, что всё тут сказанное находится в связи с той невероятной лёгкостью, с которою сибирские бродячие племена, покидают своё место жительства и переселяются с целью охоты и рыбной ловли в другие местности. То, что отдельный охотник постоянно странствует со своею семьёй и что, собственно говоря, никогда нельзя сказать, где такой-то разбил в данное время свою урасу, — это, конечно, никого не удивляет, никто, понятно, не станет терять по поводу этого

слов, потому что такое явление наблюдается повседневно. Но даже теперь ещё нередки случаи, когда целые роды покидают свои охотничьи участки и уходят из области, чтобы по крайней мере на первых порах в неё уже не возвращаться. Они не считают нужным ни указывать причины, побудившие их к этому, ни пояснять свои намерения. Об уходе какого-нибудь рода из Вилюйского, например, округа узнаёшь обыкновенно тогда, когда в течение года или двух лет староста его не является в Вилюйск для уплаты ясака и за получением пороха и свинца. Окружное управление в этих случаях обыкновенно доносит в Якутск, что, по всем видимостям, такой-то род переменил место своего жительства и выселился из округа. Но через известный промежуток времени приходит уведомление от какого-либо другого окружного управления, иногда той же самой губернии, но сплошь и рядом какой-нибудь другой, что оно, т.е. управление, получило и сдало куда следует, ясак от такого-то рода, который прежде платил его в Вилюйске. На этом дело тогда и кончается. Благодаря такому лёгкому передвижению инородцев иногда очень обширная область может оставаться на более или менее продолжительное время абсолютно лишённой человеческого населения. Действительно, если выселение из неё, как это в громадном большинстве случаев бывает, обусловлено продолжительной неудачей в охоте и в рыбной ловле, то её станут избегать и другие роды, так что область, как уже сказано, может совершенно запустеть. Если же такая местность снова станет посещаться, то новые пришельцы принесут с собою и новые названия мест и урочищ. Вследствие этого-то маршруты, составленные по старинным расспросным сведениям, впоследствии и могут быть совершенно негодными.

Названия, приводимые на моей карте и в таблице рек, часто взяты из расспросных сведений, собиравшихся как мною самим, так и моими спутниками. Но для южной части карты, особенно для обширной области притоков Алдана и соседних рек, я пользовался картою Шварца и ещё более картою Крутикова, так как Шварц нанёс на свою не весь материал, который даёт первый. Как видно из вышеизложенного, приходится допустить, что как бы тщательно ни была исполнена эта работа, а всё же путешественник может очутиться в положении, когда ему не удастся узнать от ведущего его туземца название, которое отмечено на

карте. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении окажется, что он все не обречён оставаться в полнейшем неведении местности, в которой он находится. То или другое из названий урочищ может быть непонятным в силу того, что оно происходит от неизвестного проводнику племени, но если назвать целый ряд имён или порасспросить несколько различных лиц, то, как доказывает опыт, всегда есть возможность добиться желаемого и, таким образом, ориентироваться. Ни в каком случае, однако, не следует прибегать к слишком древним наименованиям, потому что они часто остаются совершенно непонятными проводникам, сколько ни тратить трудов на их разъяснение.

В общем, как очертание побережий и островов, так и сеть речных систем моей карты сходны с таковыми же карты С.-Петербургского Генерального Штаба; это вполне понятно ввиду того, что моя карта вообще возникла на её основе. Те случаи, где мне пришлось сделать изменения в речных системах, будут оговорены мною при рассмотрении отдельных рек; здесь же я считаю необходимым указать на изменения, принятые мною в очертаниях некоторых островов.

Когда я стал наносить на свою карту астрономические пункты, относящиеся к большому острову Котельному, то выяснилось, что размеры его совершенно иные, чем те, которые приняты на карте Генерального Штаба. Северный берег его вполне соответствует астрономической съёмке, мыс же Медвежий на южном конце острова по съёмке Анжу расположен на $156^{\circ}16'45''$ в.д. и на $74^{\circ}50'13''$ с.ш, а на карте Генерального Штаба имеет долготу $157^{\circ}16'$ и шпроту $74^{\circ}38'$, — иными словами он лежит южнее и восточнее, чем установлено съёмкой. Благодаря этому остров Котельный спускается далее к югу, чем остров Новая Сибирь, а между тем самая южная точка последнего лежит по Анжу на $73^{\circ}43'$.

Точно также и остров Малый отодвинут на штабской карте дальше к востоку, чем то допускает определение самой западной его точки. Когда я изучал в Гидрографическом Департаменте в С.-Петербурге многочисленные наброски и чертежи, оставшиеся после Анжу, то к величайшему моему удивлению убедился, что и старинные чертёжники нанесли мыс Медвежий и остров Малый на те же точки сети, где они помещены на карте Генерального Штаба. Упомянутые лица, таким образом, должны были иметь, по-видимому, какие-нибудь основания, доверяя своим

маршрутам больше, чем отдельным, но сделанным ими же астрономическим определениям; такого взгляда и придерживался Главный Штаб. По здоровом обсуждении, однако, я не мог решиться сделать то же самое, но без всяких колебаний отдал безусловное предпочтение астрономическому пункту и тем более, что не было никакого основательного доказательства, что определение это не надёжно и негодно. Нельзя, правда, отрицать того факта, что определение долгот на крайнем севере делать очень затруднительно и что оно не удаётся часто даже тогда, когда прилагается наиболее достижимая в таких путешествиях тщательность; но решать это — уже дело самого наблюдателя и мы всегда в праве от него требовать уничтожения неудачного определения; раз же он этого не сделал, мы должны принимать определение и вычисление за норму до тех пор, пока новые наблюдения не опровергнут или не подтвердят их. Если поступиться этим принципом, то всякая уверенность в точности пропадёт и черчение карт станет делом личного произвола чертящего, а этого нужно всеми силами избегать. При всём этом никогда не следует упускать из виду, что, хотя определение долгот на крайнем севере и представляет очень большие затруднения — определения широт страдают в зависимости от полярного положения много меньше, — то маршрутные данные допускают всё же несравненно больше различных ошибок. Не нужно забывать, что определение пройденного расстояния в последнем случае делается *исключительно* путём оценки и если, как убеждает нас опыт, даже самый опытный топограф впадает часто в ошибки уже в более южных, сравнительно мало утомляющих человека местностях, то легко станут понятны как влияние на наблюдателя снежной бури, ледящего холода и снежной слепоты, так и те последствия, которыми это влияние отразится на точности маршрута. Как бы то ни было, но, по моему крайнему убеждению, нет никакой возможности допустить, чтобы астрономические определения, которые являются единственными надёжными опорными пунктами для маршрутов и которые всегда и всюду служили для исправления маршрутов, чтобы определения эти сами поправлялись при случае и без всякой основательной к тому причины по маршрутам, представляющим собою самый неточный из известных нам способов географических съёмок. На основании только-что изложенных соображений я и счёл правильным нане-

сти южную оконечность острова Котельного так, как того требует астрономическая съёмка. Также я поступил и с островом Малым. Кроме того, первый из названных островов я продолжил далее на восток, чем то сделано на карте Генерального Штаба.

Над работами Анжу висел, по-видимому, злой рок. Дело в том, что с одной стороны часть их (хотя и не всё, как прежде ошибочно принималось) сделалась добычей пламени, а с другой стороны не осталось никакого письменного заявления самого Анжу, позволявшего судить, которому из многих, относящихся к островам Котельному и Фадееву, набросков следует отдать предпочтение и который из них представляет окончательно установленный результат многолетнего, утомительного путешествия. Материал этот, которому, очевидно, не достаёт самого главного, действительно производит впечатление чего-то случайно спасённого и собранного. Вследствие всего этого на основании его были составлены резко различающиеся между собою карты, имеющие общим лишь то, что на всех них остров Котельный простирается очень незначительно на восток, так что при большом меридиональном протяжении своём он имеет лишь незначительное простираение с востока на запад. Помимо того на всех этих картах соединённые острова Котельный и Фадеев, представленные по совершенно необъяснимым причинам в виде двух отдельных островов, связаны какою-то загадочною, занимающею обширное пространство, землёй, которая поэтому также является *островом*. Трудно сказать, что побуждало составителей карт поступать так, потому что одного того обстоятельства, что Котельный становится к востоку очень низок и крайние части его южного и восточного берегов, особенно в южной их оконечности, превращаются в низменное песчаное побережье, местами заливаемое время от времени морем, ещё вовсе не даёт права оставлять между двумя отдельно рисуемыми островами обширный промежуток и помечать его «песчаная отмель». Можно с большою долею вероятности, даже наверное, доказать, что начальник известной экспедиции по льдам океана 1820-1823 годов, лейтенант Анжу, вовсе не разделял такого взгляда, хотя и придерживался принятых на месте двух отдельных названий для соединённых островов. Действительно, с одной стороны, мы находим в его дневнике следующую заметку: «После 19½ миль N 75°46' 6" и O (от Парижа) 138°34'. Отсюда отправились мы на остров Фадеев». — «От этого

места ночлега берег поворачивает к югу точного компаса; он плоский и низменный, но со стороны суши вдоль него тянутся низкие горы. Между этим берегом и соединяющим острова Котельный и Фадеев песчаным пространством расположена губа Драгоценная, которая начинается от северной оконечности острова Фадеева и, постепенно суживаясь к югу, образует устье реки Драгоценной в расстоянии 25 миль от места ночлега». С другой стороны в сохранившихся материалах мы находим сделанный рукою самого Анжу набросок карты¹, на которой вместе с лёгким контуром острова нанесены также и маршруты сделанных самим Анжу поездок. Из этой карты видно (оно было, впрочем, известно и раньше), что сам Анжу посетил лишь самую незначительную часть восточного берега Котельного. В 1821 году приблизительно от устья речки Орто-Ыряха он отправился прямо на восток и добрался до северной косы острова Фадеева. В 1822 году он поехал затем на западный берег острова Фадеева, но не доезжал до места его соединения с островом Котельным, а направился с его западного берега на восточный и только с этого последнего, приняв направление на запад, прибыл опять на остров Котельный. Но и на этой карте море на севере между Котельным и Фадеевым изображено не в виде пролива, а как Драгоценная губа, а также нанесена пунктиром вероятная граница того, что впоследствии приводилось за «остров» Котельный. Мало того, на этой так называемой «песчаной отмели» Анжу рисует вполне отчётливо даже реку Драгоценную с её большим притоком и таким образом несомненно свидетельствует, что это суша; а между тем составители карт не обратили никакого внимания на этот набросок. Итак, если и прежде лишь немногого не хватало, чтобы признать, опираясь на свидетельство самого Анжу, эти два отдельные острова за одно неразрывное целое и отказаться от ничем не доказанного, но прежде практиковавшегося их разделения, то этот взгляд был вполне подтверждён путешествием барона Толя и сообщён в указанном выше сочинении. Названный путешественник не только довёл свой маршрут до устья реки Драгоценной, но он посетил даже и истоки её, открыв вдобавок среди так называемой «песчаной отмели» ещё и холм Экзекы-Булгунях (на карте Толя неправильно назван-

¹ Карта эта воспроизведена также в работе Dr. Alexander Bunge u. Baron Eduard Toll: «Berichte über die Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande» mit 5 Karten St. Petersburg. 1887.

ный Экзены). Кроме того, из сделанных им сообщений несомненно следует, что к востоку остров Котельный становится всё ниже и шире и что юго-восточный конец его, отделённый от острова Фадеева узкой губой, переходит в плоскую песчаную низменность; в работе не только нет прямого доказательства, что средняя часть острова тоже состоит из песка, но в ней нет даже никаких указаний, из которых можно было бы заключить это. Но именно потому для меня остаётся совершенно необъяснимым, почему барон Толь не постарался категорически выразить это на своей карте, а предпочёл придерживаться чего-то среднего между песчаной отмелью и сушей. Я не нахожу объяснения этого и в заявлении д-ра Бунге (1.с. р.222), что в основание чертежа положена карта Генерального Штаба, изданная в 1883 г., и что чертёж не имеет претензии быть точным. Я вполне понимаю, что чертёж не мог быть точным, но тем не менее, по моему мнению, не мешало бы отметить, что оба острова составляют одно неразрывное целое и что море, в которое впадает река Драгоценная, есть ничто иное, как залив, который называется Драгоценной губой.

В указанном смысле я и исправил очертание этого острова на своей карте, благодаря чему вид его представляется совершенно иным, чем на всех прежних картах. Но вместе с тем я счёл необходимым удержать для двух частей его названия островов Фадеева и Котельного, потому что так эти части постоянно называются на месте. Новая номенклатура могла бы в данном случае вызвать только путаницу.

Острова, изображённые гористыми и с высотами до 1000 и 1500 футов, носят название Большого Ляхова или Ближнего и Котельного. Остров Фадеев имеет лишь незначительные возвышения, а остров Новая Сибирь является, по-видимому, высоким плоскогорьем, покрытым моховой тундрой. Острова Медвежьи, как кажется, все гористы; на них, также, как и на островах Ближнем и Большом Ляховом, встречаются прежде уже часто мною упоминавшиеся кекуры.

Переходя теперь к рассмотрению рек Якутской области, нужно заметить, что имеющиеся у нас о них сведения много полнее, чем о хребтах и о равнинах. Но тем не менее нам многого ещё не достаёт, чтобы составить себе правильное понятие о системах рек этой страны. Я прослежу теперь главнейшие реки материка, впадающие в Ледовитый океан,

начиная с запада на восток и в том же самом порядке, как они приведены в моём систематическом списке рек. Вследствие этого я и тут начну с Енисея и Хатанги, которые в таблицах списка заключены в скобки в виду того, что устья их находятся вне пределов Якутской области. Но здесь я коснусь, с одной стороны, только тех из рек, которые имеют особенный интерес в географическом отношении, а с другой — таких, которые на моей карте изображены иначе, чем на карте Генерального Штаба; в таблицах же списка приведены все системы впадающих в море рек, поскольку допустили это имевшиеся в моём распоряжении источники.

Тунгуска, принадлежащая к системе Енисея, касается Якутской области только тою частью своего самого верхнего течения, где она течёт с юга на север и покидает её у впадения Илимпеи. С течением этой реки познакомило нас путешествие Чекановского и Миллера 1873 года, и я просто-напросто скопировал его с карты Генерального Штаба, так как она придерживалась в данном случае авторитетных указаний названных путешественников. В виду того, что исследователи эти спустились вниз по реке на лодке, направление течения главной реки установлено верно; точно также и устья притоков следует считать за точно обозначенные. Иначе обстоит, однако, дело с направлением её притоков, нанесённых, как само собою понятно, по расспросным сведениям, собранным от туземцев.

Что путешественники пользовались в эту экспедицию услугами опытных проводников видно между прочим уже из большего количества имён, приводимых ими для гор, изображённых на их карте. Эти названия гор перешли с карты Генерального Штаба на мою, хотя, собственно говоря, делать этого и не следовало: я всегда старался избегать подобных обозначений, потому что они вносят лишь путаницу. Сибирские инородцы, как якуты, так и охотничьи племена дают названия как каждому озеру и каждой реке, так и всякой мало-мальски отличающейся своим видом или иным чем-нибудь замечательной горной вершине. Но они делают это в тех же видах и с тою же самой целью, которые преследуем и мы, называя улицы в городе и перенумеровывая отдельные строения последних. Одним словом, названия эти служат им исключительно для ориентировки. Вследствие этого туземными названиями рек есть полное основание пользоваться и при известной осторожности

можно достигнуть при их помощи выработки очень совершенной карты речной системы. Люди эти в большинстве случаев прекрасно знают направление течения реки от самых её истоков до устья, а также всегда могут указать и каждый мало-мальски заметный её изгиб. Таким образом они могут действительно ознакомить путешественника с бассейном реки. Но иное дело названия гор и хребтов. О простирации горного подъёма, да и вообще о хребте как о целом, инородцы не имеют большою частью ни малейшего представления. Для них представляют интерес только отдельные вершины, только им они и дают названия; высота горы и другие относящиеся к ней данные их вовсе не интересуют, они обращают внимание лишь на то, легко ли гору заметить, бросается ли она чем-нибудь в глаза и только такие вершины и имеют для них цену. Так, например, во время моего спуска по Абзаду в долину верхнего течения Чары, оказалось, что у них вовсе не было для мощных хребтов, тянувшихся с обеих сторон Абзада вдоль левого края долины Чары, какого-либо иного названия кроме общего наименования «Жангы», которое является, так сказать, родовым названием для всех подъёмов земной коры, перешедших за пределы лесного пояса. Но, с другой стороны, они окрестили именем Отт-Хаи (сенная гора) лежавший несколько в стороне маленький, имевший вид стога сена холм и только потому, что этот изолированно поднимавшийся пригорок имел для них цену в качестве отметки пути. От него рассчитывались расстояния и к этому так называемому стогу сена относилась большая часть указаний. Находясь в гористых местностях и не имея возможности, как это часто бывает в пути, как следует ориентироваться, я потратил не мало трудов, чтобы получить от них сведения о простирации горной цепи и т.п. данные, но всегда безуспешно. Они просто не понимают, чего от них добиваешься, и результатом расспросов являются очень странные ответы, которые позволяют заключить лишь одно, — что человек знаком только с отдельными горными вершинами, да и то только с такими, которые дают какую-либо возможность ориентироваться, но что он не имеет ровно никакого понятия о горной цепи, как о целом. В виду того, что нет смысла приводить ряд названий отдельных вершин в стране, с горными системами которой мы так мало знакомы, я принял за правило не отмечать их на своих маршрутах. Во избежание вносимой ими путаницы не следовало бы оставлять их поэтому и на карте.

Что касается до *Хатанги*, то мы имеем до сих пор только данные об её устье, относительно же течения самой реки царит полнейшая неизвестность. Карта Генерального Штаба заимствовала направление её со старых карт; не имея возможности заменить чертёж более лучшим, и я сделал то же самое. Достоверным может считаться только то, что река Моньеро берёт своё начало из комплекса озёр, потому что Чекановский и Миллер попали, под $66^{\circ}21'12''$ с. ш. и $122^{\circ}1'$ в. д. от Ферро, сначала на эту реку и даже спускались на некотором протяжении вниз по ней в полной уверенности, что они едут по Оленьку. Озёра, относящиеся к этому комплексу, известны нам не все; мы знаем только, что одно из них, Сурунга или Сурунгна, связано с Вилюем, а другое, Яконгна, — с Моньеро. У нас нет никаких сведений, чтобы решить, соединяется ли озеро Укукит с одной или с обеими из названных рек.

Анабар считается за пограничную реку между Якутскою областью и Енисейскою губернией. Так принято считать по крайней мере официально; практического значения, впрочем, такие границы на крайнем севере, где нет оседлого населения, не имеют. Вследствие этого граница тут никогда не устанавливалась и не осматривалась, а потому и познания наши о направлении течения этой реки не выходят из пределов того, что мы могли узнать о ней от охотников за пушным зверем и за диким северным оленем, которые посещают ту местность раз или два раза в году. Устье рассматриваемой реки нам известно не менее, чем и устье *Хатанги*; но действительно ли так идёт направление течения её, как оно изображено на карте Генерального Штаба, а за нею и на моей, ещё не решено и кажется мне довольно сомнительным. Река отличается большим рыбным богатством, почему её часто посещают; но значение её ещё важнее в другом отношении. В западной части Якутской области Анабар является единственной рекой, где с большим до сих пор ещё успехом производится охота на дикого северного оленя. Прежде подстерегали этого оленя ещё на Оленьке и избивали тысячами в то время, когда он осенью переселялся с севера на юг. В настоящее время охота эта в течение целого ряда лет давала очень незначительные результаты, а потому, как говорят, с хорошими видами на успех её можно производить теперь только на Анабаре. Что здесь она очень прибыльна, можно заключить из того, что река Анабар, подобно Оленьку, течёт тут в эквато-

риальном, а не в меридиональном направлении: олень подвержен периодическим переселениям не с запада на восток или обратно, а идёт весною с юга на север, осенью же в противоположном направлении. На самой реке живёт в нижнем её течении лишь редкое население, занимающееся рыбной ловлей и большею частью состоящее из инородцев тунгусского и якутского племени; население это приписано к Енисейской губернии и пришло в Якутскую область лишь на время. Но, как видно по карте, на Анабаре находится большое количество так называемых станов, значение которых требует ближайшего пояснения.

Жители как Якутской области, так и Енисейской губернии, будь то русские или якуты, тунгусы, юкагиры, ламуты и любые другие племена, очень редко живут более обширными селениями или деревнями; большую часть они разбросаны по всей стране и занимают отдельные жилища. Даже почтовые станции по Лене и другим рекам и почтовым трактам состоят часто всего из нескольких домов и только крайне редко встречаешь селения, действительно заслуживающие имени деревни. Зато большую роль играют названия местечек — стан или, к югу от Верхоянского хребта, урочище.

На севере, в бедной или даже вовсе лишённой леса области, слово «урочище», конечно, вовсе неизвестно, потому что оно обозначает именно свободное от леса место; но зато важное значение имеет тут слово «стан». Население там ещё подвижнее, чем в южной части области, так как оно живёт исключительно охотой и рыбной ловлей, а в виду того, что занятия эти находятся в сильной зависимости от периодических течений и различных других привычек животных, должно приспособляться к обстоятельствам и население. Жители севера обыкновенно имеют так называемое постоянное место жительства, но вместе с тем они часто вынуждены строить ещё временные, чтобы иметь возможность вести свои промыслы. Ввиду же того, что климат страны слишком суров и не допускает довольствоваться жизнью на открытом воздухе, возникла в течение времени масса построек, которые, устраиваясь по мере надобности, доставляют населению кров в известные времена года. Существуют летние, осенние, наконец зимние станы, смотря по тому, в какое время года происходит охота и рыбная ловля в данном месте. Ввиду того, что все расстояния здесь крайне велики, а снежные бури и другая непогода может быть очень губельна для путешественника, на

наиболее часто посещаемых дорогах кроме этих станов существуют ещё для доставления путникам крова хижины, которые устраиваются через известные промежутки пути и обыкновенно в таких местах, где можно найти топливо и пастбище для оленей. Всё это носит название стана и почти нет возможности путешествовать на севере, если сам, или по крайней мере проводник не знает этих привалов. Раз принятые для них названия остаются, как и для урочищ, навсегда, совершенно безразлично обитаемы они или нет, состоят ли из одного или нескольких жилищ; для севера они имеют неоценимую важность, потому что без них, как мы уже выше сказали, едва ли можно было бы обходиться.

Поэтому-то на карте и приведено такое большое количество таких станов; но не следует, глядя на эти названия, представлять себе местность хорошо заселённой, а иметь лишь в виду, что они важны только для ориентировки. Местные жители пользуются ими, как и названиями рек и озёр, исключительно для обозначения места и для описания какого-либо пути или местности. Впрочем, места эти часто и обитаемы, потому что не редко случается, что служившие прежде в качестве привалов и ночлегов станы, вдруг заселяются на год или несколько лет потому, что туда перекочевала дичь или пошла рыба. Но с другой стороны станы, служившие постоянным местом жительства, могут быть в свою очередь надолго покинуты обитателями.

Так, Анабар соединён с Оленьком и Леной подобной дорогой, которая тянется в направлении границы лесной растительности; отмеченные на ней названия места представляют собою именно такие, служащие для доставления крова стационарные хижины; когда я был на нижнем течении Лены большинство их было необитаемо, трудно, однако, предположить, чтобы река и впоследствии заселилась гуще.

До самого последнего времени *Оленёк* был столь же мало известной рекой, какой Анабар остаётся ещё и до сих пор. Но благодаря поездке Чекановского и Миллера мы познакомились по крайней мере с направлением его течения. На своей карте я изобразил его так, как это сделал Миллер. Хотя карта Генерального Штаба и пользовалась только что названным источником, я всё же не мог оставить *Оленёк* в том же виде как на ней, потому что астрономические пункты нанесены положительно неверно. Об Оленьке можно сказать то же самое, что и о Тун-

гуске: ход течения главной реки установлен точно, но у притоков проверенными остаются лишь устья. Путешественники не много могли видеть, как выше уже сказано, с плота, на котором спускались вниз по реке, а люди, сопровождавшие их в этой поездке, были недостаточно знакомы с местностью. Главнейшее отступление, которое я принуждён был сделать на моей карте, заключается в изменении положения устья реки. Я нанёс его, следуя указаниям Юргенса, на $137^{\circ}30'50''$ от Ферро, тогда как прежние, крайне, впрочем, сомнительные данные, которым следовала и карта Генерального Штаба, заставляли помещать стан Балкалах на $139^{\circ}30'$.

Изображение довольно сильно развитой системы притоков Оленька основано, таким образом, исключительно на расспросных данных, собранных у туземцев; но в виду того, что система эта опирается по крайней мере на точно установленную в своём направлении главную реку и примыкает к верно нанесённым устьям, можно принять, что Оленёк всё же относится к наиболее изученным речным системам Якутской области. Действительно, ниже мы встретимся со многими реками, сведения о которых ещё скуднее, чем о нём.

Оленёк едва заселён; Чекановский и Миллер крайне редко встречали во время своего путешествия людей, да и эти не принадлежали к постоянным жителям реки. Только на нижнем её течении встречается редкое население, а у устья расположена деревня Балкалах, в которой постоянно живёт около семи семей.

Оленёк течёт в сильно извивающемся русле с запада на восток, а затем поворачивает на север. Берега образованы большею частью подступающими к ним крутыми прибрежными горами, но это объясняется тем, что река прокладывает себе путь по плоскогорью, имеющему более тысячи футов абсолютной высоты. Замечательно то, что, не доходя до своего устья, Оленёк делает ещё раз поворот на запад и течёт в этом направлении приблизительно около пятидесяти вёрст параллельно морскому побережью, так что отделяется от моря лишь узкой косою, часто имеющею всего около десяти вёрст ширины. Вообще то обстоятельство, что река приняла направление к морю, а не впала в Лену где-нибудь у Булуна, зависит, по всей вероятности, от того, что нагорье, по которому она течёт, повышается к Лене, так что прибрежные горы вдоль этой последней значительно выше, чем таковые по Оленьку.

Лена является главною рекою Якутской области и занимает системою своих притоков всю южную плодородную часть этой области, но принадлежит ей только средним и нижним своим течением. К сожалению, мы до сих пор не имеем ещё точной и надёжной съёмки этой реки. Экспедиция под начальством Ахте, которая объехала Лену, если я не ошибаюсь, в 1854 году и сделала съёмку её от Качуги до Якутска, представила, конечно, детальную карту большего масштаба (насколько помнится, верста в английском дюйме), основанную на инструментальных определениях. Но, сколько я знаю, экспедиция эта не делала астрономических определений, так что мы в этом отношении всё ещё бродим в потёмках. С другой стороны, от Якутска до моря, т.е. на протяжении полутора тысяч вёрст существует съёмка Чекановского и тоже без астрономических пунктов, а устье реки только в последнее время точно установлено трудами Юргенса.

Я не мог узнать по каким источникам изображено на карте Генерального Штаба верхнее течение реки, но изображение это не совпадает, однако, ни с немногими астрономическими пунктами, которыми мы располагаем для долины её, ни с картою Шварца, пользовавшегося для имеющейся у него части Лены съёмкой Исленьева. Ввиду того, что работа Исленьева внушает во всех отношениях доверие, я придерживался по мере возможности его и вследствие этого начертил реку до Якутска несколько иначе, чем на карте Генерального Штаба. Я считал себя в праве сделать это тем более, что нельзя сказать, чтобы Главный Штаб нанёс Лену на свою карту очень тщательно; мне кажется даже сомнительным, чтобы он придерживался работы Ахте. Дело в том, что последний изображает с большою точностью устья всех притоков Лены и кроме того указывает длину каждого из притоков в вёрстах. Эти детали были бы на карте крайне уместны, а между тем они на ней большою частью выпущены, да и те, которые приведены, расходятся с картою Ахте. Мне пришлось также изменить течение Лены и на протяжении её от Якутска до устья, так как, с одной стороны, астрономические пункты не всегда совпадали с изображением Генерального Штаба, а с другой — и дельта реки получила, благодаря исследованиям Юргенса, совершенно иные вид и положение.

Название этой реки, Лена, имеет, по всей вероятности, южное происхождение, во всяком случае это слово не якутское. У якутов вовсе нет

для неё названия, они называют её просто «Река» — Эрыс или «Большая река» — Улахан Эрыс. Причина этого обстоятельства может заключаться только в величине реки, произведшей на якутов, дающих в других случаях название каждой мелкой речонке, такое импонирующее влияние, что они сочли её «рекою» по преимуществу. И в самом деле, Лена является не только одной из самых больших рек Сибири, но и производит на наблюдателя своею величием такое сильное впечатление, какого Енисей и Обь, например, вовсе не делают. Причина этого заключается главным образом в том, что Лена прорыла своё русло в возвышающемся на несколько сот футов над уровнем её вод плоскогорий и потому сдерживается на всём своём 4500-вёрстном протяжении высокими нагорными берегами. Долина её вследствие этого глубже, чем других больших рек Сибири, масса несомой ею воды очень значительна, а сила, впрочем не очень быстрого течения, крайне велика. Ввиду того, что благодаря своим высоким берегам она не может разливаться так сильно как Обь, и на значительной части своего протяжения Енисей, поверхность её вод удерживает во все времена года одинаковый вид, и только внешние воды, принуждённые находить место в узком русле, несутся с большей быстротой и влекут со всесокрушающей силой вниз по реке ледяные массы, достигающие семи и более футов толщины.

Как всякая большая река, Лена образует много островов. Последние расположены большою частью у левого его берега и всегда оставляют свободным главный фарватер реки, тогда как на других и особенно на Оби, острова часто производят такой хаотический лабиринт протоков, что едва можно решить, где находится главное русло. Эта особенность Лены резко выступает именно на пространстве между Якутском и местом, расположенным несколько выше её дельты. На указанном протяжении Лена, вероятно, нигде не уже десяти вёрст, а местами достигает часто тринадцати и шестнадцати. При всём этом главное русло реки образует величественную водную поверхность и расположено большою частью у правого берега, а перед левым нагромождена масса островов, часто отделяющих два побочных рукава, а то и более. Некоторые из островов отличаются очень значительной длиной, доходящей до десяти и двадцати вёрст, но почти все они необитаемы, потому что недостаточно

возвышаются над поверхностью реки, чтобы доставлять во время весеннего половодья вполне надёжное место для жилья. Только один из островов Лены, Кыллах, расположенный выше города Олёкминска, сплошь занят густым населением, постоянно там живущим и большою частью не страдающим от разлива реки. Тем не менее обитающие его якуты каждую весну перегоняют свой скот на берег, так как бывали случаи, что при заторах льда ниже острова, вода в половодье поднималась очень высоко и пощаждённой от наводнения оставалась лишь очень малая часть острова, при чём большое количество скота погибало. Ниже Якутска и Жиганска на отдельных островах Лены встречаются ещё посёлки, но они представляют собою лишь станы, т.е. места, только временно дающие кров жителям.

О большой ширине рассматриваемой нами реки ниже Якутска уже упоминалось, но и выше этого города она тоже имеет значительную водную поверхность. Ещё до впадения в неё Витима достигает она ширины, превосходящей версту; у Олёкминска от берега до берега считается уже четыре версты, да и то без островов, а выше Олёкминска, у острова Кыллаха, она расширяется ещё более. Между Олёкминском и Якутском Лена, по всей вероятности, нигде не уже четырёх вёрст, местами же расстояние от берега до берега ещё более значительно. Но в недалёком расстоянии от дельты русло её очень суживается и имеет всего около двух вёрст в ширину; вследствие этого ледоход происходит там необыкновенно энергично и треск, происходящий от сталкивающихся друг с другом льдин, слышен так же далеко, как пушечные выстрелы.

В Якутскую область Лена вступает, собственно говоря, только у станции Топской, но на моей карте она нанесена с места впадения Чуи, выше устья Витима. Считая отсюда, слева она принимает около 78, а справа до 82 притоков. Таким образом абсолютное число впадающих в неё с обеих сторон побочных рек почти то же самое, но последние имеют далеко не одно и то же значение. Действительно, в то время как речная система правой стороны развита необыкновенно сильно, на левой стороне мы наблюдаем почти полное, за исключением Вилюя, отсутствие больших притоков, — явление, свойственное Лене не только в пределах Якутской области, но наблюдаемое и на всём остальном протяжении её течения, начиная с её истоков. В этом отношении Лена очень походит на

Енисей, система притоков которого развита также почти исключительно с правой стороны.

До Вилюя на левом берегу Лены считается 54 притока, которые, впрочем, за исключением лишь немногих, имеют очень малое значение. Относительно этих притоков я в значительной степени придерживался карты Ахте и сделал отступление от неё только для Бири и Наманы, которые известны мне по личным наблюдениям и для которых у меня были специальные карты. Как пояснено было уже выше, Ахте приводит лишь устья притоков и очень утешительным является то обстоятельство, что в этом отношении он очень точен; я мог убедиться в сказанном тем легче, что часть Лены от границы Якутской губернии до города Якутска мне очень хорошо знакома. Менее надёжны указания его карты, касающиеся длины притоков, потому что он, очевидно, часто был введён в заблуждение своими проводниками. Так, например, для Черендея он приводит длину в 600 вёрст, а Бири, впадающую в Лену тотчас ниже Черендея, считает за незначительный ручеёк. Это несомненная неточность. Шестисотвёрстного течения Черендей не может иметь уже из-за недостатка места: для этого ему пришлось бы либо течь параллельно Лене, либо вступить в столкновение с Вилюем, а ни того, ни другого на самом деле нет. Тут на карте Генерального Штаба вкралась непонятная для меня ошибка. На ней изображён путь (по которому я много раз ездил) от Олёкминска к Вилюю; он идёт сначала, правда, по Бири, но затем переходит через истоки последней реки на Черендей и уже с него только на Джели; между тем дорога эта с Бири ведёт прямо к Джели, а побочные реки, принимаемые на карте Генерального Штаба за притоки Черендея, являются в действительности таковыми Бири. Одним словом, верхнее течение Бири карта эта заставляет впадать в Черендей и тем превращает последний в бóльшую реку, чем Бири, на самом же деле как раз наоборот. Вообще по отношению Лены на карте Генерального Штаба сделано очень много ошибок, так что в этом случае я мог придерживаться её очень мало. Наибольший из притоков Лены до Вилюя, Намана, назван Ниманой и впадает в Лену у станции Байланаха, которая вовсе не существует, и только уже ниже её устья помечена станция Наманинская. Всё это неверно. Станция, действительно, на несколько вёрст отстоит от устья реки, потому что последнее болотисто и не пред-

ставляет удобного места для селения, но там вообще не может быть никакого селения, да и нет его. Следующий по величине за Наманой приток есть Синя, которая тоже неправильно изображена на карте Генерального Штаба. У меня нет, правда, специальной карты этой реки, но во всяком случае в течении её далеко не так резко выражено восточное направление, как приведено там; она течёт недалеко от дороги из Якутска в Вилюйск. На этом пути, помимо массы рек, впадающих в Лену ниже Якутска и в Вилюй, каковы Сиття, Лунха, Тюганя и др., приходится также переезжать Матту, Тора-Ырях и Чиру, которые текут на запад, к Сине. Это обстоятельство является доказательством того, насколько ровна эта местность и что о горах тут никакой и речи быть не может. Относительно рассматриваемого участка я сравнивал карту Генерального Штаба со специальной картой, охватывающей полпути от Якутска до Вилюйска, и нашёл, что они хорошо сходятся; вследствие этого я прибавил к ней лишь несколько деталей. Приведены ли на моей карте все малые реки, впадающие в Лену слева, наверное я утверждать не могу; я полагаю, однако, что не хватать может лишь немногих, особенно на пространстве между станцией Синской и городом Якутском.

Левый берег Лены более густо заселён, да вообще и более известен, чем правый. Он представляет бóльшие удобства для устройства селений, и как все станции почтового тракта, так и два единственные лежащие на Лене города Якутской области, Якутск и Олёкминск, расположены на левом берегу. Русские живут исключительно в городах, в большей части почтовых станции и в немногих деревнях, лежащих у реки; якуты же заняли местность между Леной и Вилюем и посёлки их разбросаны по всем речным долинам и озёрам, которые находятся тут в значительном количестве. Местность эта плодородна и особенно богата хорошими пастбищами, а потому якуты Кангалакского улуса, места жительства которых расположены здесь, в большинстве случаев люди состоятельные.

Приблизительно до устья Вилюя находишь местность вдоль Лены всё ещё довольно хорошо заселённую, но, само собою разумеется, в сибирском смысле этого слова: хотя отдельные юрты удалены друг от друга на порядочное расстояние, тем не менее всегда можно рассчитывать на убежище для человека и лошади, если судьба их туда занесёт.

Ниже впадения Вилюя обстоятельства, однако, меняются и тут попадаешь в местность, почти совершенно лишённую человеческого населения. От Вилюя до побережья Ледовитого океана скотоводством почти совершенно уже не занимаются и те, кто там живёт, кормятся охотой и во всяком случае очень прибыльным на Лене рыбным промыслом. По этой области путешествовало очень мало образованных людей и карта реки составлена Чекановским лишь в последнее время.

Прежде, когда там добывалось больше пушнины и особенно в то время, когда на севере ловился ещё в значительном количестве соболь, местность эта посещалась чаще. Жиганск, расположенный на левом берегу Лены, являлся тогда очень оживлённым местом торга и весною, во время собольей ярмарки, туда стекалось большое количество охотников и торговцев. В Якутске рассказывают (и есть ещё люди, бывшие тому будто бы свидетелями), что из Жиганска вывозилось по несколько сот тюков собольих шкурок, по сорока штук в каждом, теперь же этот зверёк там вовсе не встречается. Впрочем, это вполне вероятно; и с другими местностями, где соболь ещё водится, будет тоже самое, потому что самка этого животного редко мечет более одного детёныша, иногда только приносит по два, самое же большее трёх; между тем его преследуют с невероятной энергией и нет ничего после того удивительного, что он будет истреблён. Но вместе с исчезновением соболя пало и значение Жиганска, и в настоящее время бывшее торговое местечко состоит только из церкви да домов для священника и псаломщика. Из прежних жилых зданий и хозяйственных служб несколько ещё уцелело, но в течение многих уже лет они остаются необитаемыми и от года к году приходят всё в больший и больший упадок. Ниже Жиганска на Лене расположено ещё два малых местечка — Сихтях и Булун, о которых я упомяну, когда буду говорить о дельте реки.

Единственный значительный левый приток Лены, Вилюй, берёт своё начало на плато и вытекает из того же комплекса озёр, из которого, как мы уже видели, начинается также и Моньеро. На озере Сурунгне были Чекановский и Миллер, а до них посетил его ещё Маак, который сделал и съёмку этого озера. К сожалению, карта Маака попала мне в руки уже после того, как была готова моя, так что я мог ею воспользоваться очень мало. Я придерживался в данном случае главным образом карты Генерального Штаба, а так как последняя составлена, что легко

понятно, по съёмке Маака, то конечный результат получился тот же самый. Тут нужно обратить внимание только на одно обстоятельство, несколько уменьшающее, конечно, цену карты Маака; дело в том, что она не во всём сходится с маршрутами путешественника, а решить, где находятся ошибки, очень трудно: оригиналы маршрутов недоступны, копии же с них, приложенные к сочинению, исполнены в высшей степени плохо. Это достойно большего сожаления, потому что оригинальные маршруты были составлены, по всей вероятности, очень тщательно, как я лично могу засвидетельствовать относительно съёмки главной части пути (на пространстве от Тунгуски до впадения Вилюя), которую я просматривал в Иркутске много лет тому назад. Самое течение реки снято, конечно, только от впадения Чоны, но сухопутные маршруты от Вилюя (несколько выше города Вилюйска) до Оленька, отсюда к озеру Сурунгне, а от последнего опять через хребет к Вилюю несколько выше устья Ахтаранды, пересекают такой значительный участок систем обеих рек, какой мы вряд ли можем подыскать для остальных частей Якутской области. Нужно только сравнить Позняковскую карту с теперешней картой Генерального Штаба, чтобы убедиться. какая громадная работа была в данном случае исполнена. К сожалению, вследствие преждевременной смерти Зондгагена этот прекрасный материал много лет лежал нетронутым и был приведён в порядок лишь впоследствии, когда свежие впечатления, имеющие такое громадное значение в топографических картах, давным-давно уже сгладились.

Озёрной комплекс, из которого берёт своё начало Вилюй, лежит на нагорье, начинающемся к северу от Тунгуски и далеко распространяющемся на восток и северо-восток. Там находится значительное количество озёр, большинство которых соединяется — что представляется в высшей степени вероятным — между собою протоками; по крайней мере все они лежат на обширной равнине, окружённой высокими хребтами с северо-востока и юго-запада, между отдельными же озёрами нет никаких заметных на глаз возвышений. Из которого именно озера вытекает Вилюй, точных указаний не имеется, но вполне достоверно то, что он начинается не из Сурунгны, а только соединён со стоком последнего. Точно также не вполне установлено, что Моньеро действительно берёт своё начало из озера Яконгны, но, по всей вероятности, каким-ни-

будь способом она да соединяется с озёрным комплексом. С верхним течением Вилюя познакомил нас только Маак, и его карта является единственной надёжной для этой местности. Поэтому рассматриваемая часть реки, т.е. до впадения Чоны, представляет на моей карте точную копию с карты Генерального Штаба. Но с этого места, помимо последней, я опирался ещё на свои личные наблюдения, потому что ездил сам по Вилюю от Чоны до его устья.

Изменения сделаны мною именно относительно Ахтаранды или Ахтарынды, которая на карте Генерального Штаба названа неверным именем и изображена в виде одной реки, тогда как на самом деле она слагается из четырёх, которые соединяются в одну, приблизительно в ста верстах выше её устья. Истоки эти носят названия: Айгадах-Ахтаранда, Аленнях-Ахтаранда, Ватар-Ахтаранда и Аламчак-Ахтаранда. Приводя имена этих четырёх рек, я не могу, однако, с точностью сказать, которая из них является главной рекой и с какой стороны принимает она остальные в виде притоков. Левый берег Ахтаранды, близ её устья, очень интересен в геологическом отношении; тут наблюдается выходение большего количества различных горизонтальных пластов, а несколько ниже её устья, на левом берегу Вилюя, находится месторождение гроссуляров и везувиана, о котором много было говорено.

От своих истоков до впадения Билючана Вилюй делает много изгибов и течёт часто между высокими скалами, которые, местами так её суживают, подступая к самой реке, что спускаться по ней на лодке представляется возможным только весной, при высоком уровне воды. Но лишь только половодье спадёт, на этих местах показываются из воды громадные каменные глыбы и совершенно затрудняют плавание по реке. Местность здесь также очень гориста, лугов и покосов очень мало, а потому на реке и не поселились якуты; от устья же Билючана картина разом меняется. Отсюда начинается большой изгиб к югу и кончается у Сунтарской церкви, от которой река снова поворачивает на север. Омываемая этой излучиной местность, Хача́, как она называется у местных якутов, является самой богатейшей и самой заселённой частью Вилюйского округа и тут живут очень состоятельные якуты Сунтарского улуса. Начиная отсюда, река течёт в широком русле, не образует более быстрин и могла бы быть вполне пригодна для судоходства, если бы

этому не препятствовали песчаные мели. От впадения Билучана исчезают диоритовые и известняковые скалы, стеснявшие верхнее течение Вилюя, но вместо них появляются высокие песчаные горы, часто подступающие к реке в виде отвесных стен и не редко осыпающиеся в неё.

Благодаря последнему обстоятельству не только засоряется песком во многих местах русло, но и образуется масса рукавов и островов, тогда как в верхней части течения реки они встречаются крайне редко. Хаотический лабиринт из островов и неглубоких протоков часто сильно затрудняет нахождение главного фарватера реки. На последнем появляются отмели, нередко занимающие всю ширину реки, от берега до берега, и имеющие версту и более в длину при глубине воды не более одного фута. Благодаря этому судоходство на пространстве от Сунтара до Вилюйска возможно только во время половодья. Ниже города Вилюйска островов, конечно, тоже очень много, но засорение русла песком уже не наблюдается, а потому здесь, даже во время самого низкого уровня воды в реке, могут свободно плавать суда, сидящие от 3-3½ футов. Эту часть реки я тоже чертил преимущественно по карте Генерального Штаба и сделал отступления от неё только в местности между Билучаном и городом Вилюйском, именно относительно правых притоков, как Джели, Кемпендей и др., которые изображены ошибочно на карте Маака, а, следовательно, и на таковой Генерального Штаба. Маак был там только короткое время, я же оставался в тех местах подолгу, а потому мог собрать расспросные сведения, ему недоступные.

От Билучана до самой нижней части течения Вилюя оба берега были прежде заселены якутами. Но местность книзу от города Вилюйска впоследствии оказалась слишком сырой и нездоровой, а потому жители её покинули и в настоящее время там можно встретить лишь немногие юрты. Из притоков Вилюя самым значительным является, без сомнения, Марха, как по её величине, так и в отношении пригодности её берегов для скотоводства и для земледелия. На этой реке живут якуты улуса Мархи, которые по богатству мало в чём уступают хачинским якутам. Остальные притоки Вилюя, за исключением Чоны и Тюна, все незначительны и долины их совпадают с широкой долиной самого Вилюя, а потому большинство их заселено. Чона, всецело ещё принадлежащая горной стране верхнего течения Нижней Тунгуски, прежде была вовсе необитаема. Лишь в последнее время в нижней части её течения, где

горы отступили от реки и оставили довольно значительные пастбища по обоим берегам, поселилось несколько якутов Вилюйского округа и не без удачи: они пользуются известным благосостоянием, что в свою очередь не замедлит привлечь и других переселенцев.

Средняя и, особенно, нижняя части течения Вилюя богаты озёрами, раскинутыми как на правом, так и на левом берегу реки. Как выше было уже замечено, по низовью Вилюя расположена озёрная область, сходная с той, которая находится между Индигиркой и Колымой. Маак поместил на своей карте ряд озёр, перешедших как на карту Генерального Штаба, так и на мою. Озёра расположены на первой из карт в виде ряда, конечно, потому, что нанесены лишь те, которые Маак встретил на своём пути, когда шёл вверх по Вилюю. Но подобные же водоёмы разбросаны по всей стране, в чём я мог убедиться лично во время поездки, совершённой осенью 1862 года; из неё я вынес впечатление, что и тут трудно сказать, чего больше — суши или воды. С левой стороны реки условия те же, и на своей карте я привёл по крайней мере некоторые из самых больших озёр, но должен прибавить, что положение их основано исключительно на расспросных сведениях, так как сам я на этом берегу не был. По рассказам якутов на обоих берегах реки сгруппировано бесчисленное количество озёр (большинство которых связано между собою протоками) вокруг двух более значительных водоёмов — Неджели на правом и Мастаха на левом берегу Вилюя. Положение Неджели установлено Мааком, а Мастах нанесён мной по слухам.

Описываемая местность очень богата травой и пастбищами; в озёрах же много рыбы превосходного качества; тем не менее якуты должны были её покинуть, так как она оказалась нездоровой. Здесь укоренилась ужасная болезнь, чистейший бич несчастного населения, которое благодаря ей и принуждено было оставить большую часть этой области. Губернатор Штубендорф, сам бывший врачом, обратил на эту болезнь самое серьёзное внимание, но ему не удавалось бороться с нею успешно, потому что он наткнулся на непреодолимое сопротивление со стороны самого населения.

Насколько я знаю, несмотря на многократные научные исследования, постоянно предпринимавшиеся благодаря инициативе Штубендорфа, ещё не известно, в чём состоит эта ужасная болезнь и вследствие

каких причин она возникает. Я могу сообщить лишь то, что видал собственными глазами и о чём узнал от врача, который лечил там несчастных. Уже в раннем возрасте, у детей двух, трёх и четырёх лет, появляются на теле, на руках и ногах обширные язвы, которые имеют совершенно круглое очертание, сальное дно и очень напоминают сифилитические нарывы. Эти язвы, не причиняющие никакой боли, излечиваются сами собою, хотя и при помощи средств, обыкновенно употребляемых местными жителями; тогда ребёнок совершенно выздоравливает и остаётся таковым до вполне зрелого возраста. Но приблизительно на тридцатом или сороковом году вдруг появляются на руках, ногах и на частях лица костные опухоли, быстро переходящие в гнойники и с этих пор уже не пропадающие; причиняя человеку постоянные страдания, они доводят его до смерти то быстро, то более медленно. Но в это время появляются уже и болезненные ощущения, становясь со временем всё чаще и чаще; в последние же минуты жизни несчастный вряд ли на час освобождается от болей. Болезнь эта ужасна, случаев исцеления от неё вовсе неизвестно и жребий, выпавший на долю захворавших ею, поистине печален. Губернатор Штубендорф, усердно поддерживаемый в этом случае губернским врачом Петуховым, делал всё от него зависевшее, чтобы облегчить участь страдальцев, потому что о радикальной помощи, в смысле исцеления, нечего было и думать; тем не менее старания его не привели ни к чему. Якуты охотно пользуются услугами врача и следуют его советам, поскольку последние не противоречат их образу жизни, но их очень трудно заставить отправиться в больницу. Да им, привыкшим проводить всю свою жизнь в юрте, пребывание в комнате приносит к тому же и мало пользы. Вследствие этого необыкновенно затруднительно оказывать якутам правильную медицинскую помощь. Имея в виду указанное, Штубендорф, который прекрасно знал их привычки, приказал устроить специально для этих несчастных больницы в сухой, здоровой, поросшей сосновым лесом местности, расположенной в центре занятого болезней округа. В сущности, больницы эти представляли собою такие же юрты, в каких привыкли жить якуты; но только теплоту в них можно было поддерживать в течение всей зимы, так как они имели двойные стены, промежутки которых засыпались землёю, благодаря же большому количеству каминов воздух в них оста-

вался постоянно свежим и здоровым. Больных кормили здесь преимущественно лошадиным мясом и молоком, т.е. такую пищей, которую люди эти предпочитают всякой другой. Они пользовались помощью врача, но последний, не имея возможности жить тут же, должен был поручить наблюдение над больными фельдшеру. К тому же учреждением этим имелось в виду дать скорее убежище для больных, чем настоящую больницу: с самой болезнью справиться было невозможно, а потому хотели по крайней мере облегчить горькую участь несчастных. Мясное и молочное довольствие доставлял улус, но Штубендорф завёл там также, пользуясь добровольными пожертвованиями, и небольшой табун. Казалось, что делу было положено прекрасное начало и оно станет развиваться. Вышло, однако, не так: больные шли туда всё же неохотно, предпочитая жить, как они выражались «на свободе», несмотря на то, что условия этого рода свободы были самые ужасные. В виду того, что якуты в высшей степени боятся этой болезни, они тотчас же удаляют каждого, кого признают захворавшим ею, в тайгу; там они строят больному отдельную юрту, в которой он должен оставаться навсегда, не имея права показываться вблизи других жилых юрт. Пища доставляется несчастному в известные дни в раз условленном месте; при этом больной не имеет права быть в таком пункте в то время, когда её приносят, а может отправиться за ней лишь после того, как относивший её вернулся уже домой. Во время моей поездки я изредка встречал подобных несчастных; они никогда не осмеливаются подходить близко к проезжающему, а подают издали известные знаки и тогда знаешь уже в чём дело. Кладёшь на землю кое-какие припасы, а если имеешь так и платье, и быстро удаляешься от злосчастного места; больной же является за подаванием уже после того, как путешественники скрылись из виду. И как ни ужасно такое существование, а больные всё же предпочитали его жизни в устроенных Штубендорфом юртах: лишь немногие из них приходили туда, а когда сам губернатор покинул Якутск всё учреждение окончательно заглохло.

В 1891 году вилюйский проказный округ объезжала англичанка мисс Кати Марсден и в то время в газетах много говорилось о её деяниях, но за отсутствием сведений из тех мест, я не могу сказать, удалось ли достигнуть каких-нибудь окончательных и полезных результатов. Тут же я не хотел упустить случая указать на то обстоятельство, что бороться

с этой ужасной болезнью пробовало уже и само правительство, но что в то время нельзя было говорить об успехе и о вознаграждении потраченных трудов.

Ниже Вилюя впадают в Лену с левой стороны лишь немногие реки, отличающиеся более значительной длиной. Плоская возвышенность, начинающаяся к западу от истоков Вилюя и Моньеро, доходит до Лены, а потому в последнюю текут тут лишь короткие речки, спускающиеся с края плато. Несколько больше других только Стрекаловка, Мúна и Молодó, но об их течении сведений имеется крайне мало, так что на карту они нанесены лишь по предположению.

В прямую противоположность слабому развитию притоков левого берега Лены, речная система правого её берега необыкновенно обширна и раскинута на громадное пространство. Бассейна Киренги мы можем вовсе не касаться, так как эта река всецело принадлежит Иркутской губернии, Витим же, верховья которого лежат в Забайкалье, образует частью нижнего своего течения границу между Забайкальем и Иркутской губернией с одной стороны и Якутской областью с другой, а потому часть его правых притоков входит в нашу карту.

Течение Витима, начиная от истоков, установлено сносно, часть же его верхнего течения, в том месте, где он образует границу Забайкалья, до впадения Каренги, снята даже инструментально. Кроме того, участок от устья Витима до Делюн-Оронского порога, расположенного ниже Оронского озера, часто посещался путешественниками, а Шварц даже ехал по нему и астрономически определил на этой самой нижней части семь пунктов. Таким образом участок реки, изображённый на нашей карте, можно без сомнения считать хорошо известным. Неисследованным осталось при этом только Оронское озеро, которого никто из путешественников не посещал. Это большое озеро соединено в то же время с обширным расширением реки; как мне говорили живущие на Витиме русские и якуты, озерообразное и сплошь покрытое островами расширение значительно больше, чем само Оронское озеро. По рассказам, там водятся тюлени, что, впрочем, не подтвердилось.

На всём протяжении от места впадения в него Каренги Витим является могучей, прелестной рекой и у своего впадения в Лену скорее превосходит эту последнюю своею величиною, чем уступает ей. Я посетил

Витим у места впадения в него Муи и нашёл, что ширина его тут превосходит одну версту, а что сам он окружён прекрасными, покрытыми обильной травой равнинами. Но последнее касается только самой главной реки и Муи, долины же правых притоков большею частью узки и мало пригодны для заселения.

Из притоков (числом 51), которые Витим принимает в пределах Якутской области с правой стороны, лишь два имеют несколько более значительную длину, именно Калакан и Калар; Каренга же, у устья которой граница области покидает Витим, течёт на всём своём протяжении в Забайкалье. Все остальные притоки представляют собою лишь незначительные горные речки, большею частью с очень коротким и до невероятности быстрым и бурным течением.

Начало нашего знакомства с этой областью положено впервые Забайкальской и Амурской экспедициями, на работах которых и основана составленная Шварцем карта юго-восточной Сибири. Эта карта есть безо всякого сомнения лучшая из всех, касающихся названной части Сибири. Карта Генерального Штаба очевидно придерживалась труда Шварца; но к сожалению чертёж вышел на первой настолько неудачным, что мне пришлось перерисовать почти всё. При этом я пользовался тоже работой Шварца и уклонился от ней только там, где она касается золотопромышленного округа. Данные для этой части карты я заимствовал у Кропоткина, который мог воспользоваться новым, Шварцу ещё неизвестным, материалом. Только Чару начертил я по карте, лично мною составленной во время посещения этой реки в 1867 г. Что же касается специально Калара и Калакана, то на них был только один Усольцев, когда шёл с Шилки на верхнее течение Чары. Он пересёк течение обеих названных рек и при этом заставил людей прекрасно знакомых с этою местностью начертить их карту. Хотя, таким образом, данные относящиеся до системы Калара и Калакана и основаны главным образом на расспросных сведениях, но последние примыкают к маршруту и настолько, как уже сказано, надёжны, что мы в праве считать реки эти исследованными вполне сносно. Все остальные притоки Витима черчены мною по Кропоткину, в распоряжении которого находилось большое количество черченных золотопромышленниками маршрутов. К сожалению, если исключить течение самого Витима, астрономических пунктов для этой местности не имеется.

Собственно золотопромышленный округ ограничивается правыми притоками Большого Пáтома, Хóрой или Малым Пáтомом и двумя левыми притоками Чары — Молвó и, главным образом, Жуей. Чара берёт своё начало из двойного озера Лепрингди, а не Леберми как приведено на карте Генерального Штаба. Эту ошибку впервые сделал Усольцев, который посетил озеро ещё до меня и, по всей вероятности, не совсем понял, что ему говорили. Долина верхней Чары, идущая в направлении с SW на N0, расположена высоко над уровнем моря, но образует плоское, достигающее ширины 20-30 вёрст дно, по которому течёт Чара и которое покрыто бесчисленным количеством озёр. Если уже горы левого её берега очень высоки, то расположенные на правом берегу ещё значительнее, потому что отсюда попадаешь в горную страну Калара, которая является, по всей вероятности, одной из самых высоких местностей Якутской области. Но дика и неприступна не одна лишь область Калара, а то же самое можно сказать и о всём золотопромышленном округе: последний пригоден только для целей золотопромышленников и не привлекает никого, кроме разве единичных тунгусских охотников. Единственное исключение представляет долина верхнего течения Чары или долина Кёскёмдя, как обыкновенно называют эту местность по имеющему до десяти вёрст в длину озеру Кёскёмде, которое расположено на левом берегу Чары несколько выше её поворота на север.

Съёмку течения самой Чары сделал, как уже сказано, я сам; при этом я определил и положение двойного озера Ничатки, мимо которого проходил в то время, когда по долине Абзада спускался на верховья Чары. Левые притоки последней довольно верно сняты золотопромышленниками, но нельзя сказать того же о Токо, большом правом притоке Чары. В этом случае я придерживался карты Шварца, потому что исправление течения Токо, сделанное на карте Кропоткина кажется мне несколько сомнительным.

По Чаре мы подошли к области второго большего правого притока Лены, — к Олёкме. Но было желательно поговорить о Чаре специально в виду того, что золотопромышленный округ должен рассматриваться как обособленное целое.

Данные об Олёкме я заимствовал целиком с карты Шварца. В моём распоряжении находились правда касающиеся её оригинальные, маршруты, но в виду того, что последние вполне совпадали с картой Шварца,

у меня не было никакого повода прибегать к ним. Только истоки Олёкмы предпочёл я начертить по карте Кропоткина, потому что этот путешественник пользовался инструментальными съёмками границы между Якутской областью и Забайкальем, сделанными Силиным и Кудриным и не находившимися в распоряжении Шварца. Указанные лица сделали съёмку водораздела, т.е. так называемого гребня Яблонового хребта, и начали (в пределах нашей карты) с места впадения Каренги в Витим. Таким образом они отметили истоки всех рек, относящихся как к бассейну Лены, так и к системе Амура, поскольку таковые берут своё начало на самом плоском водоразделе. Эта, заслуживающая полного доверия съёмка прекрасно иллюстрирует характер названного водораздела и доказывает, что в некоторых местах он вовсе не имеет гребня в настоящем смысле этого слова, а представляет собою сводообразную плоскую возвышенность, реки на которой текут параллельно, но в противоположном направлении. Так, Витим и Каренга несут свои воды на северо-восток, а параллельно идущие с ними Тóла и Нёрча на юго-запад; точно также Агла с Талаканом, притоки Нерчи, текут на довольно значительном протяжении параллельно самому верхнему течению Олёкмы, а Итыка, приток Чёрной, бежит тоже параллельно Токуру, впадающему в исток Олёкмы.

Олёкма нанесена на мою карту по маршруту Забайкальской экспедиции; последняя, впрочем, проследила Олёкму не от самых её истоков: путь её лежал с Тунгира на Нюнжи, отсюда на Алдан и лишь затем только вышел на Олёкму, вниз по которой экспедиция спускалась частью на лодке, преимущественно же шла сухим путём, придерживаясь левого берега реки. Таким образом большая часть данных о системе Олёкмы основана на расспросных сведениях, но последние вообще легли и в основание большинства маршрутов обеих экспедиций. Хотя этот расспросный материал и очень хорош, но, тем не менее, он заслуживает, как таковой, лишь относительной степени доверия. Бухта в области истоков Тунгира и устье Олёкмы определены астрономическим путём, а потому маршрут мог быть нанесён на карту точно.

Собственно говоря, Олёкма имеет два истока, один из них есть сама Олёкма, а другим является Нюнжи; оба они соединяются, в конце концов вместе, причём вовсе не уступают друг другу в величине; местные жители, однако, зовут этим именем с самого его начала лишь западный

из истоков. Впервые познакомила нас с этой рекой опять-таки карта Шварца, несмотря на то, что рекою всегда пользовались древние завоеватели страны, когда намеревались идти из области Лены на восток. Они шли с истоков Нюнжи на Амур, но впоследствии путь этот был совершенно забыт, потому что представлял много неудобств. Последние заключались не столько в препятствиях со сторон гор, сколько в непроходимости самих долин, которые делали почти невозможным путешествие на лошадях. Там чуть ли не совершенно отсутствует трава и пастбища, а потому вся обширная область реки и по сих пор остаётся вовсе необитаемой и посещается исключительно охотниками. Только на низовьях самой Олёкмы поселились якуты, но вверх по реке не пошли, потому что не могли найти корма для лошадей.

Книзу от Олёкмы следует ряд мелких рек, которые я нанёс частью по съёмке Ахте, частью же по карте юго-восточной Сибири Крутикова; я обратился к последней потому, что относительно правых притоков Ахте пользовался менее надёжными данными, чем относительно левых. Причина только что указанного заключается в том, что левый берег реки более культурен, чем правый, который занят только якутами, возводящими свои юрты не у реки, а в глубине страны. Вследствие этого правый берег делает впечатление глухой, необитаемой местности, между тем как на противоположном станции следуют одна за другой через короткое расстояние, так что тут сосредоточивается и всё сообщение. Ввиду того, что никто из членов экспедиции не был к западу от Алдана, Крутиков чертил свою карту тоже лишь на основании расспросных сведений. Карта Генерального Штаба с картой Крутикова не сходится. Я не могу сказать на какие источники она опирается по отношению части течения Лены, расположенной между Олёкмой и Алданом, но я решился придерживаться Крутикова, потому что экспедиция, в которой он участвовал, имела возможность собрать очень богатый материал. Последний заключается как в расспросных данных, так и в рисованных якутами и тунгусами картах, которые часто составлены замечательно верно. Реки на этом пространстве большою частью маловодны и коротки; несколько значительнее только впадающая у станции Саныхтах Талба, да текущая в Лену между станциями Бестяхской и Покровской Ботома. Особенно велика и многоводна последняя; многие из её притоков изобилуют прекрасными покосами и пастбищами, а потому

являются главным местом жительства якутов Восточно-Кангалахского улуса. Здесь же находится месторождение очень хорошей железной руды, которая добывается якутами и перерабатывается в недурное железо.

Самый большой из притоков Лены, — Алдан, в своём нижнем течении известен уже давно и до впадения в него Амги относится к самым населённым местностям Якутской области. Зато верхнее его течение и большая часть системы его притоков составляла до названной великой экспедиции полнейшую *terra incognita*: из притоков его известна была Мая, исстари служившая путём сообщения с Охотской гаванью, да часть Учюра, на котором бывает славившаяся уже в древности соболья ярмарка. Оно, впрочем, вполне и понятно: долиной Амги заканчивается область хлебопашества и скотоводства, почему якут далее не проникает, а затем начинается царство охотника. В настоящее время сведения, которыми мы располагаем относительно этой системы, значительно расширились, но тем не менее мы всё же ещё очень далеки от того, чтобы иметь право сказать, что составленная нами карта верна. Для всей обширной системы Алдана мы располагаем до настоящего времени всего только 14 астрономическими пунктами, которые к тому же распределены по области не особенно-то выгодно; к этим пунктам присоединяется несколько маршрутов, составленных дельными специалистами, все же остальные наши данные основаны на расспросных сведениях. Из нашей «карты астрономических пунктов» видно, каким незначительным количеством годного материала мы владеем для верного определения направления рек; так, исследователи проезжали лишь по незначительной части самого Алдана, Амга установлена и нанесена на карту лишь по двум пунктам, где происходила через неё переправа, да и другие большие притоки могут считаться начерченными правильно лишь отчасти.

Между тем сведениями, которыми мы теперь располагаем, придётся довольствоваться, по всей вероятности, в течение долгого времени, потому что рассчитывать на производство там дальнейших разысканий нет повода: в экономическом отношении страна не представляет ровно никакого интереса, чтобы оправдывать значительные затраты на её исследование. Побудить к последнему может разве только открытие золота в Становом хребте, где до сих пор оно, однако, ещё не было

найденно. В этой, носящей характер высокого плоскогорья горной стране человеку нечего искать: болотистая её почва покрыта только лиственничным лесом, в ней нет даже изобилующих рыбою рек и озёр, а потому она не привлекает якута, а когда окончательно исчезнет становящийся всё реже и реже соболь, перестанет соблазнять даже охотника. С другой стороны, и естествоиспытатель, кроме разве геолога, вряд ли найдёт страну эту достаточно интересной, чтобы решиться на опасности и лишения без полной уверенности в богатой добыче. К тому же великая экспедиция дала в географическом отношении всё, что в её условиях можно было сделать и в общем довольно правильно установила сеть речной системы. Таким образом не достаёт лишь детальных исследований, а из-за них вряд ли будет предпринята новая экспедиция.

При черчении моей карты я неуклонно придерживался карты Шварца (насколько границы её совпадали с моею) и предоставленных мне проф. Шварцем оригинальных съёмок; я исправил лишь те ошибки, которые произошли по вине резчика. В моём распоряжении находилась снятая самим проф. Шварцем копия с его карты, так как оригинала более нет. Ошибки резчика встречаются большею частью по краям отдельных листов, хотя надписи вырезаны часто не ясно (так, например, у него значится Лим вместо Аим и т.д.); но градусная сетка некоторых листов не сходится с оригиналом: она смещена на одну или полторы английских линии. В остальном же, относительно её чёткости и правильности, карта не оставляет желать ничего большего, а потому можно только удивляться, что карта Генерального Штаба не представляет лучшей копии со своего оригинала. Карта Шварца кончается 60° сев. шир., на побережье же Охотского моря заходит лишь несколько далее 57°; вследствие этого приблизительно до 62° я придерживался карты Крutiкова, а также карты, составленной ещё Козминым; последняя, однако, основана исключительно на расспросных сведениях. Чертёж реки Белой и пути на Охотск заимствованы мною от Эрмана и с хранящегося в Генеральном Штабе маршрута, на котором путь от Якутска в Охотск снят, начиная с Алдана. Помимо всего этого материала я воспользовался ещё крайне точным маршрутом Миддендорфа, находящимся в приложенном к его Сибирскому путешествию атласе; он начинается от Амгинской слободы и доведён до Удского острога.

Обзорная карточка маршрутов даёт мерило доверия, с которым мы можем относиться к чертежам отдельных рек моей большой карты и, сопоставляя обе эти карты, приходится согласиться, что последняя из них оставляет желать в этом отношении ещё очень многого. Я должен обратить внимание читателя на то, что это касается особенно Май выше впадения Нелькана, а также Юдомы, Аллах-Юна и Белой. Несмотря на то, что Юдома, по которой идёт путь на Охотск, известна сравнительно давно и несмотря на существование карты её, составленной Сарычевым, никак нельзя утверждать, что река эта правильно нанесена на карту. Астрономическое определение Креста Юдомского (на Юдоме) сомнительно, а карта Сарычева плохо согласуется с другими картами, например, Козмина и Крутикова; таким образом всё, что мы знаем о Юдоме ещё крайне неопределённо. Столь же плохи, если даже не хуже сведения, относящиеся к рекам Белой и Аллах-Юню. В этом случае мы располагаем прежде всего двумя источниками: с одной стороны — путешествием Эрмана, а с другой уже упомянутым маршрутом, который хранится в Генеральном Штабе. Но источники эти между собою положительно не согласуются; к тому же большим неудобством является то обстоятельство, что Эрман не оставил ни маршрута, ни даже более или менее подробной карты своего путешествия; он даёт лишь описание путешествия, в котором сообщается очень подробно о маловажных вещах, но часто вовсе не говорится о пути, по которому он шёл. Вследствие сказанного, я считаю системы рек Белой и Аллах-Юна самыми слабыми и ненадёжными местами моей карты. К последним относится также и река Амга с её притоками. Крутиков в данном случае не воспользовался прекрасным материалом, а карта Козмина так ненадёжна по отношению к этой реке, что и при её посредстве немного выясняется. Таким образом, я могу указать лишь на астрономически определённые пункты, расположенные на этой реке. Но из них на самой реке лежит только Амгинская слобода, два же других — станции Лебягинская и Нохинская — несколько удалены от её правого и левого берега. Все остальные, касающиеся системы Амги данные представляют собою лишь предположения, которые к тому же ещё очень гадательны, а потому могут быть приняты в расчёт лишь за неимением лучшего материала.

Может показаться странным, что местность, по которой протекают такие большие и многоводные реки остаётся недоступной и малоизвестной. Но виною тому являются сами эти реки, так как плавание по ним очень затруднительно. В нижнем своём течении Алдан, правда, является могущественной, текущей в широком русле рекой, но верховья его благодаря большому количеству порогов почти не годны для плавания или могут служить для этой цели только во время высокого уровня воды. То же самое можно сказать об Учуре и его притоках и даже многоводная, широкая Мая местами крайне опасна, а потому в настоящее время ею тоже почти не пользуются в качестве пути сообщения.

Ниже впадения Алдана Лена уже не принимает в себя имеющих значение притоков. Соединившись с Алданом, она течёт в широком русле, но с обеих сторон сопровождается, особенно к северу от впадения Вилюя возвышенностями, которые тянутся почти до самой её дельты и не оставляют места для развития значительной системы притоков. Верстах приблизительно в пятидесяти выше дельты русло Лены суживается, чтобы затем, по вступлении в неё, снова расшириться и образовать некоторое подобие озера. Самую дельту я изобразил по карте Юргенса¹, причём отметил, как и он, лишь самые большие устья. Дело в том, что только одни они остаются постоянными, все же остальные мелкие протоки и рукава, по которым воды Лены прокладывают себе дорогу к морю, подвержены столь сильным изменениям, что пришлось бы каждый год чертить новую карту дельты, если бы желали достигнуть точности в этом направлении. Вся дельта состоит из отлагающихся самой Леной песчаных наносов, которые возвышаются над уровнем воды лишь очень незначительно, если не считать холмов, возникших благодаря действию бурь. Единственное исключение в этом отношении составляет, по-видимому, только самый западный из рукавов Лены — Западная протока. Последняя, как кажется, прорвала сушу, и расположенные перед нею высокие острова с горами Бор-Хаей и Кегыл-Хаей представляют собою не нанос реки, а являются частью материка. Острова, конечно, состоят тоже из песка, но он же послужил материалом и для образования гор левого берега Лены, — последних отрогов великого западного нагорья. У горы Кегыл-Хая, которую Мельвилль назвал мысом

¹ Экспедиция к устью Лены с 1881 года по 1885 год. Предварительный отчёт начальника экспедиции Н.Д. Юргенса. С.-Петербург 1885.

Памятником несколько юго-восточнее от острова Боран-Белкой похоронен Де-Лонг и его спутники по экспедиции несчастной «Жанетты»; они увеличили своею смертью горсть тех отважных мужей, которые пали здесь, на крайнем севере, жертвою своей жажды знания и верности своему долгу. Несколько западнее, при устье Оленька, находятся могилы их мужественного предшественника Прончищева и его верной жены, не покинувшей своего мужа даже после его смерти. Оба они погибли тут в 1773 году от цинги после того, как в течение целого ряда лет боролись со всеми ужасами здешних снежных пустынь.

Выше я уже сказал, что начертил дельту Лены по новейшим данным Юргенса и, таким образом, исправил по ним определённые здесь ранее пункты. При этом нужно упомянуть, что некоторые из прежних определений, именно те, которые делались Анжу и Бережных, очень хорошо согласуются с определениями Юргенса, другие же сильно с ним расходятся. Главным пунктом Юргенса была, очевидно, станция Сагастыр, расположенная на $73^{\circ}22,8'$ с.ш. и $144^{\circ}15'50''$ в.д.; это определение прекрасно согласуется со съёмкой Сагастыра, сделанной Анжу, особенно, если принять в расчёт, что нам неизвестно с точностью место, где стоял инструмент Анжу. Последний дал для Сагастыра $73^{\circ}21'55''$ с.ш. и $144^{\circ}41'47''$ в.д.; определение широты, таким образом, почти одно и то же, а разница в определении долгот вовсе не велика для такого северного положения и при неизвестности места наблюдения. Таким же манером согласуются определения мыса Быкова, лежащего по Юргенсу на $71^{\circ}59,9'$ с.ш. и под $146^{\circ}55'50''$ в.д., и западного побережья Быковской губы, расположенного по Бережных под $71^{\circ}52'41''$ с.ш. и $146^{\circ}51'58''$ в.д. Губа эта против мыса, конечно, много шире четырёх минут, которые составляют разницу двух определений; если же Бережных производил своё наблюдение у юго-западного угла губы, на что и указывает разница широт, то оба определения окажутся вполне соответствующими друг другу. Плохо обстоит, однако, дело с двумя деревнями — Ары-Быковой и Зимовьялах на острове того же имени. Первая определена Юргенсом, и если он, с одной стороны, не сделал астрономического определения второй, то с другой — не подлежит никакому сомнению, что она располагалась на его пути из Ары-Быковой на мыс Быков или лежала на очень незначительном расстоянии в сторону от него. Бережных же нашёл для Зимовьялаха $72^{\circ}3'51''$ и $147^{\circ}27'17''$; таким образом последняя деревня

очутилась бы на $0^{\circ}31'27''$ (иными словами на 17 вёрст) восточнее прямой линии с Ары-Быкова на Быков, что составило бы ошибку вёрст на пятнадцать.

Нельзя, однако, не согласиться с тем, что определения пунктов, лежащих в восточной части дельты, сравнительно очень близки между собою, а также и с тем, что чертежи дельты к востоку от Сагастыра на картах Юргенса и Анжу почти тождественны, если не считать мелких протоков, которые изменяют, как уже сказано, своё направление почти ежегодно. Не то мы видим, если обратимся к западной части дельты: тут замечается резкая разница как в определении пунктов, так и в самом чертеже. Названная часть дельты несомненным образом установлена Юргенсом путём определения двух пунктов — стана Орто, лежащего на $73^{\circ}34'5''$ с.ш. и под $143^{\circ}1'50''$ в.д., и северного конца острова Дуная, расположенного на $73^{\circ}55'6''$ с.ш. и на $142^{\circ}13'50''$ в.д. Таким образом она распространяется значительно далее к западу, чем можно судить по карте Анжу. Последний проезжал тут зимою и был обманут проводниками, которые, не желая направляться далее к западу, уверили его, что они едут уже по берегу дельты. Если принять в соображение незначительное возвышение дельты и неровность морского льда, легко поверить в возможность такого заблуждения. Но и астрономические пункты этой части дельты не согласуются между собою. Долготу деревни Тураха Юргенс не определял, но на его карте она лежит на 142° , Анжу же, по съёмке которого я нанёс местечко на свою карту, приводит для него $72^{\circ}57'53''$ с.ш. и $142^{\circ}30'$ в.д., иными словами помещает его на 16 вёрст далее к востоку. Но ещё более расходятся определения долготы устья Оленька. По Анжу лежащая при устье этой реки деревня Балкалах расположена на $72^{\circ}57'10''$ с.ш. и $139^{\circ}45'$ в.д., тогда как по Юргенсу широта её выражается $72^{\circ}56'6''$, а долгота $137^{\circ}30'50''$, — разница долгот таким образом в $2^{\circ}14'10''$ или в 72 версты. Долготы Миллера, тоже наблюдавшего в Балкалахе, ещё не вычислены, а потому я, придерживаясь в данном случае Юргенса, отодвинул устье Оленька значительно более к западу, чем на карте Генерального Штаба.

Точно также я должен был отодвинуть к западу и нижнюю часть течения Лены; сделал я это не потому, чтобы это вытекало из данных карты Юргенса, а оттого, что карта Генерального Штаба не согласуется в данном случае с определёнными Анжу астрономическими пунктами,

на основании которых она должна была чертиться. Тут я наткнулся на очень важные затруднения. Дело в том, что у мыса Говорово Лена делает большой изгиб к западу, который изображён также и на карте Генерального Штаба; но вместе с тем у Анжу я нахожу на восточном берегу Лены мыс Болтуново помещённым на $69^{\circ}38'19''$ с.ш. и под $143^{\circ}35'$ в.д., а у Юргенса для Сихтяха, расположенного всего на полградуса севернее, приведены $70^{\circ}0'13''$ с.ш. и $142^{\circ}42'50''$ в.д. Таким образом кверху от указанной выше излучины Лена делает к западу ещё другой изгиб и при том почти в один целый градус или в 35 вёрст. Что этот изгиб не значится на карте Генерального Штаба, ещё ничего не говорит, так как съёмка нижнего течения Лены сделана неполно, но тут обращает на себя внимание другое важное обстоятельство. Я имею здесь в виду то, что Анжу приводит мыс Болтуново на восточном берегу Лены, между тем трудно понять, как может быть мыс на месте, где река поворачивает на запад. Могучая, текущая между высокими горами река, подобная Лене, образует, конечно, много различных выступов и мысов, но все они обыкновенно безымянны, если же они носят названия, то во всяком случае представляют собою образования, резко бросающиеся в глаза, а таким на этом месте мог бы быть только мыс на западном берегу реки. Вследствие сказанного я полагаю, что в список астрономических пунктов Анжу вкралась, как это часто бывает и в других случаях, описка, а потому принимаю поправку — западный берег Лены вместо восточного.

Местные жители дельты принимают, что Лена впадает в море 45 рукавами; при этом они считают только более значительные, так как мелких протоков бесчисленное множество. Из этих 45 рукавов за Лену собственно в настоящее время может быть признано только Быковское устье. Остальные рукава с одной стороны очень мелки сравнительно с только что упомянутым, а с другой — вода их оказалась по исследованиям капитана «Лены» Иоганнесена солёной, тогда как вода Быковского русла безусловно пресная. Но помимо того для выведения воды в море, при обыкновенном её уровне, вполне достаточно, как заметил уже Норденшельд, и одного Быковского русла, ширина которого очень значительна, тогда как сама река уже от Сихтяха имеет всего четыре версты в ширину; глубина её, однако, значительно больше, чем глубина Бы-

ковского русла. Таким образом все многочисленные рукава дельты питаются рекою только в весеннее половодье, а в другое время года наполнены почти исключительно морскою водою. Не могу сообщить, составляет ли в этом отношении исключение Западная протока, текущая к Оленьку, но по всей вероятности — нет, потому что по слухам она очень мелка. Против мыса Быкова река достигает ширины десяти вёрст и от того места, где расширяется на подобие озера имеет почти всюду такую же ширину. Озероподобное расширение, впрочем, очень мелко, собственно фарватер идёт вдоль левого берега, а песчаная отмель, тянущаяся вдоль правого берега, доходит до середины водоёма и при низком уровне вод даже совершенно высыхает.

Как побережье Ледовитого океана, так и острова, расположенные к востоку от дельты Лены и тянущиеся до Колючинской губы астрономически определены Анжу, Врангелем и их спутниками, а астрономические пункты соединены в одну полную карту при посредстве съёмок пель-компасом. Таким образом эта часть Якутской области принадлежит к наиболее исследованным. Сам я посещал, конечно, морское побережье лишь на пространстве от устья Индигирки до мыса Якана, а потому только относительно этой части могу лично засвидетельствовать, что съёмка крайне точна и очень хороша; нет поэтому никакого основания сомневаться, чтобы часть побережья, расположенная между Индигиркой и Леной, оказалась менее удачной, тем более, что восточная сторона дельты Лены в достаточной мере указывает, как тщательно в то время велись работы.

Но тут-то мы и убеждаемся, что далеко не все астрономические пункты совпадают с чертежом карты Генерального Штаба. Сначала я взял положение астрономических пунктов из *Exposé* Шуберта и, заметив их несогласие со штабскою картою, полагал, что в названный перечень вкрались ошибки. Когда же я сравнил оригинальные данные Анжу и Врангеля с цифрами *Exposé*, то оказалось, что последние вполне согласуются с первыми.

Трудно сказать представляет ли карта Генерального Штаба в отношении побережья Ледовитого океана и его островов работу оригинальную или является заимствованием из других трудов. Как бы там ни было, но пользование астрономическими пунктами совершенно такое же, как на карте Ледовитого океана, которую издал Гидрографический

Департамент¹. На этой карте находится большое количество пунктов, определённых Анжу и его спутниками, но далеко не все; трудно, однако, сказать, чем руководствовались при выборе тех или иных пунктов. Нельзя правда отрицать, что у Анжу находятся не все долготы, приведённые в *Exposé* Шуберта; так, например, у него нет долгот Биркина стана, скалы Титки, западного конца острова Ближнего, восточного берега последнего, западного берега Малого Ляховского, упоминаемых в списке под №№ 246, 247, 248, 250, 257. Но если эти долготы приводятся в *Exposé*, то мы имеем полное право предположить, что они были вычислены впоследствии по дневникам Анжу, а потому нет никакой причины не принимать их в расчёт. Но помимо этого при составлении названной карты не воспользовались также многими и из тех пунктов, для которых Анжу приводит обе координаты. К таким между прочим относятся: южный и северный берега острова Белковского, №№ 268 и 278, а также и некоторые другие. С другой стороны, есть пункты, которые нанесены правильно, но с которыми тем не менее чертёж не сообразуется. Для примера укажу на мыс Медвежий, на южном конце острова Котельного. Анжу определил его $74^{\circ}50'13''$ с.ш. и $156^{\circ}16'45''$ в.д.; на карте же Гидрографического Департамента под этими координатами помещён пункт юго-западного берега острова, который отсюда продолжается в юго-восточном направлении, оканчиваясь в конце концов мысом Медвежьим под $74^{\circ}38'$ с.ш. и $157^{\circ}28'$ в.д.

Ввиду того, что я не имел возможности узнать причину, побудившую отступать от астрономических пунктов, я, со своей стороны, счёл нужным точно придерживаться их при черчении. То обстоятельство, что в Гидрографическом Департаменте среди оставленных Анжу и Врангелем карт есть наброски, доказывающие разногласие во взглядах самих участников экспедиции на снятые ими побережья, вовсе ещё не является достаточной причиной игнорирования определённых пунктов. Что не все эти определения, сделанные при столь неблагоприятных климатических и широтных условиях, имеют одинаковое значение и цену, понятно само собою, но тем не менее они были удержаны как самими Анжу и Врангелем, так и составителем *Exposé*. Поэтому и мы не

¹ Карта Северного Ледовитого Океана от Енисейского залива до Берингского пролива составлена с русских описей 1734-1742 и 1821-1823 годов. Издана Гидрографическим Департаментом Морского Министерства в 1874 году. Два листа.

имеем права отступать от них до тех пор, пока место их не заменили более лучшие и более надёжные наблюдения. Съёмка пель-компасом производилась при крайне неблагоприятных условиях; мешала и сильная стужа, и льды, и снежные бури, а потому нет ещё ровно ничего удивительного в том, что частности её не всегда согласуются друг с другом. Вполне возможно, что более точная, произведённая при более благоприятных условиях съёмка побережья и особенно островов даст иные детали. Но всё это вовсе не относится, однако, до пунктов, определённых астрономическим путём, потому что все те из них, которые переопределялись впоследствии, оказывались большею частью точно установленными. Вследствие всего сказанного я и счёл себя вправе снова нанести все пункты, за исключением лишь немногих, в определении которых были очевидные ошибки и которые, благодаря этому, я и выпустил. К последним относятся следующие (№№ соответствуют таковым же в Exposé):

№ 14314 Мыс Егорев на Колыме.

№ 14318 Наивысшая точка хребта Сахарного.

№ 14329 Устье Малой Чукочьей.

№ 14336 У устья Большой Баранихи.

№ 14338 Устье Каменной Колымы.

№ 14339 Остров Сахарный.

№ 14348 Большой Баранов камень, восточный его конец.

№ 14350 Крест на Малом Баранов камне.

№ 14355 Скалы против Малого Баранова камня.

№ 14381 Юго-восточный край Мыса Кибера.

№ 14403 Старое Сатыган Тала.

№ 14460 Северный конец острова Лиственничая на Лене.

№ 14462 Западный берег Лены против острова Тит Ары.

№ 14463 Остров Зимовьялах.

№ 14479 Крестях на острове Сабосася.

№ 14486 Устье Оленька.

Перечисленных пунктов у Анжу и Врангеля большею частью нет, некоторые же из них нельзя было согласовать с данными Юргенса, а потому я и счёл за лучшее не включать их в мой список. С другой стороны, я ввёл в мой перечень кое-какие пункты Анжу, которые не включены,

по неизвестным мне причинам, в *Exposé*. К ним между прочим относится № 139 моего списка, Мыс Болтунов на Лене. Если только определение Анжу верно, то пункт этот указывает на то, что река делает очень резкий изгиб к западу. Эта излучина отсутствует, правда, на всех картах, но в виду того Анжу удержал это определение, нет причины сомневаться в его точности.

Изображение группы островов, носящей название Новосибирского Архипелага, изменено мною в том, что я принял за сушу песчаную отмель, соединявшую на прежних картах острова Котельный и Фадеев. Нет, действительно, никакого основания изображать тут просто «песок», о котором не знаешь представляет ли он собою сушу или песчаную отмель. Уже у Анжу в этом месте нет морского пролива, он рисует на севере между двумя островами лишь бухту, — губу Драгоценную; по этому так называемому «песку» течёт как сама Драгоценная, так и другие реки, а по свидетельству барона Толя там есть холмы и горы. Таким образом становится вовсе непонятным, почему не называть в данном случае сушею то, что во всех других случаях считается за таковую.

Но я должен указать ещё на одно сделанное мною изменение. У Анжу определены два пункта, помещённые в его списке под № 211, южный берег острова Ярока под $71^{\circ}27'8''$ с.ш. и $155^{\circ}24'$ в.д., и под № 214, северный берег острова Ярока под $71^{\circ}33'12''$ и $156^{\circ}26'$. Между тем остров и залив, в котором он помещается вовсе не настолько велики, чтобы сделать возможным помещение обоих этих пунктов. Составители карты Гидрографического Департамента старались пособить делу тем, что поместили второй пункт на суше у озера Ярко. Ввиду, однако, полной определённости указаний «остров Ярок» и «северный» и «южный» берег, я полагаю, что следовать такому примеру мы не имеем нрава. Гораздо проще, по моему мнению, предположить, что тут произошла простая описка и что долготу № 214 (к сожалению, в моём распоряжении находился лишь список астрономических пунктов, самих же наблюдений разыскать мне не удалось) нужно принять за $155^{\circ}26'$; таким образом наблюдателю стоило только перейти поперёк острова с юга на север, чтобы достигнуть второго пункта.

Только что сказанным в вышеприведённых строках и исчерпываются все отступления моей карты от карты Генерального Штаба.

Съёмки Врангеля доведены только до Колючинской губы, а на восточном берегу её расположен астрономический пункт Питлекай, который служил зимней станцией «Вега» и точно установлен целым рядом покрытий звёзд. Далее на восток мы должны руководствоваться астрономическими пунктами и съёмками Литке; он не довёл их, однако, до устья Анадыря, так что для этой части морского побережья нет вполне надёжной карты.

Выше я имел уже случай сказать, что побережье Ледовитого океана на большей части своего протяжения низменное; но вместе с тем оно дико и негостеприимно, а потому обитателей на нём очень мало. Норденшельд крайне удивился этому и указал на то, что ледовитое побережье в Северной Америке заселено много гуще, чем в Сибири, где мы встречаем несколько чукотских поселений лишь начиная от мыса Шелагского. Причину такого явления он видит в том, что вследствие войн и притеснений со стороны своих соседей эскимосы в Северной Америке были принуждены искать убежище на берегу моря, тогда как в Сибири со времени её завоевания русскими воцарился мир, а потому никому не приходилось избирать себе местом жительства страну, которую он при свободном выборе никогда не пожелал бы назвать своею родиною. Мне кажется, что такое мнение не вполне соответствует фактам. Во-первых, Сибирское побережье Ледовитого океана вовсе уже не так безлюдно, как полагает Норденшельд, основывая своё суждение на том, что никто из чукчей не явился на «Вега» во время её стоянки у мыса Эрри. Начиная с Анабара на морском берегу повсюду есть селения, но все они расположены вблизи устьев рек и к тому же лежат большою частью несколько вверх по реке, а не у самого моря; это по той простой причине, что рыбы здесь ловится больше, да и самая ловля на реках много безопаснее, чем в открытом, крайне бурном море, по всему побережью которого нет ни одной мало-мальски безопасной гавани. Дельта Лены и губа Бор-Хая заселены, как и дельта Индигирки и побережье от устья Большой Чукочьей до мыса Медвежьего. Но всего замечательнее то, что тамошние жители вполне довольны своим положением. Пригнала их туда не нужда, но они были привлечены большим рыбным богатством; ловить же рыбу с удобствами можно только в реках и если чукчи к востоку от мыса Эрри живут у самого моря, то это только потому, что там нет устьев больших рек. Картина меняется уже у устья Анадыря и начиная

отсюда на самом берегу моря опять никого не встречаешь, — жители селятся вглубь страны и вверх по реке. Таким образом чукчей оттеснила к Ледовитому морю нужда, а не враги.

Между Леной и Яной в Ледовитый океан впадают несколько рек, которые нам известны только по их устьям, с направлением же их течений мы вовсе не знакомы. Во время моего пребывания в Верхоянске мне обещали прислать точно нарисованную карту самой большой из этих рек, Омолоя; составить карту при мне сулившие её лица не могли за недостатком точных сведений: они хотели дожидаться одного тунгусского старосту. Я, впрочем, никогда не получал этой карты, а потому мог начертить реку лишь в общих чертах; мне могли сообщить о ней только то, что истоки её лежат к северу от истоков впадающей в Лену Менкяри.

Что касается рек, впадающих в Ледовитый океан к востоку от Лены, то в этом отношении карта моя ничем не отличается от карты Генерального Штаба. Обе они составлялись по одним и тем же источникам и преимущественно основаны на работах Врангеля и Анжу, а также на данных предпринятой мною с д-ром Нейманом и топографом Афонасьевым экспедиции в Землю Чукчей. В начале настоящей пояснительной записки перечислены маршруты, которые мы привезли с собою оттуда. Как эти маршруты, так и данные наших расспросных карт нанесены Генеральным Штабом настолько правильно, что в этом случае вряд ли требуются какие-либо поправки. Этими словами я, впрочем, хочу только сказать, что обе карты во всём сходятся, как оно и должно, понятно, быть, раз они основаны на одном и том же материале; но я вовсе не могу и не хочу утверждать, что сама карта вполне удовлетворительна. Дело в том, что если мы исключим Яну, для которой мы имеем длинный ряд астрономически определённых пунктов, то для всего остального обширного пространства мы почти вовсе таковыми не располагаем. Наблюдения Неймана, которому приходилось во время всего путешествия бороться с крайне неблагоприятными условиями со стороны погоды, следует считать большею частью за неудачные; а старинных наблюдений для этой части области очень мало, да к тому же некоторые из них (как, например, определения Биллингса на Колыме и в Зашиверске на Индигирке) абсолютно не годны. Афонасьев вёл, правда, большую часть своих маршрутов очень тщательно, но и самый тща-

тельно ведённый маршрут при таких громадных расстояниях становится ненадёжным, если не опирается на вполне точно определённые пункты. К этому присоединяется ещё то обстоятельство, что расспросные сведения опираются тоже не на точно установленные пункты, а на маршрут, который уже сам по себе всегда ненадёжен. Вследствие всего сказанного для разбираемой части страны приходится довольствоваться далеко менее точными данными, чем для юго-восточного угла Якутской области. С этой точки зрения и следует рассматривать все последующее.

Если оставить в стороне её притоки, *Яна* является самой исследованной из всех рек Якутской области, потому что на ней расположено столько астрономических пунктов, сколько нет ни на одной другой. Анжу определил на ней семнадцать пунктов и тем самым точно установил направление её течения. Но он исследовал только главную реку да очень запутанную дельту её, притоков же вовсе не касался. Но зато, вплоть до появления карты Генерального Штаба, среди системы притоков Яны царила действительно ужасающая путаница. Немногие годные и приблизительно верные данные, которые давала карта Познякова, были положительно варварски изуродованы стараниями Иркутского Генерального Штаба, так что карта последнего вызвала насмешки и некоторое чувство стыда даже среди верхоянских купцов, ежегодно ходивших по дороге от Якутска в Колымск. В сибирских условиях было интересно узнать о происхождении этой карты, поскольку она касается Яны, Колымы и Индигирки. За справками я обратился в Верхоянске к купцу Семёну Горохову, который слыл за лучшего знатока местности. Он оказался человеком с ясным умом и положительно изумительной памятью местности, любил заниматься литературой и наукой (что представляло для Верхоянска и Якутска совершенно аномальное явление), и охотно помогал своими советами всем путешествующим. Сын его, Никита Горохов, пошёл в этом отношении, судя по свидетельству д-ра фон-Бунге и барона Толя, по стопам своего отца. Семён Горохов заявил мне, что он мог бы составить недурную карту реки Яны со всеми её притоками, если бы только умел чертить сам. Он предлагал мне взять на себя труд черчения карты и надеялся дать в этом случае верную карту названной речной системы, а не такую карикатуру, как он выразился, указывая на висевшую на стене карту Иркутского Генерального Штаба.

Вслед затем речь зашла об этой последней, и он сообщил мне, что он получил этот экземпляр в подарок от Генерального Штаба в виде благодарности за его труды по её составлению. «Вот она и висит тут, прибавил он, на всеобщее посмешище и в виде вечного упрёка мне, потому что она чертилась, конечно, в моём доме». Произошло же это, по его рассказу, таким образом. В начале пятидесятых годов — точно теперь уже не помню — местному исправнику была прислана бланковая карта с географическою сеткой. На ней было нанесено только морское побережье и намечены, если не ошибаюсь, главные течения Яны, Индигирки и Колымы. К исправнику обращались с просьбою выполнить карту соответственными речными системами при посредстве знающих местность лиц в том случае, если таковые найдутся и могут исполнить подобную работу. Происходило это как раз в июне месяце, т.е. в такое время, когда в Верхоянске собралось большое число торговцев, ежегодно путешествующих между Якутском и Чукотской ярмаркой на Малом Анюе. Ввиду того, что сам Горохов был прекрасно знаком с Яной, но не вполне был уверен в своём знании пути от Верхоянска до Колымска, он пригласил ещё несколько лиц, и все вместе принялись они за работу. К несчастью было решено приступить к доброму делу предварительно подкрепившись вкусным завтраком; этот последний так сильно подействовал на компанию, что в конце концов стали чертить да вычёркивать, а затем снова чертить до тех пор, пока не получилось произведение, которое тогда же показалось самому Горохову крайне сомнительным. Он хотел переделать чертёж затем уже один, но исправник, который присутствовал тут же, на это не согласился. Он заявил, что начальство нельзя заставлять ждать, что у него есть хорошая оказия тотчас же переслать карту в Якутск и что он хочет ею воспользоваться: пусть, мол, видят, как быстро исполняются в Верхоянске даже малейшие желания начальствующих лиц. Так карта и ушла, а через значительный промежуток времени получил Семён Горохов благодарственное письмо с приложением копии карты, — той самой, которая висела у него на стене. Он сознался мне, что покраснел до ушей, прочтя бумагу и взглянув на произведение рук своих. Другие участники этого труда, которым он во время их проезда показывал карту, утверждали, что её испортили в Иркутске, и что они не могли изобразить на бумаге такую бессмыслицу. Но сам Горохов был

крайне честен и сознавался, что в то время они находились в таком развесёлом настроении духа, что легко могли бы произойти и ещё более удивительные вещи. Он утверждал поэтому, что Генеральный Штаб без всякого сомнения точно придерживался их чертежа, сочтя его за труд людей, хорошо осведомлённых относительно местных условий. Он собирався тогда же обратиться с просьбою в Иркутск о присылке новой бланковой карты, но исправник снова наотрез отказал ему в этом, полагая, что подобное обращение может навести начальство на мысль, что с ним сыграли шутку, а в таком случае всем им, а ему, исправнику, прежде всего, неминуемо попадёт на орехи.

Дело это, однако, всё время тревожило Горохова, и ему очень хотелось исправить свою прежнюю ошибку, а потому мы и принялись с ним за работу, которая велась таким образом. Начали мы с маленького озера Сис-Кель, расположенного в верхнем поясе Верхоянского хребта; из него вытекает на север Яна совершенно открыто, в то время как со середины крутого горного склона, спадающего от названного озера к югу, пробивается сильный ключ, дающий начало Тукулану. Но и этот ключ, есть, очевидно, сток озера Сис-Кель, которое питается исключительно снегом окружающих его горных вершин. Горохов описал направление течения реки, её изгибы и устья её притоков, постоянно указывая на страны света и на взаимные расстояния. По этим указаниям я чертил карту, причём для определения расстояний мы приняли, что вьючная лошадь проходит четыре версты в час, а якутский кёс считали за семь с половиною вёрст. Обыкновенно в Якутске принимается, что вьючная лошадь проходит пять вёрст в час, а кёс, общепринятая якутами мера пути, приравнивается десяти вёрстам, но как ту, так и другую оценку мы с Гороховым считали за слишком высокую. В виду того, что в Якутской области почти вовсе нет действительно промеренных расстояний, точные наблюдения над ходом лошади приходится производить, конечно, лишь крайне редко, но насколько позволяют судить мною произведённые, я должен сказать, что вьючная лошадь проходит пять вёрст в час только при особенно благоприятных условиях, большею же частью она идёт тише; если же принять в расчёт, что приходится останавливаться, чтобы поправлять, например, соскользнувшие сёдла, съехавший вьюк и т.п., то вряд ли возможно принять в среднем более четырёх вёрст.

Что касается до кёса, то уже в первом томе этого сочинения я объяснил, почему его нельзя принимать более, как за семь с половиною вёрст; там же читатель может найти и подробности относительно этой меры, которая, собственно говоря, есть мера времени. Но ради удобства я считаю нелишним повторить здесь самое главное из сказанного там. Якутское слово кёс означает горшок для варки пищи и это несколько странное обозначение меры пути предметом домашнего обихода имеет своё основание в кочевом образе жизни народа. Якут каждую весну переселяется со всеми своими чадами и домочадцами, со всем своим, как старым, так и молодым скотом из зимнего жилья в летнюю юрту, а каждую осень такое переселение идёт в обратном направлении. Но со скотом можно путешествовать лишь крайне медленно и при том делать без отдыха только очень короткие переходы; остановки же, на оборот должны быть как можно продолжительнее, чтобы давать время скоту наедаться досыта. Ввиду того, что горшок для варки пищи людям ставится на костёр всякий раз, как скот пускается на пастбище, якут и называет кёсом отдельные переходы, сделанные между привалами с едой. Основываясь на этом обычае, называли и самый путь, расстояние, между двумя местами остановок кёсом, а живущие там русские приняли в общем, что расстояние это равно десяти вёрстам. Но на самом деле выходит не так. Действительно, в зависимости от состояния дороги, кёс у якута изменяется; при хорошей дороге он становится длиннее, при плохой, наоборот, — короче: якут принимает в расчёт, собственно говоря, только время, потребное для прохождения известной части пути. Но если даже мы, придерживаясь ходячего мнения, пожелаем соединить с этим названием понятие о чём-то постоянном в пространственном отношении, то и в этом случае, я всегда находил, что в среднем расстояния, которые обыкновенно обозначают кёсом, равны семи с половиною вёрстам.

Указанным выше способом Яна была нанесена на карту вплоть до самой её дельты. С последней Горохов не был знаком, но это обстоятельство, однако, нисколько не повредило, так как она была снята вполне надёжно Анжу. Затем мы перешли к черчению притоков, которые были нанесены нами тем же самым методом, и наконец вся работа была подвергнута проверке. Проверка заключалась в том, что Горохов намечал какое-нибудь место на одном из притоков Яны и заявлял, насколько оно

отстоит по прямой линии от какой-нибудь другой реки или от Верхоянска, после чего расстояние это прикидывалось к карте. Так мало-помалу проверили мы важнейшие пункты и исправляли чертёж до тех пор, пока Горохов не заявил, что карта верна. В этом виде бассейн Яны изображён на карте Генерального Штаба и на моей; следует также прибавить, что чертёж, составленный по указанию Горохова, вполне согласуется с тою частью бассейна Яны, которая изображена на маршрутной съёмке топографа Афонасьева.

Область, расположенная между Яной и Индигиркой к югу от торного пути на Колымск, Горохову была известна лишь в общих чертах; он не мог также сообщить даже приблизительных данных о направлении Тостаха, Адычи и Береляха, больших притоков Яны. По его словам, туда никто не ходит, да и сам он никогда не бывал в той местности: там нечего взять, там нет ни пушных зверей, ни пастбищ, а потому ни якуту, ни тунгусу незачем туда заходить. Горохов заявил, впрочем, что слышал, будто Адыча течёт издалека и связана с истоками Хандыги. Он вполне соглашался со мною также в том, что главной рекой является во всяком случае Адыча, а не Яна. Горохов сообщил, что последняя называется так только русскими, что настоящее её имя, собственно говоря, Сартан и что она представляет собою приток Адычи. Известность Яны он объяснял тем, что по её долине шёл путь, а русское название реки приписывал тому обстоятельству, что русские не поняли якутских проводников, упомянувших слово «жангы». Якуты называли этим именем не реку, а хребет, через который приходится переходить прежде, чем попадёшь на Яну; слово же жангы означает по-якутски каждую вершину, которая заходит за пределы лесного пояса. По всей вероятности, это объяснение правильно: Яна до соединения с Адычой весьма незначительная речка, а Адыча очень широка уже в том месте, где её пересекает путь на Колымск и течёт по долине, которая врезана в окружающее её нагорье и имеет несколько вёрст в ширину. Адыча есть последний значительный приток, впадающий в Яну с восточной стороны, так как к последней реке подходит тут хребет Тас-Хаяхта и покидает её снова только у урочища Жанкы, где он круто поворачивает на восток. С правой стороны Адыча принимает Тостах, а этот в свою очередь Догдо, верхняя часть течения которого известна тоже очень мало. Прежде этим путём ходили, как я уже раньше говорил, в Зашиверск на Индигирке, но впоследствии

он был совершенно заброшен частью потому, что в бывшем местечке Зашиверске осталась теперь только церковь с домами для духовенства и церковного служителя, а частью оттого, что дорога очень затруднительна. Дорога эта становилась особенно опасна зимою, когда в узких и диких горных ущельях путешественникам угрожали снежные обвалы. По ней ещё возвращались в Якутск члены экспедиции Биллингса.

В настоящее время поднимаются на хребет Тас-Хаяхтах по другому правому притоку Догдо, идущему не с юга, а с востока, а затем выходят на Кыру, правый приток Селегняха.

С левой стороны Яна принимает два более значительные притока — Дулгулах и Бутантай. Первым из них прежде часто пользовались при путешествии из Якутска в Верхоянск. Слева Дулгулах принимает Ейчу, а последняя справа Эндыбал, на котором находятся рудные месторождения серебра. Цель посылки сюда Меглицкого и заключалась в том, чтобы решить вопрос относительно пригодности их к разработке. Меглицкий заявил, что эксплуатации они не заслуживают, так как с одной стороны недостаточно богаты, а с другой — там нет необходимого при обработке топлива. Богатство руд серебром Меглицкий, конечно, мог определить, но я не согласен с ним относительно недостатка там в лесе. В Верхоянске я слышал от Горохова, что как на Эндыбале, так и на Ейче растёт такой прекрасный высокоствольный лиственничный лес, какой встречается обыкновенно лишь к северу от хребта; по его словам, лесная растительность тут во всяком случае много сильнее, чем по Яне. Судя по этому заявлению недостатка в топливе быть там не может, потому что местность и по верхней части течения Яны покрыта уже хорошим лесом. Верховья Дулгулаха я изобразил иначе, чем на карте Генерального Штаба; я придерживался в данном случае указаний барона Толя, который сделал на эту реку экскурсию из Верхоянска. Впрочем, маршрут его снят глазомерно, а потому не может претендовать на большую точность. Верхние из притоков Бутантая, особенно Саркырер, доходят до истоков Менкяри; прежде и этим путём пользовались, когда желали выйти на Лену; но он имеет также свои неудобства, так как спуск по Менкяри очень крут и очень затруднителен для вьючных лошадей.

Весь бассейн реки Яны лежит на высокой, сухой местности, которая простирается с юга на север до нижнего течения Яны, а с запада на восток от Орулганского и Хараулахского хребтов до Тас-Хаяхтаха и очень выгодно отграничивается от болот области Индигирки. На пути от города Верхоянска до Тас-Хаяхтаха не приходится преодолевать и гор, так как отроги Верхоянского хребта на этой широте затерялись в плоскогорье, а Кигелях-Тас и Иннях, начинаясь только к северу от колымского пути (в углу, образуемом Яной и Адычëй) имеют лишь незначительную длину, хотя и достигают по данным д-ра Бунге высоты 5000 Футов.

Все реки, впадающие в Ледовитый океан, между Яной и Индигиркой, а также и устья этих последних, сняты и изображены Анжу; карта Генерального Штаба и моя опираются на его съёмку. Лично я мог убедиться в точности чертежа Анжу только во время поездки из Казачьего близ Усть-Янска на Индигирку. За это же путешествие мне удалось установить, что хребет, покидающий Яну к северу от Жанкы и идущий к Полоусному на Индигирке, не доходит до Ледовитого океана и что, следовательно, горный подъём мыса Святой Нос является изолированным поднятием земной коры.

Индигирка начинается на Оймяконской плоской возвышенности и образуется двумя реками — Оймяконом и Контей; местные же жители обыкновенно называют верховья Индигирки Оймяконом, а Контю считают за его левый приток. Какой взгляд правильнее — решить очень трудно. Сам я там не был, а из того, что я прочёл у Сарычева и что мог узнать от бывавших там людей, мне не удалось составить ясного представления о взаимном отношении этих рек. Дело в том, что в уме наблюдателя река Оймякон часто отступает на второй план перед нагорьем, носящим то же самое название. В высшей степени вероятно, что там существует большое количество незначительных речек, которые текут по обширным лугам и равнинам этого плато и из которых только немногие нам известны; но в конце концов все они впадают в Индигирку. По одним сведениям Оймякон и Колыма вытекают, как раньше было мною сказано, из одного и того же озера, а по другим — начало обеим этим рекам даёт обширное болото. Во всяком случае все собранные мною сведения сходятся в том, что реки эти связаны своими верховьями и что между последними нет водораздела. Иначе обстоит дело с Кундузуро, с

Контей и с Охотой: истоки этих рек расположены в соседстве, но начинаются с горного массива Ураканчи, который значительно господствует над остальным нагорьем. С какого места носит Индигирка своё имя, точно сказать я не могу, но во всяком случае оно присуще ей уже у места впадения в неё Нелькана, расположенного ещё на Оймяконском нагорье. От этого пункта течение её становится быстрым и остаётся таковым много ниже Зашиверска. В то время как до впадения Нелькана верховье Индигирки с его многочисленными притоками течёт по широкой, лишь местами прорезанной горными цепями равнине, с этого места прибрежный ландшафт совершенно изменяется. Левый берег горист почти до места впадения Селегняха, а правый низмен и болотист. Справа впадает в Индигирку большое количество рек, из которых Мома есть самая большая. В прежнее время, желая проехать из Колымска в Якутск, часто избирали этот путь и выходили в этом случае на Догдо. Но с одной стороны верхнее течение Догдо, благодаря своим диким скалистым ущельям, трудно проходимо для вьючных животных, а с другой — болота по берегам правых притоков Индигирки ставили так много преград, что путём этим давно уже не пользуются. Между прочим, один купец, прежде регулярно посещавший Зашиверск, рассказывал мне, что он отказался от этой дороги, лишь бы только не иметь дела с тамошними болотами, несмотря на то, что лишался возможности собрать значительное количество долгов у местных тунгусов; из болот особенно занимало путешественников ужасное Кута-Селян.

Последнее представляет собой трясину вёрст в 150 длиной при широте всего в три — четыре версты, трясину, протянувшуюся между Бор-Ыряхом и Падерихой. Начинается это болото недалеко от верховья Падерихи (но последней, однако, не касается), оканчивается же на нижнем течении Бар-Ыряха и при том так, что соединяется с болотами правого берега этой реки. Идти по нему — чистая каторга: местами оно так глубоко^ что перебраться через него нет никакой возможности, в других же местах лошадям удаётся преодолеть его только после того, как их освободят от вьюка. Людям оно доставляет тоже большие затруднения, а переправка грузов сопровождается с массой хлопот и неприятностей. Судя по тому, что мне рассказывали очевидцы об этом болоте и о способе перебираться через него, можно предположить, что мы имеем тут дело с так называемой заросшей травой рекой, притоком Бор-Ыряха.

Болото Кута-Селян представляет собою ни что иное, как травяную viscosity, которые часто встречаются и в других местах озёрной области, но нигде не достигают таких обширных размеров. Вся местность, лежащая к востоку от Индигирки, вплоть до Томус-Хая и Алазейского хребта есть плоская низменность, а потому течение рек имеет тут весьма слабое падение, и они легко засоряются. В данном случае превратились в болото не берега реки, а совершенно заросло самое русло реки, почему последняя и кажется людям длинным, узким болотом.

Направление течения как самой Индигирки, так и её притоков изображены мною согласно с картою Генерального Штаба, источники же на которых основаны обе эти карты суть расспросные сведения, собранные мною у живущих на нижнем течении Уяндины якутов и от нескольких тунгусов, которых я встретил на Селегнях. Таким образом сведения эти давались не знавшими друг друга людьми, но тем не менее оказались сходными; вследствие этого они вполне заслуживают доверия.

Тут не мешает присовокупить, что люди эти могли указать направление Индигирки и устья её притоков только приблизительно; расстояние последних считаю кёсами, которые я оценил в семь с половиною вёрст каждый. Что касается до истоков, то положение их они указали только в общих чертах, а о направлении малых рек не могли сообщить никаких подробностей. Добытые мною на нижнем течении Индигирки данные не шли по правой стороне реки выше Момы, так что реки, расположенные на Оймяконском нагорье, проверены мною не были, а черчены на основании авторитета Сарычева и по сведениям, сообщённым им в описании путешествия.

В области Падерихи, Тиряхтаха, Струковой и Шангина плоская низменность правого берега Индигирки переходит в озёрную область, которая расположена между Колымой и Индигиркой. На правом берегу Индигирки много озёр встречается уже начиная с Момы, но всё же их тут не такое громадное количество, как далее на север; впрочем, мне не могли сказать, где начинается их скопление. Что касается специально Индигирки, то к этой реке озёра подходят с востока и продолжают на её левом берегу, именно в области, расположенной между устьями Падерихи и Шангина. К северу от последней реки правый берег становится снова горист, так как к Индигирке подходят здесь хребты Чайдах, Поле-

вой и Пунга-Таха. Вследствие этого помимо значительного числа мелких, безымянных ручьёв она принимает справа только Ерчу, а затем уже в дельте — Лундушину, Петрову и Блудную, из которых последняя носит также название Шангина. В своём среднем и нижнем течении Индигирка представляет могучую, многоводную реку, изобилующую массой островов, которые, впрочем, все низменны и весною большею частью затопляются. Единственное исключение в этом отношении составляет большой остров, расположенный против устья Аллаихи и обязанный своим происхождением рукаву Индигирки, Захребетной Протоке, которая прорвалась к востоку через ущелье Пунги-Тахи.

Левые притоки Индигирки были известны опрошенным мною людям только вверх до Келяндиной и до Тиряхтаха, а о более значительном левом её притоке, Арге, мне никто и ничего не мог сообщить. Причина этого незнакомства зависела оттого, что там никто не бывал, даже тунгусы: местность та не отличается обилием дичи. Они правда слышали о значительной реке Сырыктахе, но лично на ней не были. Ввиду того, что Арга упоминается Сарычевым, выпустить её было нельзя, а между тем возможно, что она идентична с Сырыктахом. Так она и нанесена на обеих картах, хотя сказанное есть только предположение, не имеющее никакой фактической подкладки.

Много полнее наши сведения о Селегнях и Уяндиной. Первая из этих рек в одной части своего течения известна каждому, кто ходил по дороге из Верхоянска в Колымск. Путь этот идёт на некотором протяжении по его левому берегу, который к тому же всюду славится своими прекрасными пастбищами. Дело в том, что там растёт в большом количестве чибоба или сибихтя, хвощ, принадлежащий к виду *Equisetum variegatum*, который представляет прекрасный корм для лошадей; вследствие этого здесь делают на несколько дней остановку, чтобы дать животным хорошенько отдохнуть и подкрепиться. Только эта часть нижнего течения Селегняха и была известна ближе; на старых картах она изображалась довольно правильно, но впоследствии был внесён в рассматриваемую область невозможный хаос, особенно благодаря Иркутскому Генеральному Штабу, который заставил Уяндину течь в Селегнях и т.п. Мой чертёж основан частью на данных нашего маршрута, частью же на сведениях, собранных у жителей Ожогина и у одного

тунгуса, охотничий участок которого простирался от Береляха до истоков Селегняха и Уяндиной и который, как мне показалось, был прекрасно ознакомлен с этой областью. По его рассказам, перейдя хребты Сахо-Тагу и Сылгыгыт-Тагу, попадаешь в более ровную, слабо холмистую местность и, направляясь отсюда на северо-запад, достигаешь истоков двух рек, Селегняха и Уяндиной, отстоящих друг от друга приблизительно на 70 вёрст. Реки вытекают из высоких гор, с высочайших вершин которых можно видеть Яну в том месте, где в неё впадает Жанкы. По тем выражениям, которые употребляли люди, я заключил, что хребет Тас-Хаяхтах доходит до Жанкы на Яне и там делает крутой поворот на восток. В Ожогине мне также сообщали за вполне достоверный факт, что достигающий Индигирки у Ожогинского озера Полоусный хребет простирается на запад до Яны. Наконец, сам я на пути из Казачьего на восток до устья Аллаихи встретил, как уже сказано, не горы, а только холмистую местность и перешёл тут самые верховья Шендона, Хромы и Береляха или Елона. От расположенного на Яне горного узла нагорье направляется, по рассказам тунгусов, к юго-востоку и уступами его являются хребты Сахо-Тага, Сылгыгыт-Тага и Сылгы-Ыттар; из последнего берёт своё начало Тонгмот так же, как с Кэх-Таса начинается Берелях. В отношении этих двух рек мой маршрут не совпадает со съёмкой топографа Афонасьева, у которого Береляха вовсе нет, а Тонгмот течёт справа в Селегнях. Между тем я могу вполне поручиться за верность моего маршрута (которым и воспользовался Генеральный Штаб), так как я подробно осведомлялся у человека, прекрасно знавшего ту местность, Афонасьев же быстро проехал её во время сильной зимней стужи, имея при себе только проводников из Якутска. Последние, конечно, недурно знают, как я часто имел случай убедиться, ежегодно ими посещаемую большую дорогу, по которой ходят купцы, но редко знакомы с тем, что лежит вправо или влево от неё. Не может быть у меня ошибки уже потому, что я снял пель-компасом устья обеих рек, т.е. Тонгмота и Береляха, из которых последний, кстати сказать, течёт в прекрасной широкой долине.

В самом своём верховье Селегнях течёт с севера на юг в узком ущелье и имеет всего один приток — Уюсардах, впадающий в него слева; но у впадения в него Кыры он поворачивает на восток, долина его стано-

вится шире, он образует массу островов, но ещё с обеих сторон обставлен горами. Приняв в себя два ручья, Надёжку и Кыс-Ырыю, вступает он в область озёр и далее уже не имеет никаких стоящих упоминания притоков, но зато принимает в себя большое число висок, которые сносят в него воду бесчисленных озёр.

Кыра вытекает из небольшого болотистого озера, дающего также начало рукаву Догдо, по долине которого в настоящее время переходят через хребет Тас-Хаяхта; она представляет собою маленькую речку, но благодаря своим качествам пользуется очень плохую репутацией. В горной части своего течения образует она вследствие быстрого падения массу грунтового льда, который часто запруживает в виде плотины речное русло и берега, причём возникает озерообразное расширение реки, простирающееся от береговых скал одного берега до таковых же другого; нередко глубина воды настолько значительна, что ставит в критическое положение как лошадь, так и седока, которым нельзя свернуть в сторону, где дорога загорожена прибрежными скалами. Но тотчас по выходе из главного гребня Тас-Хаяхта Кыра попадает в высоко расположенную долину с плоским дном и образует наледи или тарыны таких обширных размеров, каких в других местах этой дороги не встречаешь. При этом Кыра широко разливается, так что тарыны её соединяются с наледями Ньехарана и Селегняха и путешественнику приходится переходить ледяное поле в двадцать слишком вёрст шириною. Вследствие этого зимою, когда тут большею частью и путешествуют, устья Кыры и Ньехарана совершенно скрываются под обширным тарыном, а потому проводники из Якутска положительно утверждают, что Ньехаран течёт не в Селегнях, а есть приток Кыры. Дело в том, что на обратном пути они бывают здесь обыкновенно в начале июня или в конце мая, а в это время тарын оттаивает ещё очень мало; я же проезжал это место в последние дни июня, а затем в начале октября, когда тарын только возникал, русла рек были ещё совершенно открыты, и тогда я мог убедиться в справедливости слов тунгуса, что обе реки впадают в Селегнях.

На пространстве между впадением Селегняха и Уяндины в Индигрку с левой стороны не течёт ни одной резко выраженной реки, но зато в неё впадает большое множество висок, которые связывают между собою бесчисленные здешние озёра. Таковую виску представляет между прочим Дурунгуна или Спасская; в противоположность другим

она носит особое название, так как местами, особенно в нижнем своём течении, на значительном пространстве не прерывается озёрами, благодаря чему её и можно признать за явственную реку.

Как я уже раньше несколько раз говорил, на карте изображены далеко не все водоёмы озёрной области, расположенной к западу от Индигирки. На неё нанесены только те, которых коснулись дважды пересекающиеся маршруты Афонасьева и мой.

По словам провожавших нас местных якутов, совершенно безразлично в каком направлении не идти по местности между низовьями двух рек, Уяндины и Селегняха: повсюду встретишь непрерывную цепь озёр. Согласовать на карте оба наши маршрута было, впрочем, не совсем-то легко, особенно потому, что у Афонасьева вовсе нет обширного озера Оттох-Аттаха, через которое мне приходилось переезжать. Но вместе с тем путь его, как и мой, лежал через озеро Хая-Сардах, а за ним ещё через несколько мелких безымянных, или вернее, через такие, имена которых не были известны его проводникам из Якутска. Но дело в том, что Оттох-Аттаха, собственно говоря, есть не *одно* озеро, а комплекс озёр, связанных между собою более или менее широкими протоками. По словам и наброскам местных жителей вид озера приблизительно тот же, какой оно имеет на моей специальной карточке, но только оно сплошь покрыто островами, почему на нём вовсе нет обширной водной поверхности. Я подозреваю, что три безымянных озёра между Хаясардахом и Талой на маршруте Афонасьева принадлежат к Оттох-Аттаху; поэтому на свою карту я нанёс оба маршрута, тогда как на карте Генерального Штаба сделана, по-видимому, ошибка в том, что там сочли два маршрута за один, но найдя различные названия, старались их по возможности согласовать, благодаря чему и уклонились от действительности.

Дурунгуна или Спасская нанесена на карту только на основании её истока из озера Чабы и её устья: я счёл за лучшее вовсе опустить озёра, через которые она протекает, потому что, перечисляя их, люди постоянно сбивались и противоречили друг другу. Но озёрная область простирается далеко за Дурунгуну и доходит до нижнего течения Селегняха. Пояснять расположение тамошних озёр людям было, однако, непосильной задачей; они повторяли только, что «куда и как не поезжай, как ни сворачивай, а всюду до самой Индигирки и Селегняха

столько же озёр, сколько и тут». Вверх по Уяндине озёра идут, впрочем, не так далеко, как по Селегняху.

В долинах Уяндины и её притоков, а также в долинках небольших притоков Индигирки, как то: Судорохи, Курунг-Ыряха, Костромана и Полоусной, озёр тоже очень много, но тем не менее здесь много меньше воды, чем между Уяндиной и Селегняхом. Но зато тут расположены два самые большие озера области Индигирки — Эджегей, из которого вытекает Судороха, и Ожогоино или Тыгымей-Кёль, дающий начало Полоусной. Эджегея сам я не видал, но по словам очевидцев оно такой же величины, как и Ожогинское озеро, вдоль берега которого я ехал верхом на протяжении тридцати вёрст. Ожогинское озеро очень красиво и лежит у южного склона Полоусного хребта, так что северный его берег совершенно окружён горами, а вокруг южного расстилается равнина.

Реки, текущие в Индигирку ниже впадения Полоусной, сняты Анжу и Врангелем; как моя, так и карта Генерального Штаба придерживались их данных.

Для дельты Индигирки мы не располагаем такими подробными сведениями, как для дельт Лены и Яны, но в общем она изображена, по всей вероятности, довольно правильно. Следует только заметить, что главных устьев у Индигирки, собственно говоря, два — Русское устье и Колымское, все же остальные рукава много меньше; кроме того, тут, как и в дельте Лены, есть ещё большое количество протоков, часто меняющих своё направление, потому что вся дельта состоит из песчаных наносов и не редко видоизменяется в зависимости от ледохода и под влиянием ветров.

На пространстве между Индигиркой и Колымой в Ледовитый океан впадает несколько небольших рек; более значительна только одна Алазея. Из них ежегодно посещаются промышленниками, отыскивающими слоновую кость, Шандрон с Эрби или Пилой и Улахан-Хомос-Ырях с Ачыги-Хомос-Ыряхом ввиду того, что в берегах их находят много хорошо сохранившихся мамонтовых бивней. По рассказам, Эрби обязана даже своим русским названием (Пила) именно тому обстоятельству, что в берегах её по миновании весеннего половодья торчит большое количество мамонтовых бивней, которые напоминают собою зубья пилы и придают ей вид последней.

Алазея берёт своё начало из хребта Алазейского и принимает в себя лишь один носящий название приток, — Россóху или Гаврило или Ала-хей-Талатá; помимо последней в неё течёт только большое количество висок, питающихся бесчисленными озёрами, расположенными по обе стороны этой реки. Выше уже шла речь о стране озёр, расположенной между Колымой и Индигиркой и доходящей до обеих этих рек; но наибольшего своего развития достигает она в бассейне Алазеи, которую можно рассматривать как большую виску, по крайней мере в её верховье: она течёт тут из одного озера в другое и только местами имеет вид реки, текущей между твёрдыми берегами. По словам местных жителей, вся страна между Колымой и Пелевым хребтом представляет местность, сплошь покрытую бесчисленным количеством озёр: большинство этих последних связаны между собою висками, которые в конце концов впадают либо в Россóху, либо в Алазею, Большую Чукочью и Колыму. Нельзя, впрочем, считать эту местность за абсолютную равнину, потому что, во-первых, от Алазейского хребта отходит почти по прямой линии ряд отдельно стоящих холмов, который тянется вплоть до Кигелях-Таса, представляющего собою как бы продолжение Албея на правом берегу нижнего течения Алазеи. В некоторых местах холмы эти расположены ближе один к другому, так что придают местности вид горного ландшафта (так, например, между 69° сев. шир. и местом, где путь мой достигает Алазеи, — у озёр Потана, Айгана, Харети и до Лабы и Мохосо-Олоха), но тем не менее им всё же не достаёт общего пьедестала в виде поднятия земной поверхности, и они являются одиноко возвышающимися из равнины пригорками. Во-вторых, вдоль левого берега Колымы тянется слабо выраженный вал, по всей вероятности очень невысокий, так как он не может препятствовать прорыву озёр. Так, в одно лето обширное озеро Сылгытар (см. специальную карту) прорвало вал и совершенно вытекло через озеро Палгино в Колыму; при этом последнее озеро сохранило свои прежние размеры, а на месте бывшего Сылгытара образовалось обширное ровное место, на котором в настоящее время единственным остатком озера является только масса мелких луж. Подобные ровные места, происшедшие от осушения озёр, называют там олбутами и их встречаешь в большом количестве как в Колымском, так и в Верхоянском округах.

Остальные небольшие речки, впадающие в Ледовитый океан между Алазеей и Колымой, точно установлены только по их устьям, остальное же их течение нанесено по расспросным сведениям, собранным у жителей Ожогина и Русского Устья.

Течение *Колымы* известно нам лишь отчасти, как и течение самого большего из её притоков — Омолона. Карту Колымы даёт уже Сарычев; направление течения этой реки определено по его данным начиная от Верхнеколымска, детали же её вычерчены по маршрутной съёмке топографа Афонасьева. Относительно этого нужно заметить следующее. Насколько я знаю, Сарычев не оставил нам астрономических пунктов, а только карту, Биллингс же определил астрономическим путём Нижне-, Средне- и Верхнеколымск, а также Зашиверск. Но все эти определения не верны — ни по отношению к широте, ни тем более по отношению к долготе. Ввиду того, что Нижнеколымск вполне точно определён Врангелем и Нейманом, затруднений этот пункт не представляет, но для Верхне- и Среднеколымска я взял как долготу, так и широту по карте Сарычева¹, потому что в обоих этих пунктах Сарычев подолгу жил и сделал съёмку Колымы от Верхнеколымска, где строил свои корабли, до её устья. Из оставленных им бумаг не видно, чтобы он делал астрономические наблюдения, но карта все же черчена по точной географической сетке. По Врангелю я дал географическое положение только Нижнеколымска, а Верхнеколымск и Среднеколымск нанёс на свою карту, за неимением лучших определений, по данным Сарычева. Последний, приняв меридиан Верхнеколымска за главный, помещает Среднеколымск на 3°35', а Нижнеколымск на 9°42'30"; основываясь на разнице долгот этих двух пунктов, я принял географическое положение для Верхнеколымска 65°42'4" с.ш. и 168°56'28" в.д., а для Среднеколымска 67°26'20" с.ш. и 172°31'26" в.д..

Сказанным исчерпывается решительно всё, что нам достоверно известно о направлении течения Колымы; вся верхняя часть её течения и истоки так же, как и верховые притоки этой реки до сих пор остаются ещё покрытыми мраком неизвестности. Якуты Колымского округа не живут на самой верхней части течения реки, а селятся главным образом ниже и несколько выше Верхнеколымска. С другой стороны, тунгусы, ламуты и юкагиры, живущие в бассейне этих верховьев, лишь изредка

¹ Путешествие флота капитана Сарычева, С.-Петербург, 1802 г. (Карта черчена в 1787 году).

посещают Среднеколымск; за порохом и свинцом они идут охотнее в Охотск и Гижигинск. Таким образом крайне трудно разузнать что-либо о восточной части Оймяконского нагорья, а как раз оттуда и течёт Колыма. Верховья последней реки и впадающие в них притоки я изобразил иначе, чем на карте Генерального Штаба. В этом случае я предпочёл придерживаться авторитетных данных Чихачёва, который совершил, как выше уже упоминалось, в 1856 году поездку из Охотска в Гижигинск и собрал сведения относительно этих рек и их связи с Колымой у тунгусов, живущих в восточной части Оймяконского нагорья и ежегодно посещающих для рыбной ловли устья рек, впадающих в Охотское море. Карта, которую он составил на основании указаний этих людей, находится в Сибирском Отделе Русского Географического Общества в Иркутске; начерчена она довольно грубо и представляет собою лишь схематическое изображение того, что Чихачёв рассказывает со слов тунгусов¹.

Я счёл себя в праве изменить карту Генерального Штаба по данным Чихачёва ввиду того, что она основана на старинных чертежах самой верхней части течения Колымы и рек, текущих в Охотское море с Оймяконского нагорья, на чертежах, которые, насколько мне известно, не оправдываются надёжными документами; впрочем, и остальной наш материал относительно разбираемой области заключается лишь в картах, составленных по расспросным сведениям, а потому крайне сбивчив и неточен. Данные, собранные Чихачёвым, оставляют тоже многого желать и если я даю им предпочтение, то только оттого, что они сходятся с указаниями, которые были собраны мною лично. По этим же сведениям восточная часть Оймяконского нагорья покрыта обильными болотами и озёрами, дающими начало рекам, текущим в разные стороны. Я уже говорил выше, что истоки Колымы и Индигирки имеют общее происхождение и начинаются либо из озера, либо из обширного болота и притом так, что между ними нет заметного на глаз водораздела. Я слышал также от тунгусов с Индигирки, которые охотились в области истоков Колымы, что верховья многих притоков последней реки сближены с истоками рек, текущих в Охотское море. Поэтому я решаюсь воспользоваться самыми лучшими, по моему мнению, данными, хотя вовсе не желаю при этом утверждать, что таково истинное положение дел. На

¹ Известия Спб. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ. Чихачёв.

старинных картах область самой верхней части течения Колымы изображена очень неполно и относительно её я, как и составители карты Генерального Штаба, придерживался чертежа, составленного топографом Афонасьевым по расспросным сведениям; изменено только указанное выше. Вследствие этого на обеих картах опущено местечко Плотбище с пояснением «строение судов», несмотря на то, что оно приводится на всех старых картах. Мы напрасно старались разузнать об этом местечке, — никто не мог сообщить нам о нём, так что его положительно нет ни в Колымском округе, ни на Оймяконе. Между тем крайне странно, что название это появилось и так долго держалось на картах, да к тому же ещё с обозначением дороги, которая ведёт с Оймякона через это местечко в Верхнеколымск. Старый путь, по которому ходили из Якутска в область Колымы, действительно шёл всегда через Оймякон, но отсюда сворачивал либо на Зашиверск, или вёл вдоль правого берега Зырянки, впадающей слева в Колыму, и достигал последней реки только у Верхнеколымска. Сарычев также нигде не упоминает об этом местечке, а свои корабли строил на Ясашне, получая из окрестностей вполне пригодный для того строевой лес в достаточном количестве. Таким образом, местечко это никак не может иметь отношение к постройке морских кораблей, которые во всяком случае строились на Колыме. Поэтому в высшей степени вероятно, что оно представляет результат досужей фантазии иркутских картографов, перемешанной странным образом с истиной. Дело в том, что название Плотбище встречается в Колымском округе очень часто, а потому может найтись и на верхнем течении Колымы. Но тамошние рыбаки плавают по Колыме на лодках, которые называются шитиками. Последние бывают иногда значительных размеров, достигая семи и восьми сажений в длину; характерная их особенность заключается в том, что вся нижняя, сидящая в воде, часть лодки делается из одного целого осинового ствола; к этому уже днищу не прибиваются гвоздями, а прикрепляются или пришиваются (отсюда и само название шитик) корешками лиственницы один или два ряда тонких лиственничных досок. Необходимые для такого рода лодок осиновые стволы очень толсты и в верхнем отрубе часто достигают одного аршина в диаметре. Таких толстых деревьев в окрестностях Средне- и Верхнеколымска найти нельзя, а потому прибрежные жители области истоков реки выдалбливают днища на месте и пригоняют их в Колымск

на продажу уже готовыми. Но в названной области нет определённого места, где выделка подобных днищ практиковалась бы преимущественно; осина достигает тут мощного роста повсюду, а потому кто найдёт подходящее дерево, тот и делает из него лодку. Находящееся на старинных картах местечко Плотбище следует, вероятно, объяснить ничем неоправданным предположением специального места выработки днищ, поэтому мне кажется более целесообразным не наносить его до тех пор, пока не будет каких-либо доказательств его существования.

Дальнейшее течение Колымы, как и течение её большего правого притока, Омолона, изображено на моей карте по данным, собранным топографом Афонасьевым, который предпринял с Малого Анюя специальное путешествие для исследования истоков Омолона, а затем спустился на лодке вниз по этой реке до её впадения в Колыму. Афонасьеву было поручено подняться вверх по Омолону как можно выше, но служившие ему проводниками ламуты могли провести его лишь до места впадения Кигали в Омолон; дальнейшему путешествию помешало половодье. Вследствие этого изображение самой верхней части течения Омолона, а также области между Омолоном и Колымой основано на расспросных сведениях, собранных частью Афонасьевым, частью же мною самим. Афонасьев собирал свои данные у ехавших с ним ламутов, я же получал указания преимущественно от коряков и гижигинских казаков, ходивших с Пенжины, Парени и Гижиги через хребты на верхнее течение Омолона, а отсюда в Среднеколымск.

Из всех этих расспросных сведений вытекает лишь то, что западный или левый берег Колымы преимущественно низменный и покрыт большим количеством озёр, дающих, впрочем, начало только одному значительному притоку главной реки — Зырянке. Последнее зависит от того, что невысокая горная цепь Томус-Хая, составляющая водораздел между Колымой и Индигиркой, проходит недалеко от первой из рек и может посылать к ней лишь малые речки. Далее к северу, где Томус-Хая переходит в Алазейский хребет, возвышенность отступает от берега Колымы к западу, но вместе с тем тут начинается уже область озёр, которые доходит до побережья Ледовитого океана и не даёт образоваться большим рекам. Правый же берег Колымы почти повсюду высок и крут, а далее следует волнистое плато, переходящее за Омолон и идущее

вплоть до Колымского хребта; это плоскогорье постепенно поднимается от Колымы до названного хребта, а затем, на востоке, круто обрывается к низменности, лежащей между Охотским морем и Анадырем. По направлению с севера к югу поднятие страны идёт тоже постепенно, так что нет возможности провести резкой границы между этой местностью и Оймяконским нагорьем. С восточной стороны на возвышенность ведёт довольно крутой подъём, который, впрочем, почти всюду вполне удобен как для вьючных лошадей, так и для собачьих нарт; но на западе спадание её так постепенно, что хребет становится заметным лишь тогда, когда доберёшься до его гребня. Такое строение поверхности является также причиной того обстоятельства, что с правой стороны в Колыму, как и в Омолон, течёт значительное количество больших притоков, тогда как слева последняя река принимает лишь один крупный приток — Кедон. Страна эта болотиста в значительной степени, но по рассказам изобилует также хорошими покосами и лугами, так что для якутских и юкагирских стад корма здесь вполне достаточно.

В нижней части своего течения Колыма вдруг изменяет направление и круто поворачивает на восток, даже несколько на юго-восток, несмотря на то, что нет никакой очевидной причины такого крутого поворота: левый берег и следующая за ним полоса земли остаётся низменной песчаной тундрой, которая не должна бы была противостоять напору такой могучей реки. Остров, на котором расположен Нижнеколымск, так плосок и низмен, что на нём не могла развиваться даже порядочная лесная растительность; он весь пронизан протоками, но все они мелки и засорены песком и даже по главному рукаву, образующему остров, ездить можно не всё лето; местами он также пересыхает и тогда большой остров не всегда оправдывает своё название. Как раз против Нижнеколымска впадают одним устьем в Колыму два Анюя — Большой и Малый или Сухой; эти реки представляют собой два последние значительные притока Колымы.

Направление течения двух Анюев было хорошо известно ещё со времени экспедиции Врангеля, так как он определил тогда большое количество астрономических пунктов; задачей нашего путешествия было, поэтому, дальнейшее исследование систем этих рек, т.е. детальные изыскания относительно их притоков.

Ниже двух Анюев в Колыму впадают лишь очень малые и незначительные речки. Сама Колыма, имеющая уже у Нижнеколымска около четырёх вёрст ширины, начиная отсюда расширяется всё больше и больше и, достигнув в конце концов необыкновенной ширины, впадает в море, образуя массу островов, большинство которых очень низменны. Левый берег тоже низок, но правый высок, потому что горы часто подходят к самой реке.

Что касается до рек к востоку от Колымы, то из них экспедицией Врангеля исследована на всём её протяжении, от истоков до устья, только Большая Бараниха, а для остальных впадающих в Ледовитый океан до Колючинской губы рек установлены лишь устья. О направлении же течения последних нам известно лишь то, что сообщает о них Сарычев на основании путешествия Биллингса по этой стране. Сарычев даёт также карту, которая, впрочем, была снята, очевидно, не во время пути, а составлена впоследствии по дневникам Биллингса или его спутников. Из трудов экспедиции Биллингса мы узнаём также то, что подтвердила впоследствии и наша экспедиция: я говорю о возвышенности, которая, начинаясь в области истоков Большого Анюя, прорезывает всю страну к востоку от двух Анюев и, становясь всё ниже и ниже, оканчивается на мысе Пээк или Восточном обрыве к морю, имеющим всего несколько сот футов высоты. Возвышенность эта представляет собою не резко ограниченный хребет с резко очерченными отрогами, а скорее плоский, несколько выпуклый подъём земной поверхности, медленно спадающий как к северу, по направлению к Ледовитому океану, так и к югу — к долине Анадыря. Морское побережье за редкими исключениями тоже низменно и сопровождается лишь очень небольшими возвышениями; только в области мыса Эрри и к востоку от него, да у обоих Барановых камней подходят к самому морю более значительные горы. Вся страна совершенно лишена древесной растительности и только вдоль течения рек покрыта низким ивняком и ольховым кустарником. Больших рек тут вовсе нет, но в Ледовитый океан впадает значительное количество малых речонок, имеющих летом весьма слабое течение. Далее к востоку мы должны отметить лишь одну могучую реку, — Анадырь. Направление его течения было известно, в общем, уже давно, так как на берегах его происходили кровопролитные битвы — результат честолюбивой попытки покорить дикий и бедный пастушеский народ

только потому, что так нравилось местным властелинам и что распорядителям судеб Империи, за удалённостью тех стран, не было возможности составить себе правильный взгляд на истинное положение тамошних дел и условий.

Анадырь берёт своё начало к востоку от истоков Большого Анюя, течёт сначала на север, а затем принимает юго-западное направление. На всех старинных картах Анадырь рисуется вытекающим из озера Иван или Иванко, которое на некоторых из карт достигает даже почтенных размеров; несмотря, однако, на то, что мы переходили реку очень близко к её истокам и прилагали все старания собрать сведения об этом озере, мы ничего не могли разузнать о нём. Вследствие этого мы пришли к убеждению, что озеро нужно выкинуть из карты, а потому я крайне удивился, когда Афонасьев нанёс его впоследствии, хотя и в очень уменьшенном виде, на свой чертёж, тогда как на месте и при составлении первых карт вполне разделял мнение Неймана и моё. Всегда приходится, конечно, задумываться, когда собираешься исключать такие положительные и постоянно встречающиеся указания, каково настоящее (т.е. озеро с определённым названием), но причины, побудившие нас к этому, были тоже достаточно вески. Конфигурация местности в области истоков Анадыря не позволяла предполагать большое количество озёр, да и сами мы нашли их там очень мало, тогда как далее на восток озёра встречались довольно часто. Поэтому более значительное озеро должно было бы быть хорошо известно чукчам, которые бродят со своими стадами зиму и лето в этой глуши, а между тем они ровно ничего не могли сказать о нём. Река, вытекающая из значительного озера, должна была бы иметь более значительную ширину, чем та малая речка, через которую мы переходили и которую чукчи выдавали за исток Анадыря. На своём пути мы встретили несколько небольших речек и чукчи всех их называли истоками Анадыря. Все они были крайне незначительны, а потому и не имели особых имён, а назывались, как уже сказано, общим именем: истоки Анадыря. Никак нельзя было допустить, чтобы которая-нибудь из них могла вытекать из большего озера, а потому мы должны были прийти к убеждению, что на старинных картах вкралась ошибка. Что подобные случаи бывают с такими картами и что озеро может возникнуть на них даже против желания самого автора, можно легко убедиться на реке Пеаунбеле, находящейся между прочим

и на карте Врангеля. Река эта впадает в южный угол Чаунской губы и значительно выше своего устья разделяется на много рукавов, которые образуют сильно разветвлённую дельту. В этом виде река изображена ещё на специальных картах, составленных под руководством самого Врангеля и до сих пор хранящихся в Гидрографическом Департаменте. Но отдельные специальные карты сильно различаются между собою в деталях: то были именно различные попытки, которые делались с целью критической оценки материала для сводки его в одну карту. Одна из этих карт представляет крайне странный чертёж: дело в том, что недалеко от своего истока Пеаунбел разделяется на ней на две реки, из которых западная называется Пеаубелем, а восточная — Тауншео; затем обе эти реки снова соединяются и главная река изливается в губу одним устьем. Как раз этот необычайный чертёж и попал на приложенную к труду Врангеля карту, которая, как известно, была отпечатана без содействия самого Врангеля. При этом чертёж составлен так, что возникает сомнение: имеешь ли дело с двумя реками, имеющими общий источник и общее устье, или с озером, которое принимает в себя небольшую питающую его речку, а затем изливается в губу, но берега которого вместе с тем носят каким-то странным образом различные названия. В этом последнем смысле и понял чертёж крайне добросовестный старик Позняков, рисующий на своей карте уже настоящее озеро. Впоследствии примеру его последовал Генеральный Штаб, который изображает озеро с островами, а берега этого водоёма приводит в виде двух различных рек. Точно также, на старинных картах широко раскинулось на нижнем течении Анадыря громадное Нерпичье озеро в том месте, где мы нашли лишь реку Нерпичью. Имея в виду приведённые два примера, нет, полагаю, ничего удивительного в том, что мы сочли себя в праве удалить с карты Ивашко- или Иван- или Иоанко-озеро до тех пор, пока существование его не подтвердится надёжными данными. Вполне возможно, что там, как и на многих других реках, действительно найдётся небольшой водоём в одну или две версты в окружности, но по имеющимся в настоящее время сведениям мы должны положительно отвергнуть присутствие там какого-либо значительного озера.

Из правых притоков Анадыря ближе всего к Большому Анюю подходит Менкерова (по-чукотски Энмувэем) и по правому притоку этой последней, Теннеке, мы и попали с Анюя в область Анадыря. Другой путь

из области первой реки в область Анадыря идёт как по Дракливой, так и по реке Худые Воды, к истокам Яблона или, по-чукотски, Карулевэема, а с них на два Пеледона, из которых один носит название Большого, а другой Малого. Но путь по Менкереве во всяком случае удобнее, так как тут не приходится преодолевать крутого хребта. Если же идти с реки Худые Воды на Карулевэем, то попадёшь на самое высокое место всего хребта; при этом не только нужно взбираться на трудный подъём к Большому Пеледону, но и переходить (в случае, если примешь направление на Марково на Анадыре) через хребет, отличающийся как раз тут своей крутизной и простирающийся от истоков Анадыря, по левому берегу последней реки, на юго-запад приблизительно до устья Яблона.

Правые притоки верхнего течения Анадыря, а также левые среднего и нижнего, во время наших странствований мы переходили сами по несколько раз, но тем не менее нам не удалось прийти относительно них к соглашению: это видно из карты Генерального Штаба, которая черчена по данным, собранным Афонасьевым, и отличается от моей. Кто из нас двоих прав, сказать не решаюсь, но дело заключается в следующем. С истоков Анюя мы отправились к истокам Анадыря и, перейдя затем на южный склон водораздела, от которого почти не удалялись, шли на восток до Танлео, где свернули на юг; Танлео мы переходили в том месте, где он делается уже большой рекой. На всём этом длинном пути мы имели дело с бесчисленным количеством истоков, направление которых мы могли определить постольку, поскольку мы их касались. Но мы редко шли продолжительное время по какому-либо из них: мы оставляли поток, переходили через возвышение, а когда приходили снова к потоку, то далеко не всегда могли сказать, тот ли самый это поток или другой. Местность была до утомительности однообразна; всё те же болотистые низменности, бесконечно чередующиеся с болотистыми же плоскими возвышениями, и не было никакой возможности получить правильное понятие о направлении речек. Сопровождавшие нас чукчи шли по этой дороге тоже в первый раз, а потому и от них нельзя было получить верных указаний; на все вопросы они отвечали одним и тем же ответом, что все встречающиеся нам реки представляют собою притоки Анадыря, а далее этого дело их решительно не интересовало. Благодаря этой неизвестности впоследствии, в Нижнеколымске, где впер-

вые сводились маршруты, оказалось, что топограф не заметил некоторых водоразделов и что вследствие этого притоки, которые текли уже собственно говоря в Таньюрер, были сочтены за таковые Белой, и т.п. Одним словом мы не могли распределить вышеназванные истоки, которые переходили на нашем пути к устью Анадыря, между системами трёх больших рек (Анпенакол, Таньюрер и Белая), встреченных нами на возвратном пути — вверх по реке до Марково. Мы советовались тогда с главным проводником, с Амвраоргиным, и с казаками, а в Марково я собрал различные сведения; на основании всех этих данных и была составлена в Нижнеколымске карта, которою я пользовался, когда составлял свою. Впоследствии же мне пришлось убедиться, что топограф Афонасьев отступил от этого чертежа, но я никак не могу объяснить себе, на основании каких уважительных причин он это сделал. Я остался при нашем первоначальном взгляде, потому что он кажется мне более правильным, но я вовсе не хочу этим утверждать, что мнение моё безусловно верно.

Озеро Красное и текущие в него реки так же, как и река Онемен, впадающая, собственно говоря, уже в Анадырскую губу, нанесены на карту исключительно по расспросным сведениям. Все знали, что приблизительно в том месте расположено очень большое озеро Красное, которое принимает в себя три реки и отделяет область коряков от нижнего течения Анадыря. Опрошенные нами люди были знакомы также и с Онеменем, который они обыкновенно называли «Большой рекой». Но более подробных сведений собрать мы не могли, почему проверку добытых нами данных следует предоставить будущим исследователям.

Положение острова Маина, образуемого Анадырем и реками Маином и Протокой, нанесено на карту по нашему маршруту; астрономические пункты Марково и Барановка определены Нейманом.

Из Марково в Нижнеколымск наша экспедиция направилась тремя путями: Нейман пошёл вверх по Менкереве и перебрался на Малый Анюй; топограф Афонасьев направился сначала вверх по Щучьей, далее вниз по Солочьей до Анадыря, затем через Кимгимвэем или Большой Пеледон к Карулевэему или Яблону, и, наконец к Дракливой, впадающей в Большой Анюй. Мой путь пересёк путь Афонасьева. Я пошёл вверх по притокам Щучьей, называемым Первой, Второй и Третьей Щучьими, а затем вышел на Отворотную, которая по рассказам есть тоже приток

Щучьей. Название Отворотная встречается очень часто и означает, что, дойдя до подобной реки, следует свернуть на какую-либо дорогу. С этой Отворотной можно попасть на две одноимённые ей реки, которые обе текут в Анадырь выше места его поворота; наш проводник избрал Нижнюю Отворотную, с которой я направился на Малый Пеледон или Ане-тву, с последней пошёл к Большому Пеледону и через Карулевзем к реке Худые Воды, которая впадает в Дракливую. Топографу я дал направление моего маршрута, но он соединил его на составленной им карте со своим и поступил совершенно неправильно, потому что дороги наши были различны, хотя и пролегали недалеко одна от другой. Тут я должен прибавить, что в данном случае легко могли иметь место ошибки: сами чукчи, редко посещающие эти места, вносят большую путаницу в понятие о Щучьей, так что я не вполне уверен, что на моей карте я привожу правильные данные. Как бы там ни было, а Карулевзем есть та же самая река, что и Яблон, а не отдельная, как принято по Афонасьеву на карте Генерального Штаба.

По моему убеждению, Афонасьев сделал также ошибку в том, что изобразил Каменную в виде притока Кайгувзема; по собранным мною данным он есть приток Орловки и носит чукотское название Вугувзем. Кстати сказать, что чукотское слово *wem* (=река), можно писать также *weem* или *wehm*, но не мешает помнить, что чукчи произносят это слово всегда протяжно.

С Анадыря я совершил поездку в Гижигинск и возвратился тою же самую дорогою обратно. Я крайне интересовался этим участком, потому что для меня была всегда сомнительна связь горной цепи Камчатки с Колымским хребтом, как это изображалось на всех без исключения старинных картах. Такого рода воззрения не согласовались с другими сведениями, по которым следовало, что узкая полоса земли, соединяющая Камчатку с континентом, представляет собою низменность. Во время моего путешествия к Охотскому морю мне пришлось переходить пять хребтов: Русский, Налгимский, Ычигемский, Ушканий и Шестаковский или Каменный. Но все эти хребты представляли собою, как было сказано выше, лишь низкие отроги Колымского хребта, которые простираются частью до Маина, частью же только до Пенжины или даже не доходят и до этой последней, каковы Ычигемский и Ушканий. Налгимский

хребет, отделяющийся от Русского в виде невысокой горной цепи, достигает, по рассказам местных жителей, верхнего течения Маина в виде низких холмов. Собранные мною сведения были подтверждены данными некоего Фроста, американца, который поселился в Гижигинске, много ездил по той местности и помимо того владел несколькими картами, составленными американцами, строившими сухопутную телеграфную линию. В основу моей карты разбираемой области легли как только что упомянутые карты, так и собранные мною наблюдения и расспросные сведения. Маин, по которому я ездил лишь в самой нижней части его течения, и хребет Пол-Пол я заимствовал, как имел уже случай пояснить выше, целиком с составленных американцами карт. Истоки же Пёнжины, Оклана, Парени и Гижиги черчены мною по указаниям людей, ходивших вверх по этим рекам с целью попасть на Омолон, а оттуда в Среднеколымск. Все эти, большей частью очень удобные переходы, хорошо известны также и корякам, которые пользуются ими при путешествии из мест своего жительства на верхнем течении Омолона в Гижигинск. Самый Гижигинск определён астрономически, как видно из моего списка пунктов.

Вот всё, что дают нам в настоящее время сведения, касающиеся физической географии Якутской области; по крайней мере это всё, что было мне доступно. Известно нам, следовательно, не много, да и в ближайшем будущем нельзя рассчитывать на расширение наших знаний в этом отношении, за исключением разве той части области, которая лежит к северу от Верхоянского хребта. Для исследования последней, а специально для речных систем Яны, Индигирки и Колымы, представился хороший случай, так как Императорская Академия Наук снарядила экспедицию для геологического исследования названных рек. В виду того, что с этой, находящейся под начальством И.Д. Черского, экспедицией отправлен, конечно, и топограф, можно рассчитывать на крайне интересные маршруты. Но, к сожалению, в С.-Петербурге уже получено печальное известие, что г-н Черский захворал в Верхнеколымске как раз в разгаре своей деятельности. Этим, по всей вероятности, решится участь всей экспедиции, и топограф вернётся обратно, так как цель путешествия не географическая, а геологическая. Впрочем, есть полная надежда рассчитывать, что существует по крайней мере марш-

рут от Якутска до Верхнеколымска: путь Черского пролегал через Оймяконскую плоскую возвышенность, а потому несомненно можно ожидать крайне интересных разъяснений тех тёмных вопросов, которые занимают нас в настоящее время. Чтобы закончить географическое пояснение нашей карты нам остаётся ещё сказать несколько слов о жителях Якутской области, её границах и находящихся в ней городах.

Границы как Якутской области, так и её пяти округов я начертил так, как они в моё время принимались *de facto* на месте. Административные границы этой области никогда не были установлены точно, да и нет положительно никакой цели предпринимать подобную колоссальную и дорогостоящую работу. Нетрудно провести разграничительную черту, конечно, там, где она совпадает с морским побережьем или с течением рек, но не легко сделать это в тех случаях, где нет подобных естественных границ. Это находится в связи с тем, что в Якутской области не везде существует точно установленная поземельная собственность, а во многих местах последняя прямо-таки исключается законом. Но пограничные черты таких частных земельных участков и дают главным образом материал для точно установленных границ, с которыми мы привыкли встречаться во всех европейских государствах. В Сибири же, и особенно в восточной её части, почти вся земля принадлежит правительству; действительно, если исключить очень незначительные, отведённые городам наделы и крайне редкие случаи подарков землёю частным лицам, то здесь почти вовсе нет переходящих по наследству земель. Что же касается крестьян и кочевых инородцев, то наделы даются им исключительно во временное пользование и могут быть как совершенно отняты, так и заменены другими участками. Из этих земельных наделов те, которые отведены крестьянам, казакам, а также оседлым инородцам, большою частью, правда, отмежёваны и могут быть представлены графически. Труднее уже справиться с участками, предоставленными во временное пользование кочевым инородцам, тем более, что участки эти очень обширны. Здесь не только никогда не бывало землемеров, но последние вряд ли и могли бы что-либо сделать при существующих условиях: кочевники получили свою родовую собственность не в точно установленных границах, а урочищами, т.е. по нашим понятиям местностями. В исторической части настоящего труда сообщается, что раздел Якутской земли и наделение ею отдельных племён

и родов был сделан воеводой Мироном Мартыновичем Черкашинниковым в царствование Екатерины и что императрица впоследствии утвердила этот раздел.

Эти наделные документы, очень уважаемые до сих пор ещё якутами и принимаемые ими за неоспоримые, говорят только о покосах по рекам и озёрам, да об урочищах, отведённых отдельным родам; но эти урочища представляют собою, как будет точнее пояснено в другом месте, крайне растяжимое понятие, которое может быть правильно передано, собственно говоря, только нашим словом «местность». Можно было бы, однако, указать приблизительно верные границы и этих урочищ, но непреодолимые затруднения представляет то обстоятельство, что наделы номадов окружены охотничьими областями, отданными в пользование бродячих инородцев, а последние вовсе не имеют границ, да и по закону не должны ими стесняться. Практически дело представляется в таком виде. Вдоль больших рек расположены в большинстве случаев строго отграниченные, но сравнительно незначительные земельные участки, на которых живут русские. Эти участки со всех сторон окружены очень обширными родовыми наделами кочевых племён, простирающимися обыкновенно настолько, насколько идут лишённая леса местность или богатые рыбою озёра и реки. Затем следуют совершенно неограниченные охотничьи районы, занимающие поистине громадные пространства и абсолютно никому не принадлежащие.

Действительно, каждый охотник может бродить, охотиться, ловить рыбу и вообще снискивать себе пропитание где и как ему угодно. Таким образом, как между отдельными губерниями и областями, так и между округами, на которые они разделены, находятся земли, которые нельзя отнести, собственно говоря, ни к одному из названных административных делений. Чтобы и при подобных обстоятельствах установить какой-нибудь *modus vivendi* и дать возможность отделять различные области, стали принимать за границы водоразделы. Этим был достигнут по крайней мере тот практический результат, что, хотя приблизительно знаешь как вести границу, т.е. придерживаешься истоков рек, поскольку они известны, а этого вполне достаточно для теперешних потребностей. Таким образом с недоразумениями в этом отношении бо-

роться не приходится, по крайней мере мне не известно ни одного подобного случая; если же время от времени и бывали споры между исправниками, то распутать и уладить их было всегда легко.

В указанном смысле и следует понимать обозначенные на картах границы.

На северо-западе граница Якутской области начинается от устья Анабара; местами, правда, нижняя часть течения этой реки причисляется, как я в том сам убеждался, к Енисейской губернии, но это положительная ошибка, имеющая своё основание в том, что тут поселились охотники и рыбаки названной губернии. Люди эти имеют право, как уже сказано, промыслять где покажется им для себя более удобным, и свобода этих передвижений и поселений нисколько не влияет на границы административных делений. Итак, граница Якутской области несомненно начинается от устья Анабара, а затем идёт вдоль морского побережья со включением островов, расположенных на Ледовитом океане, следуя по названному побережью вплоть до устья Анадыря. Отсюда она направляется вверх по этой реке или, вернее, по левому её берегу, до впадения Ереполя, идёт вверх по последней реке до её истоков в Колымском хребте, а далее тянется уже всё по гребням, — сначала по гребню Колымского хребта, затем по таковому Станового и наконец по гребню Яблонового хребта. Оканчивается она на Витиме, у впадения в него Каренги.

Карта Генерального Штаба отличается тут от моей в том, что на ней самая северо-восточная часть границы проведена вверх по реке Чауне, с истоков которого переходит далее на водораздел и уже на гребне Колымского хребта снова совпадает в конце концов с моим чертежом. Таким образом она отрезает от Якутской области всю Чукотскую землю и весь бассейн реки Анадыря. Мне не известно, на каких документах основано такое проведение границы, но я ни в каком случае не могу признать его правильным. Действительно, обитающие эти печальные места чукчи бесспорно принадлежат к Якутской области и с древних времён зависят от Колымска, гижигинский же исправник не оказывает на них никакого административного влияния. Местечко Марково, расположенное на правом берегу Анадыря, принадлежит, правда, к Гижигинскому округу, хотя жители его, переселившиеся туда из Якутской области, и поныне платят свои подати в Среднеколымск; левый же берег

реки и местными жителями считается бесспорно принадлежащим к Среднеколымскому округу.

Пока граница идёт по Становому хребту, да, пожалуй, ещё и по восточной части Яблонового, найти её не трудно, но большие затруднения в этом отношении представляются в западной части последнего хребта. Дело в том, что тут, как упоминалось уже раньше, нет, собственно говоря, никакого гребня, да и самый водораздел отличить здесь далеко не легко. Вследствие этого границу проводят здесь иногда прямыми линиями, не обращая никакого внимания на речные бассейны, которые часто сильно вдаются один в другой, иногда же придерживаются рек. Одним словом, поступают так, как в данном случае более удобно: практического значения точность границы здесь не имеет, в ней покуда не нуждаются, потому что тут бродят исключительно охотничьи племена.

Но с Витима, где начинается золотопромышленный округ, к делу этому нельзя уже относиться так легко; к счастью, однако, граница области пролегает здесь по различным рекам, а потому определить её можно, конечно, с большою точностью. Начиная с устья Каренги границею служит на большом протяжении правый берег Витима; затем граница идёт вдоль Малой Езовой к истокам Большого Туюкана, впадающего в Большой Патом, далее по Б. Туюкану и по самому Большому Патому до впадения в него Юхты. Отходя отсюда, она перерезывает Лену между станциями Жербинской и Топской и достигает водораздела, отделяющего бассейн Вилюя от Лены, причём покидает область реки Жербовки у Иркутской губернии. Далее граница перерезывает Чону близ речки Луптукокты, Верхнюю Тунгуску выше впадения в неё Унгатки и достигает Тетеи несколько ниже впадения Пуруемы; вдоль Пулванонгны она тянется далее почти прямо на запад до Илимпеи и следует по этой реке вплоть до впадения её в Нижнюю Тунгуску. Отсюда обыкновенно протягивают прямую линию по необитаемой области до восточного угла озера Яконгны, а от этой точки к истоку Анабара, местонахождение которого решительно никому неизвестно. Линия эта есть чисто произвольные, так как положение озера Яконгны определено не совершенно точно, а Анабар, по которому граница идёт вплоть до самого устья, принадлежит, как известно, к совершенно неисследованным рекам.

Эта обширная, имеющая свыше 710.000 кв. миль, область разделяется административно на пять округов, — Якутский, Вилюйский, Олёкминский, Верхоянский и Среднеколымский. Деление это приноравливается по существу самого дела к большим рекам, так как в долинах последних живут якуты, а в основание деления на округа положены главным образом места жительства этих инородцев.

Якутский округ есть, собственно говоря, округ больших правых притоков Лены, особенно же Алдана и преимущественно предпочитаемого якутами берега Лены. Граница начинается на левом притоке Лены, Саняхтахе, тянется приблизительно до водораздела и, наконец, идёт вдоль средней и нижней части течения Бергеты или Тюгяни. В этом месте якуты Якутского округа соприкасаются с якутами Вилюйского; между ними нет тунгусов, а потому границу можно установить довольно сносно. Начиная, однако, с Вилюя, дальнейшее направление границы между Верхоянским и Якутским округами совершенно неопределённо; сначала следует признать за границу гребень Верхоянского хребта, да последний за неё в действительности и принимается; но далее на карте Генерального Штаба отнесена к Верхоянскому округу ещё вся Индигирка (по всей вероятности потому, что округ этот есть главным образом округ Яны и Индигирки), я же предпочёл отнести Оймяконское нагорье к Якутскому округу. Сделал я это оттого, что якуты, живущие на нагорье, причисляются к последнему округу, верхоянское же окружное управление не имеет ровно никакого касания к названному нагорью. Причина эта была бы вполне доказательна, если бы оймяконские якуты находились в постоянных сношениях с их соплеменниками Якутского округа; в действительности же этого нет, а потому и направление границ никак нельзя считать правильно установленным. Дело в том, что живущие в настоящее время по самой верхней части течения Индигирки якуты представляют собою остаток тех их соплеменников, которые бежали от притеснений древних казаков и промышленников, о чём я сообщу в исторической части моего труда. Они переселились на север, главным образом на Колыму, но часть их родов осталась на нагорье, будучи привлечена роскошными лугами системы Индигирки. С тех времён и находится там обособленная, со всех сторон окружённая обширными, безлюдными пустынями, заселённая местность, которая административно причисляется к Якутскому округу.

От Оймяконского нагорья граница округа совпадает с общей границей всей области и в этом виде тянется до истоков Алдана; но отсюда она поворачивает обратно, к Лене, которой достигает у устья Саныхтахы, и проходит при этом так, что пролегает по водоразделу между самой верхней частью течения Алдана и Олёкмой, отделяя систему последней реки от Якутского округа.

К западу от только что названного округа располагается Олёкминский, к которому относится, правда, система Олёкмы, а, следовательно, и большая часть золотопромышленного округа Лены, но который главным образом заселён якутами правого берега Лены и острова Кыллаха. Тут он граничит с владениями якутов Вилуйского округа и с Иркутской губернией.

К северу от этих двух округов лежит Вилуйский округ, который иногда распространяют так, что он занимает собою всю расположенную к западу от Лены часть области, вплоть до Ледовитого океана. Это тот взгляд, который распространил автор «Вилуйского округа», Рихард Маак¹, но который однако совершенно не верен, хотя Маак и защищает его с необыкновенной энергией. Он спрашивал меня ещё в Иркутске, в семидесятых годах, о том, как считать северную границу Вилуйского округа и прибавлял при этом, что он доходит, насколько ему известно, до моря. Уже тогда указывал я на ошибочность этого мнения и возражал ему, что граница округа лежит между реками Вилуем и Оленьком, так как Оленёк принадлежит уже Жиганскому улусу, а этот относится к Верхоянскому округу. Прекрасно зная местные условия, я полагал, что вполне успокоил *Маака* на этот счёт, а потому был крайне удивлён, когда из стр. 2 и следующих второй части его труда узнал, что он снова защищает свой взгляд, да вдобавок ещё с очень ожесточёнными нападениями на местное управление, которое будто бы даже не знает района своего влияния. Порицания эти были направлены главным образом против Кларка, который заведовал в качестве исправника долгое время Вилуйским округом, и тем не менее не знал-мол, что Жиганский улус принадлежал к его округу, а относил его неправильно к Верхоянскому. Все эти обвинения г-н Маак основывал частью на старом атласе Познякова, частью же на других данных, почерпнутых в петербургских библиотеках. Это во всяком случае крайне странный способ исследований:

¹ Р. Маак. Вилуйский округ Якутской области. С.-Петербург. 1886.

принимать в расчёт не существующие в действительности условия, а придавать значение древним трудам и атласам. Как бы дела на этот счёт не обстояли раньше, но в настоящее время граница между двумя округами безо всякого сомнения идёт сначала с запада на восток почти параллельно рекам Вилюю и Оленьку, затем касается самой верхней части течения Муны, а потом тянется в юго-восточном направлении к Лене, которой достигает несколько южнее 66° с.ш. и по которой следует до устья Бергеты или Тюгяни. Таким образом вся местность к северу от этой линии принадлежит уже не к Вилюйскому, а к Верхоянскому округу. Последний, действительно, имеет необыкновенно большое протяжение, так как помимо этого громадного участка к нему принадлежит вся страна, расположенная к востоку от Лены вплоть до Алазеи, следовательно, главным образом бассейны Яны и Индигирки, за исключением, как уже сказано, самой верхней части течения последней реки. Подобно тому, как якуты Вилюйского округа живут почти исключительно в долине Вилюя и Мархи, так и принадлежащие к Верхоянскому округу кочевники поселились вдоль больших рек, по Яне и Индигирке, и обитают преимущественно среднюю часть течения этих рек, а также Уяндину и Селегнях; Жиганский же улус, наоборот, заселён необыкновенно слабо, несмотря на громадное его протяжение.

В Среднеколымском округе, прилегающем к восточной границе Верхоянского, совершенно ту же главную роль играют сама Колыма и её большой приток Омолон: здесь ютится наибольшая часть населения, тогда как на Алазее и в области расположенной между двумя реками находятся лишь немногие селения. Кроме того, в новейшее время сильно заселена чукчами ещё область двух Анюев и особенно местность между Сухим или Малым Анюем и Ледовитым океаном; страна же к востоку от них даёт приют крайне редкому населению и только на крайнем северо-востоке Азии и вокруг мыса Пээк чукчи живут несколько скученнее.

Но если говоришь о Якутской области, то слово «густонаселённый» приходится понимать в смысле, очень отличном от того, в котором оно употребляется в европейских условиях. И в самом деле, названная область не только заселена весьма слабо, но и это незначительное население распределено по стране крайне неравномерно. Действительно густо населён, собственно говоря, только расположенный у Олёкминска

остров Лены Кыллах, который во всей области является единственным, постоянно обитаемым из островов Лены: на нём живёт целый наслег, состоящий приблизительно из полутора тысяч душ. Но другого подобного случая нельзя подыскать даже в населённых якутами местностях; в их собственных урочищах население до невероятности редко: деревень вовсе нет, а встречаются лишь одиноко стоящие жилища или юрты, только изредка можно увидеть одновременно две юрты с одного и того же места, а если заметишь три или больше вместе, то это нужно считать за совершенно исключительное явление. Переходя же из якутских владений в области живущих охотою и рыбною ловлею племён, так называемых бродячих народов, можно встретить изредка человеческое существо, да и то случайно, не чаще одного раза в несколько недель: тут находишься уже в необитаемой области, в чистой тайге. Последняя занимает обширное пространство, потому что безлюдны не только участки охотничьих племён, но и бесконечные лиственничные леса во владениях якутов, где люди живут только на немногих лишённых леса местах. Для того, чтобы несколько нагляднее показать это отношение между численностью населения и занимаемым им пространством, я приведу тут соответствующие цифровые данные из статистической работы, недавно опубликованной якутским областным управлением. Впрочем, я не желаю брать на себя никакой ответственности за эти данные, так как ни вся область, ни отдельные округа никогда не измерялись, а потому все до единой цифры основаны исключительно на приблизительной оценке. В приводимом перечне округа расположены по относительной густоте их населения и тут остаётся только заметить, что квадратная верста равна 1,14 квадратного километра.

Якутский округ 719.278,0 кв. вёрст, 148.842 человека; один человек на 4,82 кв. вер.

Вилуйский округ 883.402,2 кв. версты, 71.895 человек; один человек на 12,28 кв. вер.

Олёкминский округ 335.159,1 кв. вёрст, 14.776 человек; один человек на 22,69 кв. вер.

Верхоянский округ 947.085,0 кв. вёрст, 12.941 человек; один человек на 73,24 кв. вер.

Колымский округ 604.756,0 кв. вёрст, 6.060 человек; один человек на 99,79 кв. вер.

Итак, вся эта обширнейшая область населена только 225.000 человек; при этом следует, впрочем, заметить, что касающиеся Колымского округа цифры крайне ненадёжны. Из указанного статистического труда не видно, правильно ли приведены размеры округа, а цифра народонаселения тоже не согласна с действительностью: численность чукчей оценена приблизительно в 500 душ обоего пола, тогда как на самом деле инородцев этих по крайней мере 3.000 человек.

Это очень незначительное народонаселение в большей своей части состоит из азиатских племён, преимущественно из якутов, т.е. кочевников; очень незначительно число русских, а ещё меньше бродячих племён, занимающихся охотой и рыбной ловлей. Числовые данные таковы: считают 287.000 якутов, 12.000 человек, занимающихся охотой и рыбной ловлей или, по официальному выражению, бродячих народов и около 13.000 русских обоего пола. Само собою разумеется, что народонаселение живёт, как уже сказано, очень рассеянно: оно вовсе не привыкло жить скученно. Только немногочисленные русские крестьяне живут частью в станционных деревнях, так как им приходится нести почтовую службу, частью же в нескольких деревнях Якутского, Олёкминского и Вилюйского округов; главная же масса населения проживает в отдельных, рассеянных по всей стране жилищах.

Тем не менее в Якутской области есть и несколько городов; в последних, однако, жителей очень мало, так как общее число населения пяти городов области — Якутска, Олёкминска, Вилюйска, Верхоянска и Среднеколымска — равняется 83.00 душ, из которых на долю одного областного города Якутска приходится 65.00 человек, так что во всех остальных вместе взятых проживает всего около 17.00 душ.

Помимо этих пяти городов существуют по карте ещё несколько населённых пунктов, частью ютящихся у церквей, частью же расположенных у центров инородческих правлений. Однако в них такое незначительное количество домов, что их вряд ли можно считать за населённые местечки в настоящем смысле этого слова. В виду того, что как для этих местечек, так и для станций и просто для мест остановок принят на карте один и тот же знак, мне кажется уместным перечислить те из пунктов области, которые могут считаться местечками, хотя бы и слабо населёнными.

I. В Якутском округе:

1) Амгинская слобода	500	душ.
2) Деревня Усть-Майское.....	17	»
3) Деревня Павловское	56	»
Вблизи Якутска:		
4) Деревня Верхнее	120	»
5) Деревня Чепчулган.....	120	»
6) Деревня Новопокровск.....	30	»
7) Деревня Мархинское	350	»
8) Деревня Килдемское	свыше 100	»
9) Деревня Хатын-Апинское	90	»
10) Деревня Петропавловское	140	»
11) Деревня Новоникольское.....	140	»
12) Кроме того в 20 станциях по Лене	свыше 1.100	»
II. В Олёкминском округе:		
1) Деревня Амгинское	500	душ.
2) Деревня Олёкминское.....	600	»
3) Деревня Кургинское	20	»
4) Селение Спасское.....	200	»
5) Селение Троицкое.....	60	»
6) Селение Ильюпское.....	25	»
7) Селение Усть-Чаранское	50	»
8) На различных станциях	около 1.700	»
III. В Вилуйском округе:		
1) В двух деревнях близ церкви Нюрбы	1) 400	»
.....	2) 60	»
2) Малое селение у церкви Сунтар	приблизительно 20	»
IV. В Верхоянском округе:		
1) Деревня Балкалах у устья Оленька	приблизительно 20	»
В дельте Лены близ Сагастыра:		
2) Местечко Булун		
3) Местечко Кетах, а затем		
4) Кумах-Сурк		
5) Ары-Быково и		
6) Зимовьялах, на острове в Быковском устье Лены.		

Все эти мелкие местечки населяются главным образом во время хода рыбы, но тем не менее в каждом из них живёт по несколько семей и постоянно; постоянное число жителей этих местечек вряд ли превышает, однако, десять душ. Несколько более густо населены расположенные южнее по Лене:

7) Местечко Булун 60 душ.

8) Местечко Сихтях 40 »

На Яне можно назвать:

9) Казачье 80 »

10) Усть-Янск 50 »

На Индигирке:

11) Ожогоино 50 »

12) Русское устье 200 »

V. В Колымском округе:

1) Нижнеколымск 200 »

2) Каретное 20 »

3) Черноусово 20 »

4) Походск 100 »

5) Верхнеколымск 40 »

Перечисленные выше местечки, из которых некоторые по количеству жителей равны мелким уездным городкам, далеко не все помещены на карте, так как я не задавался целью нанести на последнюю все населённые места. Отмечались, наоборот, только те из пунктов, которые представляют интерес для путешественников, а расположенные часто поблизости городов деревни такого интереса ни в каком случае не имеют. Поимённым перечнем выше названных селений имелось в виду устранить по возможности все недоразумения при чтении карты, потому что далеко не редко бывали случаи, что подобные местечки, отмеченные путешественником в его журнале или на маршруте, составители карт впоследствии возводили в города и тем самым давали совершенно ложную картину. Так, например, на составленной Иркутским Штабом карте имелось между прочим местечко Усть-Виллюйск, которое вовсе не существует, да никогда и не существовало. Ввиду того, что я прекрасно знаком с устьем этой реки и знал, что там нет никакого местечка, я заявил об этом в Штабе как раз в то время, когда последний был занят подготовкой нового издания этой карты. Но меня и слушать

не хотели: чертёжник пояснил мне, что так как я не топограф, то моё заявление, которое я предлагал сделать даже письменно, не может оправдать изменений на карте, черченной классным топографом; он прибавил, что местечко это было нанесено уже на старую карту, а потому должно там находиться. Так и не удалось мне ничего достичь, и Усть-Виллюйск продолжал фигурировать и в новом издании карты. Тем не менее меня крайне интересовало узнать, каким образом мог попасть город в эту область, каждый год на много вёрст заливаемую весенним половодьем. В моих изысканиях я наткнулся, наконец, на карту Сарычева, приложенную к его труду. На этой, правда очень старательно черченной карте, автор часто отмечает якутские юрты, места остановок и т.п. пункты, служившие ему, очевидно, для ориентировки, и один из подобных значков действительно находится у устья Виллюя. Это и было, насколько я мог выяснить, началом возникновения города Усть-Виллюйска. Итак, необходимо самым положительным образом заявить, что во всей Якутской области существует вообще всего пять городов и что за населённые места следует считать только выше перечисленные местечки. Все же остальные не должны в настоящее время приниматься за постоянное человеческое жильё: они представляют собою лишь станы, которые могут, как я имел уже случай подробно пояснить, давать лишь временный приют большому или меньшему числу жителей, будь то для рыбной ловли или с другими целями. Изредка может в них поселиться на более продолжительное время даже какая-либо семья, но их никак нельзя считать за постоянно обитаемые места. Нанесением их на карту имелось в виду доставить возможность более лёгкой ориентировки, так как местные жители пользуются этими именами точь-в-точь так же, как мы пользуемся пометками, указывающими направление дороги.

Этими последними данными о населённых местах Якутской области я мог бы закончить пояснительную записку к черченной мною карте, если бы я не считал себя до известной степени обязанным провести на карте границу лесной растительности, поскольку я с таковою ознакомился. Собственно говоря, такая задача не лежит на составителе подобной общей карты, как моя; но в данном случае мне нелегко было уклониться от этой задачи потому, что на приложенной к описанию путешествия на «Веге» карте Норденшельд даёт границу лесной растительности, нанесённую с большим, как по крайней мере кажется, знанием дела.

На этой карте сказано, что она составлена как по старинным и новейшим данным, так и по съёмкам, сделанным во время путешествия на «Веге». Таким образом каждый, кто станет рассматривать эту карту и найдёт, что граница лесной растительности проведена на ней совершенно иначе, чем принималось на основании прежних данных и исследований, придёт к выводу, что члены экспедиции (жившие, ведь, более полугода в Чукотской Земле и притом совершенно освоившиеся, как можно заключить из рассказов их, с языком чукчей) собрали расспросные данные, принудившие их отказаться от уже известного и начертить на основании собранных ими сведений очень детальную, совершенно иначе проходящую границу леса. Действительно, нельзя не назвать детальным и основанным на крайне тщательных розысканиях чертёж, на котором для каждой малой речонки точно указано, как далеко по берегам её заходит на север лес и как он снова уклоняется к югу в промежутках между реками. Этот, установленный Миддендорфом, закон я мог наблюдать совершенно явственно только по большим рекам, потому что у меня не было ни времени, ни случая вдаваться в такие подробные исследования по малым речкам, да я и не располагал в моих поездках достаточным количеством свободного времени, которое находилось, очевидно, в изобилии у членов экспедиции «Веги». Ввиду громадного авторитета, которым пользуется эта экспедиция, должно было бы придавать большую цену каждому её указанию, но странным казалось то, что барон Норденшельд не счёл стоящим труда указать те исследования, на основании которых было предпринято такое резкое изменение давно известных фактов. Это бросалось в глаза тем более, что в Petermann's «Geographische Mittheilungen» за 1879 год появилась специальная карта Северной Сибири, от Лены до Берингова пролива, на втором листе которой граница лесной растительности была нанесена далеко не так подробно, но совершенно иначе. Так как труд Норденшельда появился после упомянутого тома «Mittheilungen» и приводил к совершенно иным выводам, то и приходилось принять, что старые данные должны уступить место новым, более верным.

Но по собранным мною сведениям ничего подобного нет на самом деле: карта «Geographische Mittheilungen», основанная главным образом на старинном описании путешествия Биллингса, даёт картину несрав-

ненно ближе подходящую к действительности, чем карта Норденшельда, которая, по моему мнению, совершенно неверна и никуда не годна. Со времени путешествия Биллингса считалось общепринятым, что вся обширная Земля Чукчей безлесна: так оно изображалось на картах и так изображено на карте Восточной Азии, данной в Petermann's «Geographische Mittheilungen». Но вот теперь это не должно быть так, необходимо во всех отношениях дать нечто новое: подобно тому, как в описании путешествия «Веги» снова выкапывалась старинная ложь давно забытого Андреева, так и в данном случае проведением границы лесной растительности, сделанным с видом величайшей точности и знания дела, попросту объявляется никуда негодной работа известного географического издания, да притом ещё считается совершенно излишним упомянуть, как дошли до столь важных изменений давным-давно всеми принятыми взглядами.

Одним словом, несмотря на кажущееся обширное знание дела, весь чертёж Норденшельда неверен, а карта данная «Geographische Mittheilungen» вполне соответствует действительности, за исключением немногих мелких погрешностей. Совершенно лишена лесной растительности не только Чукотская Земля, но, в высшей степени вероятно, и почти вся область реки Анадыря, а также лежащий от этой последней к югу Парапольский дол. Именно благодаря этой причине страна эта пустынна и негостеприимна, несмотря на своё не очень северное положение.

Но решаясь оспаривать такой положительный авторитет, каков Норденшельд с его экспедицией «Веги», я должен привести в оправдание моего заявления факты, а потому я сообщаю здесь те данные, которые послужили мне для установки границы лесной растительности и которые основаны частью на личных наблюдениях во время моих поездок по Якутской области, частью же на собранных мною расспросных сведениях. Я не могу, конечно, вдаваться в такие подробности, какие есть у барона Норденшельда, но полагаю, что в общем проведённая мною граница всё же правильна.

Впрочем, я считаю, что указание этой границы имеет не один только теоретический интерес, так как в Сибири, и даже в самом Якутске, всё ещё существуют крайне своеобразные взгляды на распространение

леса к северу. В появившемся в новейшее время статистическом ежегоднике за 1891 г., который при том является официальным изданием местного правления¹, на странице 53 читаем следующее: «... средние же и северные части области представляют собою низменную, болотистую равнину, покрытую хвойным, преимущественно лиственничным, лесом, который, становясь к северу всё ниже и ниже, переходит сначала в низкие, кустообразные, стелющиеся по земле заросли, а затем, с 65° сев. шир., теряется в тундре, покрытой низшими представителями растительного царства, — мхами и лишайниками». Совершенно безразличным является то обстоятельство, сам ли секретарь Статистического Комитета повинен в этой статье или принял её в своё издание, не прочтя, но помимо того, что страну, находящуюся приблизительно на широте Верхоянского хребта и Оймяконской плоской возвышенности, называют низменной, плоской равниной, мы узнаём из статьи неслыханную новость: что лесная растительность будто бы прекращается на широте, где существуют ещё леса бесконечного протяжения и крайне сильного роста. Не нужно забывать, что говорится о стране, которая на этой широте прекрасно известна, потому что к западу от Лены находится под этой широтой богатый улус Марха, а к востоку идёт торный путь из Верхоянска в Колымск, путь, пролегающий по местности, хотя и лежащей много севернее, но тем не менее покрытой прекрасным лесом, который только растёт тут менее быстро, чем к югу от Верхоянского хребта. Встречаясь с подобными произведениями, не мешает обратить внимание г-на секретаря Попова, что в официальных изданиях нельзя печатать что только вздумается, лишь бы увеличить число страниц.

Начнём с восточной, наиболее спорной, части границы лесной растительности. Лес на правом берегу Колымы простирается несколько далее к северу, чем на левом, где он доходит до места, расположенного между деревнями Черноусово и Походское. Он состоит тут, как и на всём севере области, начиная от Анабара, из лиственницы; вообще в самых северных лесах встречается, насколько я наблюдал лично, исключительно это дерево; я не отрицаю существования обособленных насаждений берёзы и рябины, но сам я их не видал. Итак, не достигнув широты местечка Кабачково, граница леса поворачивает на восток, но не

¹ Памятная книжка Якутской Области на 1891 год. Издание Якутского Статистического Комитета. Якутск. Тип. Области. Правл. 1891.

доходит до реки Медвежьей; впрочем, истоки этой реки находятся ещё в лесной области. Об этом крайне замечательном факте я слышал от людей, которые так сильно настаивали на своём сообщении, что я никак не могу отказаться признать его за достоверный, хотя он и противоречит совершенно моим наблюдениям в других местах. Как на Погиндене, так и на востоке, я всегда находил, что лес поднимается на горы до тех пор, пока вертикальная граница не вступит в свои права и не положит предел его распространению, и что лес уже не появляется более на противоположном склоне, где начинается прямо безлесная область. Река Медвежья, подобно Малой и Большой Баранихе, берёт своё начало на северном склоне хребта, а потому должна была бы протекать на всём своём протяжении, как и две другие приведённые реки, по безлесной местности; люди же с большою настойчивостью утверждали, что истоки её окружены лесом.

Отсюда крайняя юго-восточная граница леса направляется к истокам Малого, а затем, заворотив несколько на юго-запад, к истокам Большого Анюя. От последних лес тянется почти на целых два градуса к востоку и переходит через Анадырь так, что большое западное колено, образуемое тут этой рекой, окаймлено высоким, крупным лесом. Когда я ехал из Марково в Нижнеколымск, путь мой в направлении к Анадырю пролегал по трём или четырём безлесным притокам Щучьей. Прежде, чем достигнуть реки, мне пришлось подниматься на крутой хребет, сопровождающий её левый берег, а затем я спустился с хребта по долине Отвортной. Лишь только миновал я самую крутую часть спуска, как уже начался и высокоствольный лиственничный лес, который не покидал меня, за исключением наивысшей точки водораздела, вплоть до Нижнеколымска. Нейман, направившийся к Малому Анюю по другой дороге, нашёл оба берега Анадыря поросшими густым лиственничным лесом, который доходит, по заявлению его людей, до места, расположенного несколько выше устья Менкерёвы. Нижнее течение Менкерёвы Нейман нашёл, однако, тоже поросшим лесом, но затем последний вовсе исчез, и путешественник достиг его только у места, расположенного ниже устья Хребтовой, по долине которой Нейман шёл к Малому Анюю. До местечка Марково лиственничный лес не доходит, но он приближается к нему значительно ближе, чем показано на моей карте. Эту ошибку, сделанную при черчении, я заметил, к сожалению, уже слишком поздно,

чтобы её можно было ещё исправить. От Анадыря граница леса тянется в юго-западном направлении, так что лежащая между рекою и морем равнина — безлесна, а истоки Пенжины, Оклана и Парени окружены ещё лесом. Едучи из Марково (на Анадыре) в Гижигинск, я снова встретил лиственницу только на Чёрной, да ещё несколько ниже, на самой Гижиге; город же Гижигинск лежит, однако, на безлесной, болотистой тундре. Начиная отсюда, лиственница сначала несколько удаляется от морского побережья, но южнее, по рассказам, снова доходит до него; так по крайней мере вытекало из ответов на предложенные мною вопросы, сам же я не проезжал по прибрежной дороге.

Тут не мешает упомянуть об одном явлении, которое я наблюдал на Анадыре и на реках, текущих в Охотское море, и притом только на них. Я говорю о том, что по названным рекам восточная граница лесной растительности образуется не лиственницею, а осиною и благовонным сибирским тополем, имеющим листья, которые напоминают собою листья рододендрона. Явление это резко бросается в глаза каждому, кто знаком с северо-сибирским лесом. Путешественник привык к господству тут одной только лиственницы, встречал тополь и осину лишь изредка, да к тому же ещё заметил, что тополь распространён в остальных местах Якутской области преимущественно в верховьях речных долин, на значительной уже абсолютной высоте; поэтому сплошное распространение последних двух древесных пород здесь, на востоке, представляется ему крайне замечательным явлением.

Когда во время нашего путешествия к устью Анадыря покинули мы Большой Анюй, чукчи предупредили нас, что лес тут кончается и что далее начнётся уже безлесная местность, которая доходит вплоть до моря, а на юг переходит за Анадырь. В действительности так оно и оказалось, но мы ещё дважды натыкались на острова леса, хотя, конечно, на очень незначительные; площадь их не превышала сто или двести квадратных миль. Один из этих лесочков находился недалеко от Менкерёвы и к востоку от неё, другой же тянулся на небольшом расстоянии от океана. Крайним пограничным стражем на самом верхнем течении Большого Анюя была лиственница, а только что указанные лесочки в лишённой древесной растительности местности состояли из прекрасных высокоствольных тополей и осин.

Вниз по обоим берегам Анадыря древесные породы эти несколько заходят за Марково, а за ними следует кустарникообразная ива, распространяющаяся за остров Маин. Ива достигает здесь такого пышного развития, что я не помню, чтобы встречал ивовый кустарник такой значительной высоты и с такими толстыми стволами в Якутской области; я не находил его даже на Витиме. Распространение тополя и осины не ограничивается Анадырем, но деревья эти появляются в остальных местах совершенно безлесной области между Анадырем и Охотским морем на каждой более значительной реке. Я встречал их на Орловке, на нижней части течения Чёрной, на Пенжине, Оклане или Аклане, а также на Кондереве, Ушканчихе и на текущей в Парень Овинной. По рассказам местных жителей деревья эти встречаются и в других местах этой области, но всегда только вдоль рек. Состоящие исключительно из названных двух древесных пород и повсюду из очень хорошо развитых видов леса всегда применяются своею величиною к величине рек, на берегах которых они растут. Так, на Анадыре лес совершенно окружал местечко Марково и продолжался в сторону от реки на несколько вёрст; то же самое и на левом берегу этой реки; мне пришлось ехать несколько времени прежде, чем я достиг его границы. На берегах Орловки, наоборот, деревья занимали с каждой стороны пространство всего около ста саженей шириною; на Кондереве и на Ушканчихе вдоль берегов тянулось всего два или три ряда деревьев; по Продольной и по трём Поперечным леса вовсе не было; на Пенжине же и на Оклане был прекрасный лиственный лес, в большом количестве употреблявшийся на блокгаузы и на телеграфные столбы американскими рабочими, проводившими телеграфную линию. По рассказам, однако, лес этот не доходит до моря, а прекращается на некотором расстоянии от него.

То замечательное явление, что лес здесь, на востоке, кончается не лиственницей, как повсюду в Якутской области, а топодем и осиною и то, что тут эти самые крайние стражи лесной границы прекрасно развиты и отнюдь не могут быть названы хилыми, находится, по-видимому, в причинной связи с близостью моря, так как по свидетельству Дитмара тоже самое наблюдается на полуострове Камчатке. Хребет, тянувшийся по середине южной части этого полуострова, покрыт лиственным лесом, но последний нигде не достигает моря, будучи окружён

со всех сторон лиственным лесом, доходящим на юге уже вплоть до самого моря. И так, мы и тут замечаем то же самое явление, — что лиственница избегает непосредственной близости моря и что она уступает лиственным породам то место, которое занимает в остальных частях Якутской области, особенно же в самых северных.

Только что указанными местонахождениями ограничивается, по-видимому, распространение леса на восток. Есть у меня, правда, несколько сведений, из которых следует, что расположенный к югу от Анадыря и омываемый рекой Майном хребет Пал-Пал покрыт на своих, обращённых к полуострову, склонах лесом, но источники, из которых почерпнуты эти сведения крайне ненадёжны. Берега Анадыря были, насколько мы могли окинуть их взором, безлесны, а по рассказам лишены древесной растительности также и берега озера Красного. Некоторые древние источники говорят, по-видимому, за то, что прежде существовал лес на Олуторе. Из источников этих можно заключить, хотя и не без некоторого сомнения, что коряки употребляли для своих укреплений также и брёвна; но они могли быть сплавлены или сюда привозился плавучий лес на оленьих нартах. Как бы там ни было, но место это в летописи не вполне ясно и не даёт права делать никаких точных выводов о существовании леса на Олуторе. Несомненным является, однако, то, что лесная полоса южной части Камчатки не связана с лесною областью материка: между ними расположена низменная, безлесная моховая тундра, — так называемый Парапольский дол.

Между Алазеей и Колымой я впервые достиг границы леса у озера Айгана; граница эта тут, как и всюду на севере, тянется совершенно непрерывной линией. Единственная здесь древесная порода, лиственница, достигает не более двух саженей высоты, а в поперечнике обыкновенно двух, самое большее трёх дюймов; ежегодно отлагаемые слои древесины таких деревцев до чрезвычайности тонки, но растут они прямо. В этом месте лиственнице не предшествует низкий, лежащий на земле корявый стланец. Когда я приближался к Алазее, я снова встретил лес, который начался у озера Мохово-Оллах, а окончательно прекратился только у озера Андрей-Кёль; на этом пути я шёл частью лесом, частью же недалеко от его границы. По рассказам сопровождавших меня людей лес идёт по Алазее несколько далее места впадения в неё Гаврилы или Россохи.

У горы Хелимилнга или Хилимилнга я достиг гребня Пелевого хребта, не встретив вовсе леса, который появился только спустя один или два дня пути. Отсюда он тянется, по заявлению моих людей, к северному берегу озера Балыктаха, которое лежит, по их словам, на границе леса, но само окружено ещё совершенно деревьями. Далее граница идёт на Андрей-Кёль, причём лес занимает ещё узкую полосу между Баей и Солдат-Ыряхом. Между Индигиркой и Колымой к северу от указанной линии леса вовсе уже нет. Поэтому из Русского Устья в Походск проводники никогда не ведут прямо через тундру, а всегда делают большой крюк, направляясь вдоль морского побережья: на этом пути всегда можно рассчитывать найти выброшенный морем плавучий лес, в тундре же абсолютно нет топлива.

На Индигирке лес доходит до места впадения в неё Аллаихи, а на Яне приблизительно до Устьянска, где он, впрочем, уже довольно мелок. Когда я ехал из последнего местечка к Индигирке, по довольно прямому, по-видимому, направлению, путь мой шёл частью лесом, частью же лес оставался от меня вправо, и если он временами и исчезал из виду, то проводники всё же полагали, что он недалеко и его легко можно достигнуть.

Что же касается границы лесной растительности по направлению к Лене и к западу от последней, то до этой реки я пользовался частью лично собранными мною данными, частью же наблюдениями доктора Бунге и г-на Юргенса. На Лене установленный Миддендорфом закон выражен необыкновенно явственно. Граница леса достигает тут кроме того самой северной своей точки в Якутской области, так как она доходит до острова Тит-Ары, расположенного под 72° сев. широты.

С направлением границы лесной растительности к западу от Лены я не знаком лично; поэтому на пространстве до Оленька я придерживался данных Чекановского и Миллера, а отсюда до Анабара протянул её так, как мне сообщали о ней тунгусы и якуты.

Насколько тут граница проведена правильно или неправильно, я оставляю этот вопрос открытым. Я склонен, однако, скорее предположить первое: поварни и станы, которые закладываются, очевидно, применяясь к потребностям путешествующих в топливе, идут там по прямой линии, а потому и граница леса должна проходить приблизительно в том же направлении.

При рассмотрении границы лесной растительности не упоминалось о сосне и ели потому, что они вовсе не встречаются, насколько мне известно, на крайнем севере. По дороге в Верхоянск последние ели и сосны видишь на верхней части течения Тукулана, и границы их распространения лежат тут близко одна от другой. До хребта не доходит ни одна из этих двух древесных пород, а о переходе их через хребет не может быть и речи. К западу от Лены границу сосны Миллер проводит по Кигинти, притоку Иейко, который впадает в свою очередь в Тунгуску, ель же этот путешественник встречал много севернее, на средней части течения Оленька. По пути из Вилюйска в Булун я тоже ещё встречал обе эти породы, но они перестали попадаться много раньше, чем я достиг Лены; впрочем, я не имею возможности точно указать место, где они окончательно исчезли.

О распространении ели и сосны к востоку от Лены, особенно на Оймяконской плоской возвышенности, нет у нас никаких сведений. Точно также недостаточно достоверен факт произрастания сосны у Охотска, хотя я и слышал, что там встречаются прекрасные насаждения этого дерева.

К настоящей объяснительной записке к моей карте прилагается «Систематический список рек Якутской области», о пользовании которым было уже подробно говорено. Затем следует первое приложение: «Список астрономических пунктов», по которым чертилась моя карта. Перечень этот основан главным образом на двух основных каталогах; во-первых, на работах Шуберта: «Table des positions astronomiques» и «Exposé de travaux astronomiques et géodésiques etc.». St. Petersburg 1858, обнимающих всю Российскую Империю, а во-вторых, на «Указателе долгот и широт» Шварца, касающемся только Сибири и помещённом в «Трудах Сибирской Экспедиции Императорского Географического Общества». Математический отдел. С.-Петербург 1864.

Из этих источников взято 276 астрономических пунктов, которые приведены у меня в порядке с юга на север. Впоследствии к ним прибавилось приблизительно пятьдесят пунктов, из-за которых не мешало бы предпринять, для большей наглядности, новую нумерацию в перечне. Но, с одной стороны, я получал их с большими промежутками, а с другой — каталог мой был уже установлен, так что новой нумеровки

нельзя было предпринять и позже полученные пункты пришлось вставить в перечень уже имевшихся. Чтобы сделать распределение астрономических наблюдений по стране более наглядным, я нанёс значительно большую часть их на мою «Карту астрономических пунктов».

Вторым приложением к моей записке следует «Список высот», заимствованных преимущественно из труда князя Кропоткина «Отчёт об Олёмминско-Витимской Экспедиции». Труд этот даёт большое число гипсометрических пунктов, которым я не могу придать, как говорил уже раньше, особенной цены главным образом потому, что они основаны большею частью на единичных наблюдениях барометра, да кроме того должны были часто приводиться к очень далеко удалённым корреспондирующим станциям. Тем не менее иногда пункты эти всё же имеют относительное значение: если наблюдения делались в известном направлении непрерывно, они могут указывать общее повышение или понижение поверхности; потому я и счёл необходимым привести тут несколько профилей. Чтобы облегчить нахождение пунктов, для менее известных из них приведена долгота и широта, которые для астрономически неопределённых пунктов даны по карте. Поэтому данные эти не имеют сами по себе никакой цены, а должны служить исключительно для ориентировки.

Ревель 1892.

ПРИБАВЛЕНИЕ К ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКЕ К КАРТЕ

Уже в 1892 году я узнал, что от И.Д. Черского прибыли отчёт о его путешествии из Якутска в Верхнеколымск, а также маршрутные и другие съёмки пройденного им пути. Говорилось, что часть этих материалов была прислана ещё им самим, другая же нашлась в бумагах после его смерти. Как бы там ни было, но во всяком случае я получил названный отчёт и относящиеся к нему маршруты и профили лишь во второй половине этого года. Об изменении моей карты нечего было уже и думать, но так как И.Д. Черский должен был пройти по Оймяконской плоской возвышенности, то я и надеялся дать небольшую добавочную карточку, которая внесла бы поправки к моему чертежу этого в высшей степени интересного, но до тех пор остававшегося совершенно неисследованным, плато. Кроме того, я имел также возможность сделать изменения в тексте объяснительной записки к моей карте, так как рукопись не поступила ещё в набор.

Я прочёл отчёт с величайшим интересом, так как он касался наименее известной части Якутской области, лично посетить которую препятствовали мне обстоятельства; доктор же Нейман и топограф Афонасьев, проходившие, как известно, в обратное путешествие эту часть пути без меня, не представили мне, несмотря на все поручения и просьбы, никаких маршрутов и съёмок. Тем не менее я принуждён был, в конце концов, отказаться от включения вновь собранного материала в мою карту и мою объяснительную записку, частью потому, что он казался мне недостаточно надёжным, частью же оттого, что я не нашёл в нём ответа на самые важные для меня вопросы. И.Д. Черским преследовались преимущественно геологические цели, меня и моей работы во все не касавшиеся, а то, что было сделано им нового в географическом отношении, подлежало большому сомнению. Я разберу тут работу Черского с этой последней стороны и приведу оправдания моего слишком резко выраженного мнения о ней.

Для этой цели необходимо начать с конца отчёта Черского, потому что последний касается как раз начала маршрута прикомандированного ко мне Иркутским Генеральным Штабом топографа Афонасьева, который начертил весь маршрут нашего путешествия и работы кото-

рого составили главное основание набросанной мною карты. Г-н Черский так напал на своего предшественника по исследованию этой местности, что, если бы только нападки эти оказались справедливыми, Афонасьева пришлось бы считать за бессовестного обманщика, а новейшие, основанные на его работах карты — не только, следовательно, мою, но и изданную Генеральным Штабом — принимать за крайне проблематические и во всяком случае имеющие малую цену.

В виду таких неслыханных обвинений я полагаю, что не имею права молчать, как в интересах самой карты, так и в интересе человека, правда, в то время ещё очень молодого, неопытного, нуждавшегося в присмотре и руководстве, но которого Иркутский Штаб очень рекомендовал мне за знающего своё дело и усердного топографа и который во время нашего совместного путешествия действительно оказался прилежным и добросовестным работником. Этого человека, во всяком случае, я прежде считал и до сих пор считаю положительно неспособным к сознательной лжи.

Во время своего возвратного путешествия с Нейманом Афонасьев вёл маршрут, к сожалению, лишь в самом начале своего пути. Он начертил этот маршрут на шести листах, которые пометил литерами А, Б, В, Г, Д и Е.

Три последние листа касаются участка пути от Верхнеколымской церкви до озера Колчана; они-то, очевидно, и имелись в распоряжении Черского, потому что он говорит о деталях, которые может знать лишь тот, кто имеет пред собою эти листы. В Иркутском Музее есть экземпляр маршрута Афонасьева, но я имею эти листы также, так как благодаря большой любезности генерала Штубендорфа мне были присланы фотографические копии всех имеющихся в Генеральном Штабе (где находятся оригиналы их) съёмок Афонасьева. Благодаря этому я имею, к счастью, возможность как оправдать прикомандированного ко мне молодого человека от легкомысленно на него возведённых обвинений, так и убедиться, как работал г-н Черский в географическом отношении. Действительно, благодаря тому, что я располагаю с одной стороны маршрутом Афонасьева, а с другой стороны отчётом Черского, получается редкая возможность проконтролировать маршрут, ведённый в столь отдалённой местности. Какой результат имела эта проверка — будет видно из нижеследующего.

На стр. 33 и следующих «Предварительного отчёта» о своём путешествии г-н Черский говорит следующее:

«Сравнение той части съёмки Чукотской Экспедиции (от Верхне-Колымска до озера «Колчан») с моим маршрутом, как равно и произведённые расспросы по этому поводу у местных жителей, приводят меня к заключениям: 1) что при съёмке топограф принимал здесь расстояния со слов туземцев, значительно увеличивающих таковые; 2) что на пути своём он пользовался проводником, совершенно незнакомым с названиями речек и их отношениями к главной реке, местами довольно обманчивыми; 3) что тропа, по которой следовал топограф, почти с точностью совпадала с моим маршрутом, лишь с незначительными отклонениями (объездами болотистых мест); 4) что из трёх только отмеченных на его съёмке названий: а) озеро «Колчан» соответствует расположенному в верховьях безымянного левого притока р. Курум (на моей съёмке), правого притока Зырянки, б) «р. Сухая» означает часть самой Зырянки, а в) «Кысыл-балыкта́х», не существующий в системе р. Колымы, соответствует одному из притоков Зырянки (Огус-бастах?), из чего следует, 5) что маршрут топографа не выходил из системы р. Зырянки (следовательно и Колымы) и изображает по ней только 160 вёрст, считая от Верхне-Колымска, а не 225 вёрст, как вышло по принятым на его съёмке расстояниям».

«Понятно, что, вследствие преувеличенной длины своей, маршрут этот, нанесённый на карту Генерального Штаба, должен был захватить собою и часть системы р. Индигирки (Момы), более удачно означенной на той же карте, хотя и по расспросным сведениям. Понадобились, разумеется, соответственные исправления и примирения, для которых не хватало, однако, данных, и в результате вышло, что озеро «Колчан» (название незнакомое моим проводникам) попало в систему левых притоков р. Момы, которой, именно, должен принадлежать настоящий Кыгыл-Балыкта́х, не означенный на карте Генерального Штаба; между тем ложный Кызы́л-Балыкта́х, заимствованный из съёмки Чукотской Экспедиции, остался в системе Колымы, в виде одного из верховьев р. Зырянки, нанесённой на ту же карту очевидно по другим данным».

Вот что говорит Черский.

Нельзя отрицать, что поведение Афонасьева, лично являвшего в Генеральный Штаб для выяснения некоторых деталей своего маршрута,

можно было бы назвать крайне нечестным, если бы упрёки, делаемые ему г-ном Черским, оказались справедливыми. Мне особенно хорошо припоминаются слова Афонасьева, когда в Якутске я имел с ним очень подробный разговор об его обратном путешествии из Колымска в Якутск и при этом делал ему много упрёков за его бездеятельность и непоследовательность. Он представил тогда мне чертёж пройденного им пути, который он нанёс на карту приблизительно стовёрстного масштаба. Так как нанесены на карту были только одни переправы, а не предполагаемое дальнейшее течение рек, то уже тогда мне сразу бросилось в глаза, что, пересекая реки и речки, он вовсе не старался справляться, к системе каких рек они принадлежали. В конце концов Афонасьев признался, что он ровно ничего не знает об этом пути, так как он тогда захворал, должен был прервать начатую работу, собирався, правда, её начать вновь, но, к сожалению, этого не исполнил. На своего проводника Афонасьев несколько не жаловался и неудачу маршрута объяснял только тем, что не работал. Каким же образом мог тот же самый Афонасьев, если он говорил мне правду, выступить в совершенно другой роли перед Генеральным Штабом в С.-Петербурге и просто обманывать? Карта, о которой идёт речь, ещё у меня и на ней можно совершенно ясно отличить чертёж, сделанный Афонасьевым, от моей попытки связать места переправы через реки с остальной речной сетью. Именно, я пробовал тогда довести первые из пересечённых Афонасьевым рек до Зырянки, а Кысыл-Балыктах изобразить в виде притока Сухой Момы. Афонасьев соглашался, что это может быть и так, но что никаких разъяснений по этому поводу он дать не в состоянии. Впоследствии, когда я получил карту Генерального Штаба, я действительно нашёл, что последний провёл Кысыл-Балыктах в Зырянку, но не придавал этому обстоятельству особенного значения, потому что у меня не было никаких фактических данных для суждения об этой местности. В виду же невероятных обвинений, возведённых господином Черским, я решился выяснить этот вопрос и прибегнул к единственно возможному способу, который был применён, конечно, и Черским. Я нанёс чертёж Черского на карту, составленную в масштабе 12½ вёрст в англ. дюйме, потому что в этом же масштабе была сфотографирована и присланная мне копия карт Афонасьева, как это явствовало из приложенного к ней письма Генерального Штаба. Так как по пункту 3-му цитированного из

статьи Черского места оба путешественника шли одной и той же дорогой («*тропа*, по которой следовал топограф, *совпадала* почти с точностью с моим маршрутом»), то, чтобы убедиться, насколько оба маршрута совпадают друг с другом, я начертил их на *одном* листе.

На прилагаемом «Сравнении маршрутов топографа Афонасьева и И.Д. Черского» виден результат моей работы: что же можно сказать по этому поводу? Или г-н Черский в действительности вовсе не сравнивал эти карты: как же мог он в таком случае так легкомысленно и без всякого основания затрагивать честь другого человека? Или же он настолько мало знаком с черчением и чтением карт, что, сравнив обе съёмки, в состоянии говорить такие неслыханные вещи, какие можно прочесть в пункте 4-м приведённого места его статьи: но как тогда он решается браться за дело, о котором не имеет абсолютно никакого понятия? Помимо того, что из карты ясно, что пути двух путешественников далеко расходились, отстоя местами один от другого на 50 и более вёрст, является вопрос, как вообще могла прийти г-ну Черскому крайне странная мысль, что он ехал спустя двадцать лет по той же самой тропе, которой пользовался Афонасьев? Как мог он это знать, или как могли знать это люди, которые его сопровождали? Каждому, кто мало-мальски знаком с путешествиями по неисследованным местам, тотчас же бросается в глаза чудовищность подобного заявления, сделанного таким авторитетным тоном. В виду того, что г-н Черский шёл с Индигирки на Верхнеколымск, а Афонасьев из этого последнего пункта направлялся к Индигирке, не подлежит, конечно, никакому сомнению, что каждый местный житель, на вопрос г-на Черского, какою дорогою шёл Афонасьев, ответит (если только он припоминает через двадцать лет о поездке Афонасьева), что он ехал тою же самою дорогою. Но только тот, кто никогда не видел непроходимой глуши, может принять просто направление, указанное местным жителем, за какую-то определённую тропу. Кто не знает даже этой азбуки, пусть лучше не берётся за черчение маршрутов, а тем более не считает себя призванным критиковать и смешивать с грязью съёмки, сделанные знающими и дельными специалистами, к каким несомненно принадлежал Афонасьев. Мне не известно, где и когда обучался г-н Черский ведению маршрутов, но он ровно ничего не понимал в этом деле в то время, когда я беседовал с ним в Иркутске; Афонасьев же, с другой стороны, был ему хорошо обучен, а

продолжительное упражнение во время нашего путешествия (Нейман за ним очень следил и постоянно наставлял) выработало из него действительно дельного топографа.

Не знаю, ослепило ли г-на Черского желание дискредитировать своего предшественника, чтобы выставить себя единственным, что либо сделавшим; или же полнейшее незнание дела не позволило ему заметить, как то, что оба маршрута, хотя и следуют общему направлению, но тем не менее местами значительно между собою расходятся, так и то, что как раз этим счастливым случаем давалась прекрасная, крайне редко встречающаяся возможность получить относительно пройденной местности разъяснения, которые были другому недоступны или просто ускользнули от внимания. Прибыв в Верхнеколымск, г-н Черский имел в своём распоряжении целые месяцы вынужденного бездействия, которые, казалось бы, были вполне пригодны для того, чтобы сравнить оба маршрута и сделать выводы из их различия. К тому же спорная область находится очень недалеко от Верхнеколымска, так как маршрут Афонасьева не шёл, ведь, далее 225 вёрст от последнего пункта. Между тем Черский, не сделав ничего, только высказал обвинение, полнейшая неосновательность которого должна была сказаться уже при самом поверхностном исследовании. Чтобы всё мною сказанное не казалось голословным, сделаю несколько указаний.

На листе Д маршрута Афонасьева изображён высокий хребет, очевидно Томус-Хая, и Кысыл-Балыктах приходится южнее этого хребта; отсюда ясно следует, что уже по одному этому Афонасьев не мог считать его принадлежащим к системе Зырянки. Далее, г-н Черский переходил названную им Кыгыл-Балыктахом¹ реку на расстоянии более пятидесяти вёрст к западу от места, где через неё перебирался Афонасьев. Вследствие этого в высшей степени вероятно, что оба путешественника правильно толкуют эту реку и что в пределах маршрута Афонасьева она течёт в чисто западном направлении. Кроме того, по моему мнению, заслуживает полного внимания ещё следующее: одна река Сухая Афонасьева точно совпадает с Кыгыл-Балыктахом Черского, а другая Сухая (Афонасьева же) течёт в Кысыл-Балыктах с SSO. Г-н Черский, по-видимому, не знал (этого не сообщали путешественнику очень опытные, по

¹ Река эта, несомненно, идентична с Кысыл-Балыктахом: якуты постоянно смешивают звуки *h* и *ss*, а *g* является лишь русской транскрипцией для *h*.

его словам, проводники), что река, которую он называет Боруллах, носит также очень распространённое название Сухой Момы или просто Сухой. Сухой Момой или просто Сухой называли Боруллах, например, жители Ожогина на Индигирке и они же, хорошие знатоки Оймяконского нагорья, дали мне чертёж течения Момы, который лёг в основание карты Генерального Штаба. На этой последней карте Черский считает Мому «более удачно означенной», и она действительно почти совершенно совпадает с его собственным чертежом. Довольно часто бывает, однако, что местные жители называют истоки одной и той же реки не особыми именами, а именем главной реки, при чём для отличия отдельных истоков они прибавляют только прилагательные первый, второй и т. д.; они делают это даже в тех случаях, если им известны названия истоков. Для местных жителей этот способ обозначения имеет свои удобства: они очень легко ориентируются при нём, а в этом для них вся суть дела. Но для путешественника такой обычай крайне невыгоден, и он может разузнать настоящие названия (присущие почти каждой из этих малых речек) только путём тщательных расспросов. Как бы там ни было, подобный обычай существует, а потому с ним и приходится считаться во время путешествия. Черский же о нём, по-видимому, ничего не знал, в противном случае, из одного того обстоятельства, что Афонасьев приводит Сухую, как впадающую в Кысыл-Балыктах, он должен был бы заключить, что Афонасьев относил Сухую, в то время, как переправлялся через неё, не к Зырянке, а к Моме, и, что если она проведена в Зырянку, так только по ошибке Генерального Штаба. Та же ошибка перешла и на составленную мною карту, и я пользуюсь тут случаем, чтобы исправить её. Эту часть маршрута Афонасьев вёл во время своего обратного путешествия до того неряшливо, что я совершенно пренебрегал ею, а потому и сделал упущение, которое нельзя оправдывать, однако, уже потому, что, переговорив с Афонасьевым, я провёл Кысыл-Балыктах на выше упоминавшемся оригинальном маршруте в Мому. Впоследствии я об этом забыл, да и сам Афонасьев имел крайне смутные представления о разбираемой местности.

Тут я хочу указать ещё на то, что листы А, Б, В, Г, Д и Е маршрутной съёмки Афонасьева ведены им далеко не с тою тщательностью, о которой в других случаях я привык отзываться с полной похвалою. Путешественники к тому времени успели, по-видимому, уже сильно утомиться

и помышляли лишь о том, как бы скорее добраться до Якутска. К тому же ежедневно шёл непрерывный дождь. Афонасьев однажды заблудился, причём едва не умер с голоду: случай этот произвёл на него, по видимому, потрясающее впечатление. Ко всему этому присоединилось, наконец, и отсутствие надзора, который прежде понуждал его к правильным занятиям. Одним словом, — всё шло не так, как следует. Возвращаясь к маршруту, укажу, между прочим, на то, что лист Д не примыкает к листу Е. Первый из них оканчивается горной долиной, расположенной, очевидно, на значительной высоте, а второй начинается болотистой низменностью. Таким образом, только благодаря пометкам литерой и можно считать лист Е за прямое продолжение листа Д. Если оставить, однако, в стороне это далеко неудовлетворительное исполнение, то в остальном оба маршрута (Афонасьева и Черского) хорошо подходят один к другому. Приходится, таким образом, только сожалеть о том, что Черским был упущен такой прекрасный случай собрать более точные данные о простирании хребтов и о ходе течения рек.

Если я касаюсь здесь так подробно всей этой скучной истории, то главнейшая причина заключается в том, что мне кажется в высшей степени важным снять с топографа Афонасьева малейшее подозрение в искусственных и преднамеренных «исправлениях» чертежей; Афонасьев оказался (за исключением возвратного путешествия в Якутск) очень добросовестным и способным исполнителем нашего столь длинного маршрута. Кроме того, он всё время делал такие подробные исследования и опыты с целью точно установить расстояния, которые можно пройти в известные промежутки времени (а это было как раз в нашем случае очень трудным делом), что является просто невозможным, чтобы он мог начертить 225-вёрстный маршрут, который фактически равнялся бы всего 160 вёрстам, как вычислил это господин Черский на основании каких-то, мне неизвестных, законов. При том же результаты моего сравнения двух маршрутов с текстом отчёта г-на Черского заставили меня придавать очень мало цены географическим сообщениям последнего. Я должен оговориться, что сказанное вовсе не касается геологических трудов И.Д. Черского, которые не имеют ничего общего с географическими и судить о которых я вовсе не берусь.

В географических работах, производимых в столь отдалённых и так редко посещаемых странах, как настоящая, уже по самой сущности дела,

за невозможностью фактической проверки, приходится совершенно полагаться на добрую волю и способности работника. Но как прикажете, однако, смотреть на географа, который сообщает в своём официальном отчёте, что, на основании сделанного им сравнения двух маршрутов и нарочно для того самым им собранных расспросных данных, он пришёл к убеждению, что озеро «Колчан» его предшественника Афонасьева оказалось тождественным с безымянным притоком реки Куруна, а между тем после точно такого же сравнения тех же самых маршрутов, оказывается, что одно место отстоит от другого более, чем на сто вёрст? Или, географ сообщает, что Сухая Афонасьева есть часть его Зырянки, а на деле мы видим, что обе реки отстоят друг от друга на 60 вёрст с лишком. Эта малая часть маршрута г-на Черского только случайно могла быть подвергнута проверке, всё же остальное приходится принимать на веру, — но мне не вселяет никакого доверия.

Но не одно это заставляет крайне недоверчиво относиться к географическим трудам этого путешествия; как в отчёте, так и в чертеже есть ещё многое, что приходится назвать по меньшей мере странным. Таковы, например, заключительные строки отчёта. Каждый, кто имел дело с черчением маршрутов, по собственному опыту знает, что даже самые опытные топографы передают расстояния большею частью не совсем безошибочно; обыкновенно расстояния в их работах несколько преувеличены и, если я не ошибаюсь, преувеличение это нередко достигает шести вёрст на сто. Вследствие этого, для получения хороших маршрутов, безусловно необходимо иметь астрономически определённые опорные пункты, по которым и вносишь поправки ошибок, сделанных при определении расстояний. В распоряжении Черского на пространстве между Алданом и Верхнеколымском находилось три таких пункта: Алданский перевоз, Оймяконская управа и Верхнеколымск; всех их он коснулся или мог, по крайней мере, коснуться во время своего путешествия. Между тем такой счастливый случай он считает за помеху и объясняет, извиняясь, что он не изменил своего маршрута и своих профилей (что, к стати сказать, было бы действительно невозможным делом) по названным трём пунктам, потому что первый, т.е. маршрут, «является во всяком случае единственным, дающим достаточно точное представление о действительном оро-гидрографическом характере местности»; зато на прилагаемой им карте в 100-вёрстном масштабе он

поместил, по его словам, те три пункта сообразно своему маршруту, но что это обстоятельство вовсе не повлияло, за малостью масштаба, на правильность его чертежа. Таким образом он считает сделанную им во время проезда верхом при помощи пель-компаса съёмку за более точную, чем астрономические пункты, которые всеми другими принимаются (если не вкрадывается каких-либо важных сомнений) за самый точный способ, какой только может быть достигнут во время путешествия.

Чтобы убедиться, что нового сделал, собственно говоря, Черский для конфигурации течений рек и для направлений хребтов, я наложил его карту на карту Генерального Штаба; сделать это было очень легко благодаря тому, что обе карты набросаны в одном масштабе. Прежде всего нужно констатировать, что относительно сети речных систем оба чертежа очень сходны между собою и ничем существенным друг от друга не отличаются. Это было бы крайне утешительным обстоятельством, если бы к карте Черского можно было отнестись с доверием. Оно доказывало бы, что старик Сарычев вёл действительно точный дневник, так как на его данных главным образом основана карта Генерального Штаба в той её части, которая касается самых верховьев Индигирки. Совпадение двух карт доказало бы также, что Генеральный Штаб правильно реконструировал карту данной местности по дневникам Сарычева и членов экспедиции Биллингса, дневникам, которые были единственными источниками ввиду того, что Сарычев не оставил никакого маршрута. Относительно двух притоков Индигирки, Момы и Неры, в распоряжении Генерального Штаба были лишь расспросные сведения, собранные у жителей Ожогина и у тунгусов, живущих в области реки Селегняха. Эти расспросные данные должны считаться в высшей степени удовлетворительными, так как самая верхняя часть течения этих рек, на которых был только один Черский, замечательно хорошо сходится с картой Генерального Штаба. Только в одном отношении Черский придерживается совершенно других взглядов, но именно в этом отношении он имел полное, по моему мнению, право, или не иметь никаких сведений, или же, если бы ему удалось собрать лучшие, был бы обязан упомянуть о том в тексте. Сарычев шёл с Индигирки к Моме по другой дороге, чем Черский. Последний путешественник направился из Управы сначала вверх по Индигирке и, сделав этим путём около 80 вёрст, затем

уже повернул к системе Неры. Сарычев же покинул Индигирку у самой Управы и вышел на Нелькан, который он описывает как могучую реку; кроме того, он перечисляет все малые речки, встреченные им при прохождении плоскогорья. Несмотря, однако, на то, что путь Черского пролегал, как уже сказано, много восточнее, путешественник этот решился совершенно изменить карту: Нелькан он превращает в незначительную реку; Улахан-Тарын-Ырях, изображённый (по Сарычеву) на карте Генерального Штаба притоком Нелькана, он перемещает на сто вёрст западнее и заставляет эту реку течь прямо в Индигирку; приток Индигирки, Сабалах, вверх по которому шёл Сарычев, Черский вовсе выпускает. Одним словом, Черский изображает местность совершенно в другом виде и притом вовсе не считает нужным упомянуть о побудительных причинах предпринятого изменения. Г-н Черский там, ведь, вовсе не был и мог собрать лишь расспросные сведения, но из его отчёта не видно, каким образом последние побудили его пренебречь работой Сарычева, который должен же был знать, каких рек касался на своём пути. Кроме того, если карта Черского правильна, Сарычеву, чтобы попасть на Улахан-Тарын-Ырях, пришлось бы идти с Индигирки около ста вёрст в северо-западном направлении; но об этом ничего не говорится в дневниках Сарычева, да оно и было бы совершенно непонятным. Таким образом, карта Черского не могла побудить меня сделать других изменений в моей карте, кроме одного: исправления ошибки относительно Кысыл-Балыктаха, который у меня проведён в Зырянку, тогда как на самом деле он течёт в Мому.

Не могу сказать, чтобы путешествие г-на Черского дало что-либо новое и в орографическом отношении, доставило бы нам хотя некоторые сведения о возвышении земной поверхности и о направлении горных хребтов. Сохранена даже ошибочная номенклатура, которую можно было бы наконец бросить. Если С.-Петербургский Генеральный Штаб неправильно и как попало употребляет названия Яблоновый и Становой хребет, то удивляться этому, конечно, нечего, так как на расстоянии стольких тысяч вёрст легко могут произойти подобные ошибки; но если ошибки эти перепечатываются и тем самым санкционируются человеком, так долго жившим в Сибири, как г-н Черский, то это уже непозволительно: когда, скажите на милость, слышал он в Якутске название «Яб-

лоновый хребет»? Я никак не могу согласиться также с тем, что г-н Черский проводит границу между Верхоянским и Становым хребтами под 62° с.ш. и под 148° в.д. от Ферро (на стр. 3 отчёта приведена последняя цифра, но должно, по всей вероятности, быть — 158°); это, по моему мнению, вовсе не доказано. Г-н Черский полагает, что он наблюдал это отделение с достаточной ясностью со своего пути, пролежавшего на один градус севернее. Я в свою очередь стану оспаривать возможность подобного наблюдения: расстояние было слишком велико, а из отчёта его не видно, чтобы он брал пеленги для лучшей ориентировки. Этим всё же вовсе не затрагивается в высшей степени интересный вопрос: куда отклоняется главное поднятие простиравшегося до сих пор в одном и том же направлении Станового хребта, т.е. идёт ли оно к западу, к Лене, или к востоку — к Колыме. Этот важный вопрос нужно было решить прежде всего, потому что все остальные возвышенности, которые переходил и измерял г-н Черский впоследствии, суть ничто иное, как отроги, скоро исчезающие, а потому не представляющие дальнейшего интереса.

Весьма странным кажется во всех этих исследованиях г-на Черского, что он приходит к таким необычным измерениям высот, которые никак нельзя согласовать с имеющимися у нас до сих пор данными. Напрасно станем мы, однако, искать в его отчёте объяснений столь странных фактов. Не подлежало, конечно, никакому сомнению, что нагромождённые на Оймяконскую плоскую возвышенность горные цепи должны были превосходить высотой известные уже перевалы, как через Верхоянский, так и через Становой хребты; но в высшей степени странно то, что сообщает нам г-н Черский о Якутске и о низменности, протянувшейся между этим городом и нагорьем. Шварц, Исленьев и другие исследователи определили абсолютную высоту города Якутска в 296 футов. Мы имеем, далее, целый ряд съёмок, сделанных Эрманом в долине Лены от Качуги до названного города; из них явствует, что станция Жербинская (несколько ниже которой Лена вступает на расстоянии тысячи вёрст от Якутска в Якутскую область) находится на 486 футах над уровнем моря. И вдруг, на стр. 2 своего отчёта сообщает нам г-н Черский, что абсолютная высота Якутска равняется свыше 500 футов. Откуда он это знает? На основании каких данных объявляет он неверными работы стольких его предшественников?

Мы имеем, наконец, ряд измерений, сделанных Эрманом между Якутском и Охотском и сообщаемых мною в прилагаемом каталоге. Судя по ним, наибольшая абсолютная высота расположенного перед Алданом плоскогорий, у станции Нохинской, равна 748 Футам, а терраса к западу от Амги оказывается много ниже. Г-н же Черский утверждает, что названное плоскогорье расположено на 939 футах выше Якутска, т.е., что оно достигает более, чем 1439 футов абсолютной высоты, лежит выше Верхоленска, определённого Эрманом в 1426 футов, и выше водораздела между Леной и Тунгуской, абсолютную высоту которого Миллер установил в 1330 футов. Кроме того, Черский продолжает эту равнину до 64° сев. шир., т.е. далеко за Верхоянский и даже за Сардогинский хребты, а к востоку до 155° долготы, который проходит уже по заметно выраженным предгорьям Оймяконского нагорья. И всё это, прямо-таки противоречащее всему до сих пор известному, сообщается без всяких оговорок, как непреложный декрет, который должен приниматься на веру лишь потому, что г-н Черский признаёт это за благо. Но после того, как я по карте Афонасьева убедился, как привык работать г-н Черский в географическом отношении, я вовсе не расположен принимать подобные декреты за заслуживающие доверие и вижу себя вынужденным отложить в сторону собранный им материал до тех пор, пока он не будет подтверждён последующими исследованиями.

Бланкенбург, на Гарце,
20 сентября 1893.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

Список астрономических пунктов (определённых частью по двум координатам, частью же лишь по широте), на основании которых составлены два листа главной «Карты Якутской области».

Для лучшей ориентировки к труду прилагается малая «Карта астрономических пунктов», на которой указана большая часть этих пунктов, но только таких, которые определены по обеим координатам. На ней пункты помечены теми же нумерами, что и в предлагаемом списке. Кроме того, на эту же карточку нанесены маршруты различных путешественников постольку, поскольку автор мог собрать о них сведения. Последнее имеет целью наглядно показать, какие части Якутской области посещались людьми компетентными и какие остались по сих пор вовсе не исследованными.

№	Место	φ			λ вост. от Ферро			Наблюдатель
1	Золотой прииск на р. Бухте	54	14		137	56		Шварц
2	р. Конам	55	59	50	144	13		»
3	р. Алдан, Левый	56	18	23	141	6	6	»
4	гора Иона	»	25	30	160	55	30	Крузенштерн
5	Аянский порт	»	28		155	57		Шварц
6	р. Фурман (Правый Алдан)	»	36		140	50		»
7	р. Нерпа, устье	57	28	34	132	57		»
8	р. Эмалит	»	30	22	134	11		»
9	р. Витим	»	32	45	132	54		»
9	р. Витим	»	32	45	132	54		»
10	Нелькан, урочище	»	39		153	54		»
11	р. Малая Мама, устье	»	49	5	131	41		»
13	р. Большая Мама, устье	58	18	35	130	34	57	»
14	р. Большой Аим, устье	»	46	21	151	42		»
15	р. Курукина, устье	»	57	21	130	31		»
16	Охотск, старая гавань	59	20	10	160	53	30	Красильников
17	Охотск, новая гавань	»	20	48	»	54	42	»
18	Витимск, деревня	»	26	13	130	14	50	Шварц
18a	Тауйская губа	59	31	50	166	53		Онацевич
18b	Ямская губа	»	34	10				»
19	Крестова, станция	»	44	24	130	49	44	Дуэ
19a	Мача, станция	»	55	32	135	22	42	Ганстен
20	Крест на Юдоме	60	5	0	157	33	30	С.-Пет. Календ. 1824
21	Улахан-Балыктах, на р. Мили	»	12	4	149	56	39	Козмин
22	Олёкминск	»	22	20	138	6		Шварц
23	р. Олёкма, устье	»	22	10	138	35	59	»
24	Устьмайская переправа	»	24	40	152	9	8	»
25	Амгинская слобода, деревня	»	53	41	149	38	45	»

26	Кетанда, урочище на р.Кетанде	»	40	12	158	57		Эрман
27	р. Анча	61	0	59	156	19	22	»
28	Горностах, урочище на р.Белой	»	29	36	154	39	48	»
29	Чернолес, урочище на р.Белой	»	31	13	154	2	32	»
30	Алданский перевоз	»	53	22	153	13	43	»
30a	Гижигинск	»	55	5	178	5	40	Старицкий
31	Нохинск, станция	»	56	45	152	36	29	Эрман
32	Поротовск, станция	62	1	10	149	29	23	»
33	Якутск	»	1	28	147	22	28	Шварц, Исленьев
34	Лебягинская станция	»	11	18	151	21	41	Эрман
35	мыс Наварин	»	16	0	196	44	13	Литке
35a	Гаврила, губа, южный конец	»	23	30	196	43		Онацевич
36	мыс Фадеев	»	42		197	18		Литке
36a	Джели, урочище на Алдане	63	13	35				Нейман
37	Оймякон, урочище, родов. упр-е	»	15	15	160	27		Матюшкин
38	Алдан, против устья Тукулана	»	17	59	150	31		Анжу
39	Вилуйск	»	45	22	139	14	30	Эрман
39a	Курунг-Хапчагай, урочище на Тукулане	64	0	0				Нейман
40	Булбухто-Ту, станция на Тукулане	»	6	13	150	11		Анжу
41	мыс Чукотский (Южный)	»	16		204	40		С.-Пет. Календ.1824
41a	губа Провидения	»	20	55	204	25		Онацевич
42	мыс Чаплин	»	24	30	205	26		Литке
43	р. Кэнг-Ырях, устье	»	26	27	150	12		Анжу
44	мыс Мертенс	»	33	15	205	20		Литке
44a	Омолон	»	39	30				
44b	Марково, церковь на Анадыре							Афонасьев
45	мыс Шоангберг	»	41	52	188	8	45	Нейман
45a	Тирях-Ырья, приток Яны	»	42	30	203	8		
45b	Константиновское, стан на Анадырском остр.	»	42	15				Литке Нейман
46	Сиурях (Оюгос-Тумул) стан на Яне	» »	42 43	52 29	189 149	6 57	30	» Анжу
46a	Моллома, приток Омолона		43	30				Афонасьев
47	мыс Нээкчан	»	55	30	205	22	30	Литке
47a	Бухта Св. Креста, коса Мучкин	65	27	54	198	54		Онацевич
48	мыс Мечекен	»	28	40	199	3		Литке
49	гора Линглингаб	»	36	38	199	33		»
49a	р. Оленинская, приток Б. Олая (Омолон)	»	34	50				Афонасьев
50	губа Св.Лаврентия, вост. проход	65	37	50	206	56	30	Литке
50a	Верхнеколымское, поселение	»	36	6				Афанасьев
51	Верхнеколымск, церковь	»	42	4	168	56	28	Карта Сарычева
51a	р. Зырянка, приток Колымы	»	44					Афонасьев
51b	р. Чакучаниха, место впадения в Омолон	»	46					»
52	Барылах, стан на Яне	»	51	0	149	57		Анжу
53	мыс Чукотский (Северный)	66	5	30	207	56	0	С.-Пет.Календ.1824
53a	р. Б. Леженка, приток Б. Анюя	»	14					Афонасьев
53b	р. Шукутина (Б. Леженка)	»	17	30				»
54	мысь Пээк	»	6	0	208	13	30	Литке

51a	р. Моньеро, место остановки Че- кановского	»	26	12	122	1	0	Миллер
54b	М. Леженка, исток (Б. Леженка)	»	26	25				Афонасьев
54c	р. Б. Олой, устье (Омолон)	»	28					»
55	Жиганск, церковь	»	45	47	140	38	33	Анжу
55a	р. Б. Анюй	»	46	0				Афонасьев
56	Питлекай, место зимовки «Веги»	67	4	49	204	9	29	Экспедиция «Веги»
57	р. Оленёк, в двух верстах ниже места впадения Майгды.	»	6	2				Миллер
57a	мыс Сердце-Камень	»	3		206	7	0	Онацевич
58	Оленек, место впад. р.Алакит	»	7	31				Миллер
59	Оленёк, в 25 в. ниже впадения р.Алакит	»	8	49				»
60	Оленёк, в 12 в. ниже впадения р. Нижней Томбы	»	15	16				»
61	остров на Лене, южный конец	»	17	40	140	21		Анжу
62	Оленёк, в 8 в. выше впадения р. Верхней Томбы	»	17	41				Миллер
62a	р. Курга, устье (Омолон)	»	18					Афонасьев
62b	Тынгыргестях, поварня	»	18		155	56		Нейман
63	р. Нижняя Чахутина, устье (М. Анюй)	»	23	59	185	48	50	Врангель
63a	Тостах, стан на одноим. реке	»	26					Нейман
64	Среднеколымск	»	26	20	172	31	26	Карта Сарычева
65	остров Колючин, южн. конец	»	26	46	202	7	33	Врангель
66	остров на Лене, сев. конец	»	30	35	140	17		Анжу
67	Эякит, скала	»	31	54				Миллер
67a	р. Лярха, исток (М. Анюй)	»	30	36				Афонасьев
68	Тигилка, стан	»	33	16	180	0	50	Матюшкин
69	Верхоянск	»	33	31	151	30		Анжу
70	Брусянка, стан	»	36	58	179	48	50	Матюшкин
70a	р. Лярха, исток (М. Анюй)	»	42	0				Афонасьев
71	Красное, стан на Лене	»	42	37	140	19	18	Анжу
72	р.Оленек, побоч. рукав Мяк-Аян	»	42	59	184	14		Миллер
73	мыс Онман, западный конец	»	43	3	201	17	37	Козмин
74	р. Оленёк, в 2 верстах ниже скалы Уголорбит	»	45	28				Миллер
75	р. Оленёк, побочный рукав Ды- рынг-Аян	»	47	41				»
75a	р. Конгина, устье (Омолон)	67	47	50				Афонасьев
76	р. Оленёк, скала Оролонко-Хая	»	47	56				Миллер
76a	р. Лярха, исток (М. Анюй)	»	48	31				Афонасьев
77	р. Эломбал, устье (М. Анюй)	»	50	9	183	28	15	Врангель.
78	мыс Ванкарем	»	50	16	200	55		Козмин
79	р. Б.Бараниха, близ вост. истока	»	53	26	186	18	50	Матюшкин
79a	Хара-Балаганнах, стан на Се- ленгяхе (Индибирка)	»	53	43				Майдель
80	р. Оленёк, в 1 версте выше скалы Мдану-Мая	»	58	20				Миллер
81	Куиго, стан на одноим. озере	»	59	11	151	53		Анжу
82	Плотбище, стан на М. Анюе	68	0	3	180	4	15	Матюшкин
83	Обромное, стан на М. Анюе	»	1	0	181	30	15	»

84	Лабазное, стан	»	3	35	178	3	50	»
84a	Островное, место ярмарки на М. Анюе	»	4		181	29		Майдель
85	р. Оленёк, устье р. Угоян	»	5	20				Миллер
86	Коновалова, стан на М. Анюе	»	5	32	181	16	15	Матюшкин
87	Аргуново, стан на М. Анюе	»	7	6	180	28	50	»
87a	Кресты, станция на Колыме	»	7	25				Афонасьев
88	Молочково, стан на М. Анюе	»	7	40	179	20	15	Матюшкин
89	р. Ангуем, устье	»	9	51	199	38	15	Козмин
90	гора Нунгол на М. Анюе	»	10	2	180	37	15	Матюшкин
91	Куиго, стан на одноим. озере	»	14	40	152	6	30	Анжу
92	р. Оленёк, ниже устья Гаины	»	24	30				Миллер
90	гора Нунгол на М. Анюе	»	10	2	180	37	15	Матюшкин
93	остров на Лене выше стана Джессах	»	25	66	141	32		Анжу
94	р. Оленёк выше устья р. Ксунору-Ыряхъ	»	25	32				Миллер
94a	Абый, стан на одноим. озере	»	27	54				Майдель
95	р. Оленёк, в 2 вер. выше устья р. Хоппо	»	30	15				Миллер
96	Нижнеколымск	»	31	52	178	38	56	Врангель
97	Белые Горы	»	33	30	179	31	15	»
98	Пантилеевская, стан	»	35	51	179	8	15	»
99	р. Оленёк выше устья р. Суканы	»	36	50				Миллер
100	р. Крутая виска, устье (Колыма)	»	37	57	178	47	15	Врангель
101	гора Пантилеевская сопка	»	38	30	179	17	15	»
102	р. Амволиха, устье	»	40	52	178	58	15	»
103	гора Суровая, западный конец	»	41	0	179	0	15	»
104	р. Филиппова, исток	»	41	50	179	14	50	Козмин
105	гора Суровая, восточный конец	»	42	0	179	2	15	Врангель
106	р. Погинден, исток	»	46	47	183	53	18	»
107	Каретово, деревня	»	47	27	178	49	15	»
108	Черноусово, деревня	»	50	20	178	45	15	»
109	р. Погинден, средний исток (М.Анью)	»	52	0	181	31		Майдель
109a	р. Травяная	»	55	52	179	49	0	Врангель
110	р. Лагрик, устье, и стан Каталыктах	»	53	48	151	54	56	Анжу
111	мыс Рир-Кайпия	68	55	16	197	39	56	Козмин
112	р. Б. Бараниха, исток	ъ	57	8	184	12	0	Врангель
113	р. Оленёк, ниже впадения р.Тыряхтаха	»	58	32				Миллер
114	р. Оленёк, устье р. Апки	69	4	2				»
115	Походск, стан	»	4	21	178	31	15	Врангель
116	гора вблизи Ларионова камня	»	5	22	179	49	15	»
117	Ларионов камень	»	6	0	179	16	15	»
118	гора Вайвапина		6		186	25		Матюшкин
119	р. Б.Бараниха, место соединения двух истоков	»	9	5	184	15	0	Врангель
120	гора Сухарновская, вершина	»	13	0	179	46	15	»
121	Кабачково, стан	»	17	0	178	49	15	»
121a	р. Алазея	»	17	53				Майдель

122	р. Сухарная, средний исток	»	17	55	174	43	15	Врангель
122a	Похвальное, стан на Индигирке	»	23	19				Майдель
123	губа Чаун	»	25	16	185	52	15	Матюшкин
124	Малая Чукочьа, стан	»	26	10	178	2	50	Врангель
125	побережье Ледовитого океана к востоку от Якана	»	28	32	195	29	53	Экспедиция «Веги»
126	р. Б. Бараниха, магазин у устья	»	30	41	184	20	54	Врангель
127	Сухарное, стан на одноименном острове на Колыме	»	31	21	179	23	50	»
128	р. Березова или Рульчишка, устье	»	32	28	183	34	0	Козмин
129	р. Козьмин или Мышкина, устье	»	32	10	184	58	15	Врангель
130	Большое озеро, стёкшее озеро	»	33	11	185	13	15	»
131	Побережье Ледовитого океана	»	34	22	183	14	15	»
132	мыс Матюшкин, южный конец	»	35		188	20		»
133	побережье Ледовитого океана	»	35	20	194	40	15	»
134	гора на мысе Матюшкин	»	36		188	21		»
135	р. Крестовка, устье	»	36	6	181	53	15	»
136	Джусал, стан	»	37	46				Миллер
137	побережье Ледовитого океана	»	37	58	181	49?	15	Врангель
138	устье небольшой речки	»	37	37	185	10?	15	»
139	мыс Болтуновский, берег Лены	»	38	19	143	35		Анжу
139a	р. Медвежиха, устье	»	39		179	42		Майдель
140	пункт между Б. и М. Барановыми камнями	»	40	34	181	16	15	Врангель
141	мыс Медвежий	»	41	34	179	53		»
142	М. Баранов камень, сев. конец	»	41	48	180	36	15	»
143	Якан, малая скала	»	41	32	194	11	15	Козмин
144	мыс на западной стороне пролива Сабадей	»	42	44	185	18	15	»
145	Жанкы или Агача, стан на Яне	»	43	26	153	0	0	Анжу
146	Коса в проливе Сабадей	»	43	28	185	49		Матюшкин
147	Б. Баранов камень, сев.-вост. конец	»	43	55	181	31	15	Врангель
148	мыс Матюшкин, сев.-зап. конец	»	44	31	188	23	0	Козмин
149	остров Апаутан, сев. конец	»	47	0	188	16	15	Врангель
150	мыс на о-ве Айока или Сабадей	»	48	22	185	30	15	Козмин
151	побережье Ледовитого океана	69	48	12	193	50	0	Козмин
151a	побережье Ледовитого океана	»	49	41	192	13		Матюшкин
152	Анока или Сабадей, тундра	»	50	33	186	7	15	Козмин
153	мыс Кекурный	»	50	53	192	22	15	»
154	мыс Песчаный	»	52	56	185	36	0	»
155	р. Веркон, пункт между восточным и западным устьем	»	52	47	191	31	0	»
156	Айока или Сабадей, тундра на северном конце	»	57	17	186	21	0	»
157	мыс Кибер	»	57	38	190	43	15	»
158	Сихтях, стан на Лене	70	0	3	142	42	50	Юргенс
159	мыс Козмин	»		55	189	36	15	Козмин
160	Кочка или коса между мысами Эрри и Козмин	»	2	38	189	19	15	»
161	берег р. Яны	»	3	44	153	10	0	Анжу

162	коса перед западной стороной мыса Эрри	»	3	23	188	43	30	Врангель
163	Чёрная скала	»	3	17	189	15	0	Козмин
163a	Чукотское поселение к югу от мыса Эрри	»	5		188	45		Майдель
164	р. Б. Чукочьа, крутой берег в устье	»	6	45	177	28	15	Врангель
165	мыс Эрри	»	6	0	188	43		»
165a	р. Шандров, место находки мамонта	»	12	26				Майдель
166	мыс Говоров на Лене	»	13	58	144	0		Анжу
167	р. Оленёк, устье р. Накукит	»	15	11				Миллер
168	р. Оленёк, скала ниже устья р. Н. Кай-Ырях	»	19	34				»
169	Кьунгю, стан у устья той же реки	»	26	39	152	55	30	Анжу
170	р. Прокопья, устье	»	27	44	177	25	15	Козмин
171	р. Аллаиха, стан и устье	»	28	52	166	28	0	Анжу
172	р. Оленёк, ниже устья р. Голокыт	»	28	18				Миллер
173	р. Оленёк, в 2 вертах выше устья р. Люча-Ырыя	»	32	57				»
174	р. Яна, прибрежная скала	»	37	43	153	18	0	Анжу
175	VI Медвежий о-в, ю.-вост. конец	»	37	6	180	16	15	Врангель
176	Захребетное, стан у Захребетной протоки Индигирки	»	38	48	167	2	0	Анжу.
177	Шевелёвское	»	38	54	167	3		»
177a	о-в Земля Врангеля, южн. берег	»	40		199	10		Дальман
178	Сатыган-Талу, стан	»	42	23	149	15	38	Анжу
179	р. Крестовая, устье	»	43	33	176	58	15	Козмин
180	Булун, стан на Лене	»	44	46	145	26	32	Бережных
181	Казачье, у впадения одноименной реки в Яну	»	44	42	153	58	0	Анжу
182	IV Медвежий остров, сев. конец	»	46	35	179	20	15	Врангель
183	р. Голая, близ устья	»	48	16	149	20		Анжу
184	р. М. Алазея, устье одного из боковых рукавов	70	48	48	170	39	58	Врангель
185	р. Б. Алазея, устье одного из боковых рукавов	»	50	14	171	23	25	Козмин
186	I Медвежий о-в, сев.-зап. конец	»	52	14	178	4	15	Врангель.
187	побережье Ледовитого океана	»	53	48	171	57	15	»
188	р. Курдигина, устье	»	53	37	176	35	53	Козмин
189	Устьянск	»	54	58	154	10	0	Анжу.
190	мыс Каменный столб близ Усть-янска	»	55	16	149	4		»
191	Едомка, стан на Индигирке	»	55	46	168	58	9	»
192	Куропаточный яр, крутой берег на морском побережье	»	56	48	173	10	15	Козмин
193	побережье Ледовитого океана	»	58	11	172	28	15	Врангель
194	р. Берелях, устье, стан Елон	»	59	21	167	4	38	Бережных
195	Русское Устье	71	0	30	167	6	11	Анжу.
196	Северный Парнасс, гора	»	0	56	175	51	15	Козмин

197	Куропаточный яр, крутой берег на морском побережье	»	4	20	174	7	15	»
197а	о-в Земля Врангеля, вост. берег	»	5		199	50		Дальман
198	Орто, стан на речке Коллот	»	5	12				Миллер
199	Крестово, устье реки Чендона	»	6	0	156	28		Анжу
200	р. Омолой близ устья	»	12	14	150	3		»
201	Крестях, стан в дельте Яны	»	14	22	153	45	41	»
202	Кундыбейдах, устье р. Чандона	»	14	41	156	35		»
203	р. Гусиная, восточное устье	»	15	45	168	45		»
204	стань на Яне	»	18	56	154	2		»
205	стань на речке Тукулам	»	22	42				Миллер
206	Ильин Шар, устье Яны	»	22	57	152	40		Анжу
207	Губа Селлях, западный конец	»	24	3	156	56		»
208	р. Гусиная	»	25	8	167	1	53	Бережных
209	Бурдах, стан		26	32	154	2		Анжу.
210	р. Селлях, устье	»	26	3	157	56		»
211	остров Ярок, сев. берег		27	8	155	24		»
212	Мургаш, стан	»	31	51	154	19	57	»
213	Маньико, стан	»	31	38	156	2		»
214	остров Ярок, северный берег	»	33	12	155	26		»
215	р. Хрома	»	34	44	162	25	38	Бережных
216	Большое устье Индигирки	»	34	51	167	43	30	»
217	р. Хрома, устье	»	38	31	162	30		Анжу
218	р. Лапча, устье	»	38	1	163	15	27	»
219	мыс Гусиный, зимовье	»	38	44	167	16	40	Бережных
220	р. Карбас, устье	»	40	44	157	31	58	Анжу
221	мыс Балык-Таха	»	41	51	150	34		»
222	мыс Последний	»	44	47	151	9		»
223	остров Макар, юго-запад. конец	»	49	32	156	14		»
224	Быковская губа, западн. сторона	»	52	41	146	51	58	Бережных
225	мыс Бор-Хая	»	54	30	151	0	0	Анжу
226	Ванькин стан	»	59	20	157	38	40	»
227	мыс Быков	»	58		146	55	50	Юргенс

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

Список некоторых высот, заимствованных главным образом из каталога князя Кропоткина, приложенного к его «Отчёту об Олёкминско-Витимской экспедиции 1866 года». — Приведённые долготы и широты основаны не на астрономических определениях, а взяты с карты, так как их назначение — облегчит нахождение менее известных пунктов.

Место	Абсолютная высота в англ. футах	По карте						Наблюдатель и вычислитель
		φ			λ			
Возвышение земной поверхности от Якутска до Охотска								
Якутск	296							Шварц, Исленьев
Чакуйская	345							Эрман
Поротовская	480	62	1	10	149	29	28	»
Чурапчинская	377							»
Арылахская	371							»
Лебягинская	617	62	11	18	151	21	41	»
Мелджегейская	640							»
Нохинская	748	61	56	46	152	36	29	»
Алданский перевоз	424	»	53	22	153	13	43	»
Бельский перевоз	748							»
1 гора там же	966							»
2 гора там же	1497							»
Чернодесская	985	61	31	13	154	2	32	»
Горностахская	1525	»	29	36	154	39	48	»
Гора Улогчан там же	2712							»
Аллах-Юна	1912							»
Анча	2392	61	0	59	156	19	22	»
Озеро Тунгор	2443							»
Перевал не доходя 8 вёрст до Хоинги	3680							»
Юрта Хоинга	3300							»
Перевал Капитана	4029							»
Другая, более высокая вершина, свыше	4264							»
Юрта Юдомская	2482	60	54	18	158	15		»
Юрта Кетанда	2760							»
Амгикан	1164							»
Арки	908							»
Мета	166							»
Охотск	13							»
Граница леса на горе Улагчан	2494							»
Граница леса на горе Капитан свыше	4000							»
Якутск	296							Эрман

Алданский перевоз	409	59	10		149	42		Миддендорф
хребет Олега-Итабыт	1473	58	26		150	10		»
река Малый Аим	1291							
река Бохор Хапчагни, приток Большого Амма	1872							»
река Учур	1550							»
река Балыктах-Муналы, приток Уяна	2154							»
река Уян	2627							»
Водораздел перевала Джук- Джур в Становом хребте	4000							»
Наивысшие вершины там же, приблизительно	6000							»
река Солырной, система р. Уда	2620							»
Граница леса выше перевала Уяна, вероятно выше	5000							»
Долина Лены от станции Качуги до Якутска								
Качуга	1530							Кропоткин
Верхоленск	1426							Эрман
Тюманцовская	1138							»
Ботовская	1039							»
Устькут	874							»
Киренск	768							Эрман
Водораздел между Леной и Нижней Тунгуской	1330							Миллер
Ивановская или Иванушков- ская	668							Эрман
Паршинская или Паршева	619							»
Витимская	607							»
Жербинская	486							»
Неленская	431							»
Олёкминск	409							»
Иситская	337							»
Якутск	296							Шварц
Возвышение земной поверх- ности между Шилкой, исто- ком Амура, и Леной у стан- ции Жербинской								
Горбца на Шилке	1230	53	6		136	50		Усольцев, Кропот- кин
река Амазаркан (приток Ама- зара, впадающего в Амур)	2020	»	52		137	27		»
река Амазаркан, истоки	2890	54	0		»	33		»
река Бугарихта, истоки (приток Бухты, впадающей в Тунгир си- стемы Олёкмы)	3090	54	9		137	39		»
р. Бухта, золотой прииск (при- ток Тунгира)	2710	54	14		137	56		»
р. Бухта, устье (прит. Тунгира)	1810	»	26		»	45		»
р. Джиктанда (прит. Тунгира)	2400	»	27		»	30		»
р. Олёкма у озера Углу	1840	55	1		»	18		»

р. Мокла (приток Олёкмы) устье Безымянной	2160	»	17		136	50	»
Южная река водораздела между Моклой и Калаканом	2370	»	21		»	55	»
Перевал водораздела	4430	»	30		»	48	»
Северная река водораздела между Моклой и Калаканом	3810	55	34		»	48	»
р. Калакан, устье р. Одонгро	3750	»	38		»	45	»
р. Катугинет, место впадения в Калар	3180	56	0		»	57	»
р. Катугинет, средняя часть те- чения	3470	»	7		»	57	»
р. Катугинет, истоки	4910	»	13		»	57	»
р. Водораздел между реками Кадаром и Чарой	5580	»	19		»	55	»
Озеро Омут-дачи или Амундачи	4490	»	36		»	54	»
Озеро Андудлак, долина Чары	2340	57	3		»	21	»
Гора между реками Бодойбо (приток Витима) и Вачей (при- ток Жуи, впадающей в Чару си- стемы Олёкмы)	3860	58	17		132	19	»
Горы между реками Жуей и Хомолхо (приток Жуи)							
1 горная вершина	2930	59	2		133	55	Яскин, Кропоткин
2 горная вершина	3760	»	3		»	53	»
3 горная вершина	3970	»	5		»	51	»
Гора у истоков р. Балаганнаха (приток Жуи)	4220	58	48		134	18	»
гора Тепторго	5700	59	20		132	19	»
река Балаганнах (приток Жуи) золотой прииск	1610	58	43		134	13	»
Хижина на реке Богажикте (приток Хомолхо)	1300	59	21		134	3	»
Хижина на Жуе	910	»	4		»	9	»
Хижина в 25 верстах от Лены	820	»	55		»	38	»
Станция Жербинская	486						Эрман

Уже после того, как был прислан манускрипт барона Г. Манделя, появилась здесь, в С.-Петербурге (в томе 17, №3 (1894) Repertorium'a für Meteorologie, издаваемого Императорской Академией Наук), статья Фердинанда Миллера «Barometer-Nivellement zwischen Irkutsk und dem Eismeer». К труду этому приложена карта и он даёт целый ряд новых высот для Якутской области. Определения высот были произведены экспедицией Чекановского и Миллера на Оленьке, совершённой по поручению Русского Географического Общества в 1874 году.

Ф. Ш.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Литературные ссылки относительно сообщений Миддендорфа о тарынах.

Сообщения Миддендорфа о тарынах можно найти как в его обширном труде «Путешествие на север и северо-восток Сибири», так и в его дополнении к статье С. von Dittmar'a, помещённой в «*Mélanges physiques et chimiques*» Императорской Академии Наук от 3-15 декабря 1852. [\[назад\]](#)

2. Литературные ссылки относительно исследований тарынов Дитмара и возражения на его объяснение явлений тарынов.

Дитмар, насколько мне известно, был первым исследователем своеобразных явлений тарынов; он же первый старался дать им объяснение. Сначала он высказал своё мнение о них в «*Mélanges physiques et chimiques*» Императорской Академии Наук от 3-15 декабря 1852, а затем повторил почти то же самое на стр. 51-65 его «*Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka*» Erster Theil. St.-Petersburg. 1890.

Первые «Eismulden», как Дитмар называет тарыны, он встретил на пути в Аян в долине реки Турехтаха, притока Май, в августе месяце 1851 года. Два тарына Дитмар измерил сам и нашёл, что один из них в это время имел ещё 60 сажень длины и 25 сажень ширины, а другой — 80 сажень в длину и 35 сажень в ширину. Третий тарын ему удалось видеть лишь издалека, так как путь его принял другое направление. Все эти три тарына образовались на одном и том же ручье, всего в нескольких верстах друг от друга. Впоследствии он видел ещё один тарын, на ручье Лекки, тоже впадающем в Маю. Все тарыны были, по-видимому, довольно значительны, так как не успели растаять до августа и при том имели в своей средней части восемь футов толщины. Дитмар подробно исследовал русла рек, на которых встретил тарыны, и нашёл при этом всё то, что показалось достойным особенного внимания как Миддендорфу, так и мне. Он нашёл роскошный, покрытый пышной растительностью луг, по которому протекал, сильно извиваясь, ручей, образовавший много рукавов; к середине луга, т.е. по направлению к главному

руслу реки, «богатство растительности уменьшалось и наконец луг окаймлял собою оголённую галечную отмель, которая в свою очередь окружала в виде кольца громадную массу льда». «Вода текла частью подо льдом, частью же по этому последнему, в глубоко вырытых желобах. Русло почти без исключения было выложено галькою, которая состояла из грубого, содержащего известь песчаника, выступавшего как по берегу ручья, так и в верхней части долины. Очень часто приходится видеть скопления гальки в виде обширных валов, так что кажется, что имеешь перед собою морены; благодаря сильной изменчивости русла, валы эти в некоторых местах опять прорываются, вследствие чего образуются более или менее обширные кучи сброшенных вместе камней. Часто наблюдаешь лёд, густо усеянный галечными включениями, так что образуется конгломерат, в котором лёд является цементом». В конце описания второго тарына Дитмар говорит ещё следующее: «При этом тарыне мне приходится обратить особенное внимание на одно обстоятельство, которое при первом выступало не так резко. Дело в том, что в конце его накопилось столь значительное количество гальки и песка, что образовавшийся через то вал значительно, по-видимому, способствовал запруживанию ручья и тем самым обуславливал более быстрый рост тарына зимой». Дитмар нашёл также в долине деревья значительной толщины, но по направлению к середине тарына они зачахли, очевидно потому, что стояли тут слишком глубоко во льду. Впрочем, Дитмар того мнения, что прежде здесь либо вовсе не было тарынов, либо они не достигали таких обширных размеров, так как в противном случае вряд ли могли бы расти здесь деревья, а тем более такие толстые.

Из всех сделанных на месте наблюдений, которые, как уже сказано, во всём совпадают с моими собственными, Дитмар выводит, однако, совершенно другие заключения, чем я. Лёд тарынов он считает, как и я, производным воды, находящейся поверх льда, но утверждает, что вода эта доставляется ручьём или ключом поверхностно и что она образует наслоение льда благодаря тому, что притекает правильными слоями, которые замерзают, потом снова притекают, опять замерзают и т.д. Вместе с тем Дитмар считает за необходимое условие образования тарына, чтобы долина, в которой он возникает, представляла собою котловину или по крайней мере была бы горизонтальна, причём в послед-

нем случае полагает, что котловины образуются в ней путём перемещения вперёд галечных отмелей. В котловине собирается, по его мнению, вода, которая замерзает и тем образует основной слой тарына, могущий достигнуть большего или меньшего развития в зависимости от количества притекающей воды и от большей или меньшей теплоты зимы. Сказанное прямо следует из тех положений, которые Дитмар выставляет с одной стороны за непеременимые условия возникновения тарына, а с другой — приводит в виде отличительных признаков последнего от глетчера. Главнейшие из этих положений следующие.

«Тарыны образуются лишь в таких частях долин, которые либо являются в виде резко выраженных котловин, или расположены по крайней мере совершенно горизонтально».

«Выше котловинообразного или горизонтального дна долины должен открываться обильный водою источник, температура которого настолько высока, что он не замерзает зимою.»

«Нарастание тарына происходит путём притока воды, которая на месте же и замерзает. Вода эта истекает из покрытых лесом склонов долины».

«Находящаяся на тарынах галька отрывается водою от выше лежащих частей долины механически и без всякого порядка отлагается на гладком льде. Тут галька становится игрушкой воды до тех пор, пока не углубится, будучи сильнее нагрета солнцем, в лёд или не снесётся водою с гладкой поверхности и не попадёт на более неровный грунт края котловины, где, получив более опоры, образует валы».

«Вал, находящийся на тарыне, если только он достаточно высок, должен значительно способствовать нарастанию льда».

Приведённые положения очень рельефно передают взгляды Дитмара, но их можно было поставить лишь осенью, т.е. в такое время, когда даже эти тарыны почти совершенно растаяли. Если бы Дитмару удалось посетить место зимою, то он нашёл бы, конечно, мокрое ледяное поле, но ни в каком случае не гладкое, а на оборот — прорезанное многими возвышениями. Тогда он заметил бы, что вода, поддерживающая почти постоянно поверхность ледяного поля мокрою, выходит именно из тех возвышений. Согласно с его взглядами, Дитмару пришлось бы отыскивать место, из которого вода поверхностно разливается по ледяному полю, а место это по необходимости должно было бы помещаться

выше остального тарына, так как вокруг него замерзало бы больше всего воды. Это совершенно так же, как в широтах, где нет вечномёрзлой почвы, появляется вода на льду источника, устье которого расположено всегда выше, чем окружающая его наледь. Но Дитмар напрасно стал бы искать такое место, он видел бы перед собою, как сказано, лишь горизонтальную ледяную поверхность, прорезанную неправильно разбросанными и покрытыми снегом возвышениями, из боков которых повсюду сочится, стекая на гладкий лёд, вода. Если бы он ещё немножко повременил, или имел бы возможность снова посетить тарын ранней весною, то он нашёл бы, что множество возвышений, которые зимою были покрыты снегом и сочили воду, превратились теперь в галечные отмели, выдающиеся из плотно лежащего ещё льда.

Точно также не совсем ясно, каким образом вода приносит и откладывает на лёд обломки камней, которые действительно встречаются на середине большей части тарынов, но которые бывают далеко не на всех из них, а потому и не составляют *conditio sine qua non* образования тарынов. Если бы такой тарын питался, как принимает Дитмар, находящимся на верхнем его конце источником, то галька вовсе не могла бы приноситься, так как источник не выбрасывает гальки. Если же, с другой стороны, Дитмар предполагает, что обломки камней попадают на тарын при помощи ручьёв, образуемых тающими снегами, то, хотя это иногда и возможно, ему всё же пришлось бы возразить, что уровень внешних вод вряд ли может быть настолько высок, чтобы они могли затопить тарын, особенно же его середину, т.е. место, где он достигает наибольшего своего развития. Тарыны образуются преимущественно в долинах, имеющих очень слабый наклон, они поднимаются значительно выше берегов рек, на которых возникают, а потому они значительно возвышаются над окружающим их дном долины; это видно уже из того, что даже 5 августа Дитмар нашёл толщину льда в середине тарына равною восьми футам. Таким образом очевидно, что внешние воды не могли бы затопить такой мощный слой льда, и если бы они образовались, то только обогнули бы тарын дугою и отложили бы несомые ими обломки камней на его обледенелых краях, — а тут сам же Дитмар нашёл лишь зеленеющий луг, но не гальку. Помимо того, такие реки далеко не всегда образуют бешеные потоки, влекущие весною камни и гальку; тарын встречаешь часто на самом начале реки, в том её месте,

где она ещё не может быть слишком многоводна даже весною, во время таяния снега. Тарын часто окружён, правда, галечным пространством, но последнее возникает и продолжает существовать только потому, что на нём не успевает развиваться растительность, так как большую часть тёплого времени года оно остаётся покрытым льдом. Это касается главным образом середины тарына, края же его, первоначально галечного, дна часто скрываются под пышной травянистой и кустарниковой растительностью. Не мешает далее заметить, что тарын, всё равно большой он или маленький, обыкновенно остаётся весною очень долго сухим и как бы нетронутым солнцем, дождём и ветром. Мало того, весною тарын может даже расти от дождей: если в течение дня они и образуют на нём лужи, то ночью, благодаря интенсивности развиваемого тарыном холода, вода замерзает и образует новые наслоения льда. Проходит много времени прежде, чем позднее время года успеет согреть ледяное поле и довести массу до таяния, но затем начинается уже очень быстрое таяние по всему протяжению поверхности тарына; тогда, действительно, образуются невероятные массы воды, устремляющейся вниз по долине в виде бесконечного числа бешено несущихся потоков, но одновременно с тем видишь, что та же самая речка выше тарына едва струится за отсутствием в ней воды. Итак, всю эту громадную массу увлекаемой вниз воды тарын порождает сам, но сверху она ни в каком случае ему не доставляется. [[назад](#)]

3. Цитата из «Zusatz» Миддендорфа к статье Дитмара.

В цитированном выше (прим. 1) «Zusatz» Миддендорф говорит следующее:

«Если в предыдущих строках я разбирал этот предмет более подробно, то только для того, чтобы доказать, что наледи обледенелых долин Сибири представляют собою совершенно те же явления (если не считать их несравненно большее развитие), которые у нас в Лифляндии зимою встречаются повседневно». [[назад](#)]

4. Более подробное объяснение причины вспучивания и разлития Ангары зимою, в противоположность другим рекам Сибири выходящим из берегов весною.

Тут нельзя не заметить, что вспучивание Ангары зимою часто приписывают многим другим причинам и что явление это ни в каком случае не получило ещё окончательного объяснения. Ангара вытекает из Байкала с большою силою, так что, несмотря на очень низкую температуру своей воды (которая и летом редко нагревается выше $+6^{\circ}\text{R}$), вплоть до Иркутска покрывается льдом не путём замерзания с поверхности, а путём запруживания глыбами грунтового и плавучего льда, спускающегося вниз по озеру. В течение долгого промежутка времени глыбы эти безостановочно плывут мимо названного города и начинают скопляться уже много ниже Иркутска, где река течёт медленнее и поэтому покрывается льдом осенью, при наступлении сильных холодов. Обыкновенно в середине декабря торосы эти покрыли реку внизу таким крепким покровом, что начинают сталкиваться вблизи города со страшным, напоминающим собою пушечные выстрелы треском и тотчас же превращаются здесь в плотный покров: не замёрзшая ещё выше река часто уже на следующий день покрывается льдом, могущим выдерживать какую угодно тяжесть. От города процесс этот подвигается вверх по реке, но никогда, однако, не доходит до самого озера: даже в самые холодные годы ледяной покров реки отделяется более или менее значительным открытым пространством от ледяного покрова озера; Факт этот прекрасно знаком всем любителям охоты, потому что на незамёрзшем участке реки ежегодно зимует значительное количество водяной птицы. В то время, как Ангара становится, воды в ней немного, да и уровень её в реке остаётся одним и тем же из году в год; иначе, впрочем, город не мог бы располагаться всего в шестидесяти верстах от озера. Но вскоре после того, как Ангара замёрзла, ледяной покров её начинает подниматься и обыкновенно достигает края берега в тех местах, где последний несколько понижается. Этим в большинстве случаев дело и кончается, так как при таком высоком стоянии льда вода озера имеет всё же достаточный сток и затопляет только расположенный ниже города петербургский тракт, имеющий меньшую абсолютную высоту, чем

берег реки в пределах города. Но бывают годы, когда места воде не хватает, когда лёд поднимается выше нагорного берега реки в пределах города, и она затопляет часть последнего. Наводнение это тем серьёзнее, что бывает оно во время наибольшего холода, обыкновенно в конце декабря и в начале января, почему выступившая из берегов вода тотчас же превращается в плотный лёд.

В Иркутске придерживаются часто того взгляда, что разлитие реки обусловливается не *minimum*'ом испарения Байкала зимою, а засорения Ангары плавучим льдом ниже города. Соглашаясь с тем, что при большом количестве притоков озеро имеет всего лишь один сток и что, поэтому, постоянство уровня его вод должно быть несомненно объясняемо при помощи его испарения, защитники вышеприведённого взгляда указывают, однако, на то, что уменьшению и, в конце концов, прекращению испарения зимою, во время покрытия озера льдом, соответствует и меньший прилив воды, несомой в него притоками зимою. Совершенно справедливо, что малые притоки Байкала, особенно масса открывающихся в него источников, зимой становится очень бедна водой, но всё же в него впадает много и значительных притоков, которые остаются многоводными в течение всего года. Поэтому, регулярное поднятие уровня вод в Ангаре вслед за её замерзанием нельзя объяснить ничем иным, как повышением уровня самого озера: явление это наступает ежегодно с такою замечательною правильностью, что ставить его в зависимость исключительно от запруживания решительно невозможно. Но, с другой стороны, в высшей степени вероятно, что время от времени случающиеся наводнения и оледенения части Иркутска вследствие моментального вспучивания реки у самого города имеют своею причиною именно засорение реки ниже последнего (в том месте, где она делится на несколько рукавов) спускающимися вниз по ней массами грунтового льда. Этому вполне соответствует и необычайная быстрота наступления наводнений, причём люди едва успевают спастись на крышу домов или перебраться из нижнего этажа в верхний.

[\[назад\]](#)

5. Объяснительная заметка к «Карте тарынов по рекам Кыра и Ньехаран» и верховьев реки Догдо.

Прилагаю тут для большей ясности «Карту тарынов по рекам Кыра и Ньехаран» и верховьев реки Догдо, в масштабе десяти вёрст в английском дюйме. Она представляет собою точную копию пути, снимавшегося мною на месте пель-компасом и ежедневно наносившегося на бумагу. Как видно из моего маршрута, я отправился с Селегняха и шёл к Ньехарану по совершенно ровной, покрытой редким лесом местности. В то время, т.е. в октябре 1870 г., на реке этой уже началось образование тарына, но он был ещё совершенно обособлен. На правом берегу последний ещё вовсе не выходил из берегов, да и на левом через ещё слабый тарын совершенно явственно можно было различить береговую линию. Как справа, так и слева, я имел перед собою два высоких хребта, которые позволяли, равномерно расступаясь в виде широких ворот, рассмотреть на горизонте мощную цепь Тас-Хаяхтаха. Пройдя по имевшему около пяти вёрст в ширину, совершенно ровному и вовсе лишённому даже деревьев участку, вышел я на Кыру, на которой тоже весьма энергично начал развиваться тарын, но, насколько я мог заметить, не успел ещё подняться до краёв берега реки. Наоборот, благодаря тому обстоятельству, что вода целого лабиринта образуемых тут рекою протоков покрылась зеркально гладким льдом, а бесчисленные острова её и берега были засыпаны снежным покровом, первые крайне резко отделялись от последних. В то время тарын вовсе не имел того протяжения, какое изображено на моей карте; передо мною отчётливо расстиралось тогда только русло реки с его разветвлениями и притоками, почему путешествовать в эту пору было вполне удобно.

Картина совершенно изменилась, когда я, едучи из Якутска, проходил эту местность в декабре 1868 года: ледяное поле имело уже почти совершенно те же очертания, какие видны на карте, представляющей тарын в границах, указанных мне проводниками. Как далеко простирается он по направлению к северу и к югу по притокам Кыры, сказать мне не могли, так как никто из присутствовавших не исследовал тарын в этих направлениях. Весьма, впрочем, вероятно, что ледяное поле между Кырой и Ньехараном доходит до Селегняха. Проводники, ведшие нас из

Якутска и бывавшие здесь только зимою, самым положительным образом утверждали, что в Селягнях впадает только Кыра и что Ньехаран во все не течёт в него, а впадает под тарыном в Кыру, которая таким образом одна доходит до Селегнях. Зимою, впрочем, так оно и кажется, потому что в декабре 1865 года равнина между Кырой и Ньехараном представляла, как уже сказано и как показывает карта, одно непрерывно тянувшееся ледяное поле. Ошибка становится ещё понятнее, если вспомнить, что там как раз вовсе нет деревьев. Вообще трудно себе представить, до какой степени изменяется тарыном вид всей местности. Посещая её в различное время года, кажется, что находишься в совершенно различных местах. Особенно трудно допустить летом, когда лёд сильно уже отступил, и осенью, в самом начале его образования на реке, что обширная, достигающая пяти вёрст в ширину равнина между Ньехараном и Кырою может покрыться тарыном Кыры. Я отличию помню, что, проезжая там летом 1866 года и остановившись вслед за тем у поварни Тирях-Ырея, я никак не мог поверить, несмотря на заявление моих спутников, чтобы лёд мог покрыть зимою и всю названную равнину. Передо мною и в то время расстилался ещё обширный тарын, по которому и около которого с бешеной быстротой неслись воды бесчисленного числа потоков, но чтобы он мог дойти до указываемых размеров, я вовсе не хотел допустить. Я счёл рассказ за один из тех вымыслов, которыми путешествующие любят занимать слушателя, чтобы живее представить ему преодолевавшиеся ими трудности и лишения. Прекрасно сохранилась у меня также в памяти и роскошная флора этой равнины и при том не столько из-за новых, не найденных в округе видов, сколько в виду того, что знакомые уже формы встречались здесь в замечательно роскошных и прекрасно развитых экземплярах, особенно отличавшихся живостью своих красок. Удивило меня также, что лиственницы покрылись уже прекрасной зеленью, несмотря на то, что некоторые из них оттаяли лишь недавно, а многие были окружены ещё, правда не очень толстым, льдом. Впоследствии я убедился раскопками, что для своего развития лиственница вовсе не нуждается в совершенно оттаявшей почве. В Якутской области, у озера Андрей-Кёль, близ границы леса, я нашёл в августе месяце совершенно мёрзлую почву на глубине, которой касались ещё корни лиственницы. Дерево могло, таким образом, прекрасно

существовать, несмотря на то, что корни его своею нижнею поверхностью из году в год оставались примёрзшими к почве.

Как Дитмар, так и Миддендорф нашли, однако, что хотя живые деревья и могут стоять в тарынном льде, но что в середине тарына они погибают, и что, следовательно, глубокий лёд им всё же вредит. Лично я мог убедиться в том же самом, а потому считаю нужным обратить особенное внимание на то, что виденные мною зеленеющими деревья хотя и находились во льду, но что этот последний был в июне месяце уже тонок и, по всей вероятности, исчез бы через несколько дней. Но при виде погибших толстых и высоких деревьев, потребовавших на севере для своего развития по крайней мере целое столетие, приходишь к несомненному убеждению, что в прежнее время на таких местах не могло быть тарына. И действительно, это вывод, основанный на положительных фактах: мне сообщали о некоторых тарынах, не об очень больших, конечно, что прежде их не было по крайней мере на тех местах, где их встречаешь теперь. Итак, они образовались в недавнее время: вода, теснимая осенними холодами, вырыла себе новые подземные каналы и была принуждена выступить зимою на поверхность в иных местах, чем прежде. Но из того же следует, что если с одной стороны дана возможность воде пролагать себе новые пути, то, с другой стороны, холод в состоянии заложить и старые. Впрочем, вода имеет необыкновенные способности навсегда удерживать за собою раз проложенный ею путь. В Якутске, расположенном всё же на значительно мёрзлой почве, пришлось сделать в этом отношении в высшей степени неприятные открытия. Понятно, что все без исключения погреба заложены там в промёрзшем грунте; для жителей обстоятельство это крайне важно, так как благодаря ему не только очень долго сохраняются все припасы, но и даётся единственная возможность круглый год иметь большие запасы льда. Последний служит в Якутске для добывания воды для питья, так как колодцев там нет, а вода рукава Лены, на котором расположен город, не годна для питья. Я измерял там в августе месяце температуру в погребах и нашёл её равною 5° ниже нуля. Несмотря на это, время от времени случается, что при больших весенних наводнениях вода попадает в некоторые из погребов и наполняет их; такие погреба приходится обыкновенно считать потерянными. В иные годы вода замерзает, само собою разумеется, и в этих погребах, но оставаясь всегда у точки замерзания,

является причиной сырости в помещении. Пробовали спасать погреб тем, что вырубали лёд, но это никогда не вело к цели: вода всегда основа находит прорытый ею путь, и погреб, хотя и медленно, но опять ею наполняется. Единственное спасение в таком случае заключается в том, что погреб до верху засыпают землёю, выкачав из него предварительно воду: в сухом грунте вода перестаёт сочиться. Но несмотря и на такую разительную способность воды сохранять за собою раз проложенную дорогу, существующие уже подземные каналы всё же могут затыкаться и тем обуславливать исчезновение или перенесение на другие места уже существующих тарынов. Легче всего это может случиться в сухое лето и при раннем наступлении осенних холодов, но лично я не могу привести ни одного такого примера.

При наибольшем своём развитии тарын достигает до поварни Тирях-Ырея, откуда начинается уже заметный подъём местности, по которой река течёт, не образуя ни островов, ни рукавов. Подойдя к главной цепи хребта Тас-Хаяхтаха, река поворачивает на юг и, всё ещё покрытая плотным ледяным покровом (20 октября), течёт по сильно уже поднимающейся долине до места, помеченного на карте литерой *l*, но оставляет с каждой стороны по узкой береговой полоске. Начиная же с *l*, береговые скалы подходят так близко к реке, что едва оставляют место для прохода; вернее сказать, у *l* можно пробраться с трудом только по левому берегу, а на противоположном, правом, скала так плотно подступает к реке, что кажется, будто последняя течёт на некотором пространстве под скалою. То же самое наблюдается, но в усиленном масштабе, и на левом берегу, у места, помеченного буквою *k*. Тут скала совершенно повисает над рекой, и река как-бы вытекает из-под неё. На самом деле этого, однако, нет: Кыра течёт и выше скалы и даже образует (несколько выше *k*) три, по-видимому совершенно равные по силе, рукава, по среднему из которых пролегал наш путь. Эти три рукава были замершие, и мне показалось даже, что они промёрзли до самого дна; впрочем, наверное я не могу это утверждать, так как не был в состоянии производить продолжительные изыскания.

До нависших скал на левом берегу, у места, помеченного литерой *k*, река была покрыта льдом, но тут лёд вдруг обрывался и оставлял значительное пространство открытой воды приблизительно до пункта, по-

меченного *l*; далее плотный ледяной покров снова сковывал реку. Объяснить это можно только тем, что Кыра получает из гор сильный приток воды, почему и остаётся так долго открытою на протяжении почти трёх вёрст. У места же *k* река, по всей вероятности, свободна ото льда в течение всей зимы, а если замерзает на короткое время в конце февраля, то в очень холодные и сухие годы; впрочем, открытое место в скором времени начинает суживаться, так что в конце концов вряд ли превосходит сто сажень или самое большее достигает полуверсты. Мы могли перебраться с нашими нартами на правый берег по одному довольно сухому месту реки, последняя была тут мелка, а к камням и другим неровностям пристал и примёрз грунтовый лёд, который массами стремился вниз по реке. От *k* до *h*, т.е. до болота или небольшого болотистого озера, из которого в одну сторону течёт Кыра, а в другую — Догдо, оставалось ещё приблизительно до восьми вёрст, да и оба другие, побочные рукава Кыры не могли быть много длиннее. Несмотря на это, река была уже настолько многоводна, и вода её была так тепла, что ледяной покров не мог образоваться даже при сильной зимней стуже, доходившей тогда, в октябре, до -19°R днём, а ночью достигавшей minimum'a в 22°R ниже нуля. На крайнем севере внутренние части гор хранят, таким образом, и при той низкой температуре воздуха, какую мы привыкли наблюдать в с.-в. Азии, значительное количество земной теплоты и могут заключать в себе такой богатый запас воды, который в состоянии питать в течение всей зимы даже такие обширные тарыны, как тарын на реке Кыре.

Через хребет Тас-Хаяхтах я продолжал свой путь вниз по Догдо. Карта продолжена ещё несколько далее, потому что здесь, на Догдо, находится место, получившее известность благодаря рассказу Врангеля об одном, приключившемся ему на пути, несчастий, рассказу, который толковался часто совершенно неправильно. Врангель говорит, что на Догдо у него вдруг провалилась через лёд и исчезла одна из вьючных лошадей. Когда стали спасать животное, заметили, что оно стояло внизу, посреди лишённой льда реки, и что верхний слой льда, через который лошадь провалилась, висел на воздухе, так как вода под ним опустилась. Таким образом казалось, что реки могут образовывать несколько, расположенных один под другим, ледяных покровов, благодаря тому,

что при каждом опускании уровня воды последняя замерзала с поверхности и постоянно образовала новый слой льда. Дело, однако, в том, что нормально этого не бывает, но тем не менее рассказ совершенно верен и доказывает только полнейшую неопытность проводника Врангеля: в противном случае он не повёл бы путешественника по месту, которое обойти очень легко. На карте оно помечено буквой *p* и расположено несколько ниже поварни Убиенной (*u*), у которой впадает в Догдо его южный приток, текущий от Зашиверска и представляющий, собственно говоря, главную реку. В длину место это имеет не много, но отличается тем, что река, очень суженная здесь двумя прибрежными скалами, часто испытывает крайне быстрые повышения уровня вод в том случае, если ниже временно запруживается плавучим лесом или другим тому подобным сором. Если в таком случае наступает мороз, то образуется неестественный ледяной покров, который в большинстве случаев, однако, рушится, как только запруда вымоется рекою; после этого последняя снова достигает обыкновенного уровня и опять покрывается нормальным ледяным покровом. Зимой по этому месту, называемому по-русски Щёками, а по-якутски Лабарга, не ездят вследствие того, что лёд на нём большей частью очень неровен, а обойти его не составляет, как уже сказано, никакого труда. Причинивший неприятности Врангелю ледяной покров встречается редко и никогда не остаётся надолго висячем положении; он мог ввести в заблуждение только совершенно негодного проводника. [[назад](#)]

6. Заметка об упоминаемом Миддендорфом ледяном Конусе в 20 футов высотой и дальнейшие возражения на объяснения Миддендорфа явлений тарынов.

Так сильно, т.е. до двадцати футов, поднимавшегося над тарынным льдом возвышения я лично никогда не видал. Я могу объяснить себе его возникновение только тем, что там находилось исключительно высокое земляное возвышение, следовательно, земляной конус, покрывшийся снегом и потому внутри не успевший ещё замёрзнуть в то время, когда поверхность окружавшей его воды уже замёрзла. Впоследствии конусу мешал уже промерзать постоянно восходивший ток грунтовой воды и таким образом началось образование тарына. В высшей степени

замечательным является всё же то обстоятельство, что вода подымалась до такой высоты. По всей вероятности, благодаря сильному холоду, всё более низкие проводящие воду возвышения уже замёрзли, так что для необходимого стока постоянно напивавшей воды оставался только один этот пригорок.

Дальнейшая неясность в относящихся к этому цитату словах Миддендорфа заключается в том, что, ставя тарын в зависимость от вечно-мёрзлой почвы, он объясняет эту зависимость исключительно тем, что для образования тарына необходима температура, находящаяся большую часть года ниже точки замерзания: в противном случае, будто бы, слой льда не может так плотно приставать к почве, как того, очевидно, требует тарын.

Почву, температура которой остаётся в течение большей части года ниже точки замерзания, встречаем мы почти во всей Якутской области. В окрестностях Якутска, расположенного почти в центре области, почва оттаивает с поверхности на один или два дюйма не ранее, чем в первые дни мая месяца; затем оттаивание идёт вперёд и в песчаном грунте достигает приблизительно до 28 дюймов, но другие грунты никогда так глубоко не оттаивают. Процесс этот совершенно прекращается, однако, уже в конце августа, когда верхний слой почвы обыкновенно снова замерзает. Таким образом, можно считать, что на этой широте почва оттаивает в самых верхних своих слоях месяца на три или, самое большее, на три с половиною. Ещё неблагоприятнее складываются в этом отношении обстоятельства в более северных широтах, а также в поясах, имеющих большую абсолютную высоту. Несмотря, однако, на всё сказанное, мы видим, что в пределах Якутской области тарыны безусловно имеют своё географическое распространение, — что в некоторых из её частей они встречаются очень часто, а в других, наоборот, вовсе отсутствуют. Итак, в приводимом Миддендорфом условии не может заключаться причина образования тарына.

Непонятно, далее, также и то, каким образом плотно прилегающий к промёрзшей почве слой льда может быть прорван притекающей водой, которая должна выступить через этот мёрзлый слой почвы, чтобы снова течь. Не полагает ли Миддендорф, что это делают возможным трещины, образующиеся в земле под влиянием мороза? Совершенно справедливо, что трещины такие встречаются довольно часто, но они

образуются только во время самых сильных морозов; как учит опыт, они никогда не бывают очень глубоки и ни в каком случае не доходят до талого грунта, потому что холод здесь недостаточно силён, чтобы вызывать растрескивание почвы. Вследствие сказанного во льду тарынов никогда не бывает трещин: я видал массу тарынов, но ни разу не находил трещин и то же подтверждается туземцами, которые прекрасно знают, откуда берётся в высшей степени неприятная для них вода, покрывающая лёд тарынов. Она всегда течёт с возвышений, т.е. с таких мест, которые по разным, подробно мною уже рассмотренным, причинам могут оставаться незамёрзшими в то время, как вся почва вокруг них превратилась в непроницаемый слой плотного льда. [[назад](#)]

7. Разъяснение понятий тайга, урочище, степь и тундра.

Хотя выражения: тундра, тайга, степь и урочище рассматривались и частью пояснялись в других местах настоящего труда, я всё же считаю не лишним ещё раз поговорить о всех них вместе в том отделе моей работы, где они упоминаются особенно часто и где, поэтому, представляет особенный интерес знать, какой смысл придаёт этим словам житель Якутской области.

Тайгой называется просто дикое место, глушь, в каком бы виде она ни являлась; местность может быть гориста или представлять собою болотистую равнину, — и всё это безразлично носит имя тайги: слово это выражает только отсутствие человеческого воздействия на дикую природу. Так, например, обычное право инородцев или так называемые законы тайги применяются всюду, где нет русских поселений, потому что только русские живут преимущественно в селениях и в точно определённых границах; якуты же, а тем более охотничьи племена, никогда не селятся обществами, но живут одиноко в тайге. Кроме того, русские отличают тайгу от *чистой тайги*, понимая под первым из этих обозначений места, обитаемые якутами, а под вторым охотничьи области тунгусов, ламутов и других бродячих племён. Обе местности одинаково пустынные, но если присмотреться к ним внимательно, то, конечно, очень легко заметить большую между ними разницу. Тайга, в которой живут якуты, прежде всего имеет пути сообщения; последние являются, ко-

нечно, не в виде благоустроенных дорог, но тем не менее лес почти повсюду прорезан тропами, по которым можно проехать верхом в любом направлении. Они позволяют перебираться через реки и другие непроходимые места благодаря тому, что подходят к бродам или к менее топким участкам болот, а у более глубоких водоёмов находишь на таких тропах спрятанные где-нибудь в чаще лодки из коры, так называемые шитики, которыми пользуешься и которые снова прячешь. Этими тропами в тайге пользовались с незапамятных времён, во всяком случае много раньше начала русского господства, но, по всей вероятности, именно благодаря пользованию ими, они до сих пор и сохранились в хорошем состоянии: никто кроме путешественника о них не заботится, они никому не нужны кроме него, поэтому он их чинит и благодаря ему они существуют. Когда подойдёшь, как мне часто случалось, к непроходимому месту, то, конечно, останавливаешься, а проводники, убедившись в невозможности идти далее, берутся за топор и, смотря по обстоятельствам, либо строят фашинник, либо вырубают подсед в тех местах, где тропа настолько уже успела зарости, что не даёт возможности пройти вьючной лошади. Одним словом, именно благодаря такому вмешательству со стороны путника и делаются проходимыми эти бесчисленные тропы. Настоящая, «чистая тайга» (как не редко восклицают проводники в отчаянии) вовсе не имеет таких троп, а потому, путешествуя по ней, приходится часто делать самые ужасные обходы и крюки, лишь бы только подвигаться вперёд: через девственный лиственничный лес к югу от Верхоянского хребта нет возможности пробраться иначе, как при помощи топора, а это — ужасное дело! Много раз случилось мне сбивать мосты, чтобы перейти через пенящиеся ручьи, не раз приходилось заставлять вырубать на большем протяжении кустарник с целью дать возможность пробраться лошадям от одной прогалины к другой. Несмотря на то, что в моём распоряжении находилось от четырёх до пяти работников, я не мог, при таких обстоятельствах, подвигаться в течение летнего дня вперёд далее, как на две, на три или четыре версты. В тайге, обитаемой якутами, вовсе не приходится встречаться с подобными затруднениями; путешествовать по ней, таким образом, много легче и путешествие сопряжено со значительно меньшей затратой времени. Помимо того здесь время от времени имеешь удовольствие встречать якутские юрты, так что носишь в себе чувство, что

ты не один, что идёшь по населённой местности; в чистой же тайге наткнуться на тунгуса или другого какого охотника представляется простой случайностью.

Урочище и *степь* являются понятиями до некоторой степени противоположными понятию «лес», который к югу от Верхоянского хребта составляет преобладающий, господствующий над всеми остальными, род местности. Поэтому, первоначальное значение слова урочище можно было бы передать словом прогалина или поляна, но помимо того на местном языке оно имеет и более обширный смысл: существуют урочища очень значительных размеров. Проезжаешь, например, по местности, где преобладают кустарник и пастбища, затем пересекаешь порядочный участок леса, после чего снова выбираешься в кусты и на луга и, пройдя таким образом десять, двадцать, а то и более вёрст, в конце концов узнаёшь, что всё пройденное пространство составляет как-бы одно целое, урочище, носящее определённое название. В этом случае слово урочище означает заселённое место в виде противоположения бесконечному, глухому лиственничному лесу, который для якута является всегда синонимом «неудобной земли». Поэтому в таком смысле слово урочище употребляется исключительно там, где живут якуты, в чистой же тайге его почти всегда понимают в смысле прогалины, но очень часто соединяют с ним понятия о месте, стане, остановке для кормёжки и т.д. Тут слово это имеет большое значение для путешественника, потому что с одной стороны оно указывает ему направление, по которому он должен идти, а с другой стороны поясняет, где остановиться, где кормить лошадей или оленей, куда назначить проводников, где должна произойти встреча и т.д. На таких, например, урочищах всегда располагаются в глуши места ярмарок, так называемые сугланы.

Степь, в настоящем значении этого слова, в Якутской области, собственно говоря, вовсе не встречается, так как под степью понимают сухую равнину, совершенно лишённую древесной растительности. Но лес в Якутской области настолько преобладает над всем остальным, что для настоящей степи уже не остаётся более места. Тем не менее и тут говорят о степных местах в тех случаях, если в какой-либо местности, обитаемой с очень древних времён, лес сильно истреблён, или если дававшие хорошую траву покосы пришли в негодность благодаря осуше-

нию почвы, осушению, чаще всего вызываемому спусканием озёр. Впрочем, называть такие места степными может только тот, кто никогда не видал настоящей степи, какую можно наблюдать, например, в южной части Забайкалья; к тому же, лишённые леса и травы участки Якутской области слишком незначительны по протяжению и чересчур редки, чтобы заслуживать это название.

Тундра, наконец, есть образование севера, и к югу от Верхоянского хребта вовсе не встречается. Самым характерным отличительным признаком тундры является присутствие того самого белого мха, которым питается зимою олень, летом предпочитающий зелень, — главным образом ивовые листья и ещё зелёные ивовые побеги; в тёплое же время года ему так же трудно обрывать и пережёвывать мох, как завядшую траву зимою. Настоящая тундра, таким образом, является болотом, поросшим жёсткими *Carices* и белым мхом. Она одна занимает собою всё побережье Ледовитого океана, а также береговые пространства у Гижинской и Пенжинской губы; по берегу Великого океана тундряных пространств меньше, здесь преобладает трава и настоящий калтус, кочковатое болото. Начинаясь у побережья Ледовитого океана, тундра идёт, однако, далеко на юг и даже заходит за северную границу лиственничного леса, но тут, конечно, уже не является единственным родом местности. Всюду, где почва лиственничного леса (к северу от Верхоянского хребта не образующего более настоящей чащи и, чем далее на север, тем более редящего) занята между болотистой травой характерными участками, покрытыми белым мхом, там говорят о *тундристом* *лесе*. Слова эти употребляются в том же смысле и на всём остальном пространстве Якутской области, но только при этом к югу от Верхоянского хребта речь никогда не идёт о равнине: тут мох в низменность уже не спускается, а потому можно говорить разве о тундристом горном склоне или о чём-нибудь тому подобном.

К северу от Верхоянского хребта слово урочище употребляется довольно редко и сам я в тех местах его никогда не слышал. Обстоятельство это находится, по-видимому, в связи с тем, что девственный лес, к югу от названного хребта имеющий претензию, если ему не помешают топор и огонь, покрывать собою решительно всё, здесь, на севере, растёт уже далеко не так быстро и пышно: тут лесные и безлесные места постоянно чередуются, постепенно переходят друг в друга, повсюду лес

проходим и без топора, кроме разве самой южной части. Лично я прошёл всё же большую часть тамошних лесов, но к северу от хребта нигде уже не натыкался на настоящую, ужасную чащу. [[назад](#)]

8. По поводу изображения Ожогинского и других озёр на карте.

Ожогинское озеро изображено на моей карте не совсем правильно в том отношении, что отстоит от Индигирки слишком далеко, а само нарисовано несколько малым. От берега Индигирки оно лежит в прямом направлении на расстоянии самое большее тридцати вёрст, длина же его с лишком тридцать: по всему южному, ровному и сухому берегу я прошёл сам, а потому расстояния сняты мною здесь, по всей вероятности, правильно. Северный берег этого озера горист, так как к нему подступает вплотную Полоусный хребет, образуя двумя своими отрогами три глубоких залива.

Озёра, расположенные между Ожогинским озером и озером Эджегей, благодаря чересчур мелкому масштабу карты, получили слишком шаблонный вид, а потому следующие за ними, ещё более мелкие, я уже не рисовал: изобразить их сносно было бы ещё труднее. [[назад](#)]

9. Пояснение различия между рекой и виской и подробности о последней.

Хотя различие между рекою и виской было указано уже и раньше, тем не менее мне кажется нелишним выяснить его подробнее ещё здесь, где речь идёт о местности, в которой виска имеет сильное распространение и совершенно вытесняет настоящую реку.

Якут называет реку *ырях*, *ырые* или, если она уже велика, *эрыс*. Кроме того, и особенно к югу от Верхоянского хребта, он имеет ещё название *сен*, которым обозначает сток озера в реку. К северу же от Верхоянского хребта он употребляет преимущественно слова *ырях* и *виска*. Вопрос о том, какого происхождения слово виска, русского или якутского, я оставляю открытым¹, но оно несомненно в ходу как у русских, так и у якутов. Ыряхом зовётся всегда река, берущая своё начало из источника

¹ Виска, — слово русское. Ф. Ш.

или имеющая в виде своего истока ручеёк и текущая в явственно выраженных берегах. Виской, наоборот, зовётся канал, соединяющий друг с другом два озера и способствующий в конце концов стоку озера в реку. Впрочем, выражение это довольно-таки изменчиво и неопределённо, и имеются водоёмы, которые одними называются ыряхом, а другими виской. Так, например, река Табалах, часто встречающаяся на картах Иркутского Штаба и часто принимавшая на них внушительные размеры, по собранным мною сведениям, вовсе не река, а цепь небольших озёр, соединённых между собою и, в конце концов, с Тостахом. Подтвердить это могу я лично, так как в том месте, где я через него переезжал верхом, он был едва заметен. На моей карте река вышла слишком большой, было бы много вернее выпустить её совершенно при таком малом масштабе чертежа. Я счёл, однако, необходимым поместить её потому, что на предыдущих картах она послужила источником большой ошибки. Упоминаемая в тексте моего труда Спасская или Дурунгуна, по заявлению местных жителей, тоже виска, на моей же карте она носит характер реки. Произошло это потому, что мне могли дать верные сведения только об озере Чабы, из которого она вытекает; впрочем, мне говорили также, что она течёт из одного озера в другое и что особым названием своим она обязана лишь тому обстоятельству, что несколько шире, чем другие соединяющие озера каналы. Точно также мне часто приходилось слышать, что Алазея в верхнем своём течении, и Гаврила или Протока, суть ничто иное, как виски: в низменности, по которой текут эти реки, по словам местных жителей, число озёр до неимоверности велико, все эти озёра соединены друг с другом каналами или висками, а потому будто бы никак нельзя сказать, которая из этих висок представляет собою Алазею и которая — Гаврилу или Протоку. Впрочем, подобным заявлениям местных жителей не следует придавать слишком большое значение, иначе вовсе не удалось бы указать направление течения названных рек. По всей вероятности, дело обстоит так, что среди бесчисленного числа прорезывающих местность протоков и каналов, с которыми мне немало приходилось бороться летом 1870 года, всегда найдутся более богатые водою и более широкие, а может быть и с несколько более быстрым течением, каналы, которые в этом случае и получают название реки даже тогда, когда часто прерываются озёрами. В действительности же течение в таких висках необыкновенно слабое и

от этого зависит то обстоятельство, что они так легко заплывают илом и зарастают травой. В конце концов процессы эти ведут к тому, что река прекращает своё существование, как таковая, и покрывается такой же растительностью, как и окружающая её суша. В этом случае виска получает название *травяной*. От луга, по которому она протекает, такая травяная виска отличается только несколько более светлым оттенком зелени, если же подъезжаешь к ней ближе или является необходимость перебраться через неё, то тотчас же убеждаешься, что имеешь дело с трясинной, которая, будучи сама кашицеобразной консистенции, не позволяет покрывающим её растениям образовать такой плотный дёрн, какой встречается на настоящей суше. Она легко допускает вырывать отдельные растения без повреждения их корней; хотя последние и переплетены, как и на суше, с корнями соседних растений, но среда, их заключающая, всё же так жидка, что отдельные индивиды могут быть, как уже сказано, легко выделены.

Частое понижение и повышение уровня вод в озёрах, о чём не раз говорилось в первом томе настоящего сочинения, и даже полное их осушение, находится, как мне кажется, в тесной связи с состоянием висок. Ввиду того, что испарение в тех местностях сравнительно очень незначительно, почти вся вода бесчисленных озёр и озерков должна быть вынесена в море не меньшим количеством висок. Очень слабое уже само по себе на равнине падение воды низводится почти до минимального движения благодаря тому, что стоки всех озёр, как целого, образуют крайне извилистую линию. Движение воды, однако, всё же существует и доказывается уже тем, что рыба поднимается из моря до последних, соединённых висками, озёр. Рыба положительно не могла бы идти вверх, если бы не было тока воды, а между тем мы видим, что она подвигается вперёд и встречается даже в таких висках, которые мы, не зная этого явления, затруднились бы даже признать за водоёмы. Они не только заросли, но и по наружному виду целиком состоят из очень жидкого торфа, а между тем рыба всё же в состоянии пробиться сквозь эту чёрную, тягучую массу. Если теперь один или несколько подобных каналов окончательно засорятся вследствие сильного развития в них растительности, то уровень воды лежащих за ними озёр должен будет, понятно, подыматься до тех пор, пока напор водной массы не возрастет до

maximum'a и вода не снесёт всё, что стало ей поперёк дороги. Тогда каналы прочищаются и уровень озёр снова опускается, но как раз вследствие последнего обстоятельства падение воды в тех же каналах становится слабым, растительная жизнь вновь начинает развиваться и, в течение ряда лет, прочищенные каналы опять превращаются в травяные виски, которые в свою очередь поднимают уровень озёр, и таким образом снова повторяется та же история. Такой порядок явлений бывает, впрочем, не всегда. Иногда приходится наблюдать почти то же, что и при искусственном спуске водовместилищ человеком. Дело в том, что якуты большие мастера спускать озёра и в прежнее время много этим занимались. Но в последнее время прибегают к спуску озёр лишь изредка, так как оказалось, что осушённые таким способом водоёмы, хотя вначале и давали неслыханные урожаи сена, но в течение времени начинали приносить всё меньше и меньше травы, и в конце концов, превращались в абсолютно бесплодные, покрытые жалкой растительностью пространства. Люди были бы очень рады, если бы пространства эти вновь покрылись водой, но этого не случалось. Поэтому местные жители пробовали спускать озеро не совершенно, а только несколько понижать уровень его вод; делали они это особенно с теми озёрами, которые имели очень постепенно спадающие и мелкие края; при этом они старались устроиться так, чтобы всегда иметь возможность снова поднять уровень озера засыпкой отводных каналов. Но эти эксперименты приводили к очень печальным последствиям, потому что озеро подрывало обыкновенно все расчёты: само углубив мелкие искусственные отводные каналы, оно вытекало целиком и более уже не наполнялось. То же самое бывает, однако, и при естественном падении уровня озёр. Если последнее располагается недалеко от более значительной реки, так что стоку её способствует всего одна, две или три виски, оно развивает столь энергичную деятельность, что не только прочищает виски для беспрепятственного стока своих вод, но и вырывает их до глубины, позволяющей стечь озеру совершенно. В этом случае образуется сухая низина, так называемый *олбут*. [[назад](#)]

OCR Андрей Дуглас, 2023.